

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ПРАВОСУДИЯ**

**ИСТОРИЯ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ
СБОРНИК ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

**МОСКВА
2004**

ББК 66.3 (0)

И 89

Серия

«История России»

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел отечественной и зарубежной истории

Редакционная коллегия:

Ю.С.Пивоваров — чл.-корр. РАН, главный редактор,
В.Н.Бабенко — д-р ист. наук, редактор-составитель,
Л.Н.Верченков — канд. филос. наук, **Н.А.Власенко** — д-р юрид.
наук, **В.В.Ершов** — д-р юрид. наук, **И.П.Слободянюк** — канд.
ист. наук, **А.А.Твердохлеб** — канд. ист. наук, **В.М.Шевырин** —
канд. ист. наук.

И 89 История судебных учреждений России: Сб. обзоров и
реф. / РАН ИНИОН; Рос. акад. правосудия; Редкол.: Пивова-
ров Ю.С. (гл. ред.) и др. — М., 2004. — 224 с.
ISBN 5–248–00208–7

В сборнике представлены обзоры, посвященные анализу отечественной и зарубежной историографии становления и развития судебных учреждений в Киевской Руси, Новгородском и Псковском народовластиях и Российской империи. Помещены рефераты, в которых центральное место отводится характеристике особенностей эволюции судебной системы в период государственных реформ Екатерины II и Александра II.

The book presents reviews devoted to the analysis of Russian and foreign historiography of the formation and development of judicial bodies in Kievan Russia, Novgorod and Pskov and the Russian Empire. Summaries are focused on the evolution of the judicial system under Catherine II and Alexander II.

ББК 66.3 (0)

ISBN 5–248–00208–7

© ИНИОН РАН, 2004

© Российская академия правосудия, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

I. Обзоры

<i>В.Н.Бабенко.</i> Проблемы становления и развития административно-судебных органов Древней Руси в отечественной историографии ..	8
<i>В.Н.Бабенко.</i> Правовая основа функционирования судебных органов Древнерусского государства в IX–XV вв.	40
<i>Т.И.Чесных.</i> Суд и процесс в Киевской Руси в IX–XII вв.	77
<i>И.П.Слободянюк.</i> Судебная система в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в отечественной и зарубежной историографии	85
<i>И.П.Слободянюк.</i> Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма»	98
<i>И.П.Слободянюк.</i> Проекты преобразования судебной системы России в первой половине XIX в. и подготовка судебной реформы	133

II. Рефераты

История судебной власти в России, IX – начало XX в. (Реферативный обзор)	146
Судебная система России в 1864–1917 гг. (Реферативный обзор) ...	157
<i>Вортман Р.</i> Развитие русского правового сознания	180
<i>Кайзер Ф.Б.</i> Русская судебная реформа 1864 г.: К истории русской юстиции от Екатерины II до 1917 г.	201
<i>Фриерсон К.А.</i> «Я обязан всегда отвечать перед законом...». Права и обязанности в реформированном волостном суде	217

ПРЕДИСЛОВИЕ

Продолжающаяся уже более десяти лет судебная реформа в Российской Федерации, отдельные проблемы судостроительства и судопроизводства, возникающие в ходе ее реализации, невольно вынуждают нас возвращаться к богатому историческому опыту, накопленному Российским государством в течение прошедших столетий. В данном сборнике представлены аналитические и реферативные обзоры, а также рефераты, в которых нашли отражение взгляды отечественных и зарубежных историков и юристов на вопросы развития судебных учреждений в России в IX — начале XX в., на особенности становления и эволюции судебных органов и процесса.

В первом разделе центральное место занимают аналитические обзоры, посвященные истории становления и развития судебных учреждений в Древней Руси и преобразованиям судебной системы Российской империи.

В обзоре, посвященном анализу отечественной историографии по вопросам становления и развития Древнерусского государства (IX—XV вв.), характеризуется обширный массив научной литературы, изданной за последние два столетия. Выделяются следующие этапы развития отечественной науки: 1) российская историография конца XVIII — начала XX в.; 2) советская историография; 3) современная российская историография.

Особое место в сборнике занимает обзор, посвященный деятельности судебных учреждений в Древней Руси. В нем на основе анализа важнейших источников древнерусского права (Русской Правды, Новгородской и Псковской судных грамот, княжеских уставов и др.) и концеп-

ций отечественных исследователей характеризуются роль и место правового обычая и судебного прецедента на этапе становления и развития судебного процесса в Древнерусском государстве, рассматриваются проблематика преступлений и наказаний, а также особенности порядка судопроизводства.

Вопросы становления и развития судебных органов и процесса в Киевской Руси IX–XII вв., нашедшие отражение в следующем обзоре, имеют первостепенное значение для изучения дальнейшей эволюции системы этих учреждений в период удельной раздробленности, а затем образования централизованного Русского государства.

Несмотря на то, что в хронологическом отношении в сборнике отсутствуют аналитические материалы о развитии судебных органов в период становления и развития Московского государства, а также Российского государства на этапе формирования сословно-представительной монархии, он дает достаточно широкое представление о развитии судебной системы Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Этим проблемам посвящены обзоры И.П.Слободянюк, в которых анализируется современная отечественная и зарубежная историография, рассматривается реформа судебных органов в период «просвещенного абсолютизма», характеризуются проекты преобразования судебной системы России в первой половине XIX в. и особенности подготовки судебной реформы 1864 г. Важно отметить, что в обзоре, посвященном реформе судебной системы России в период «просвещенного абсолютизма», наряду с анализом работ, изданных в XIX в. и в последние годы, значительное место уделяется рассмотрению архивных материалов из фондов Российского государственного архива древних актов.

В обзоре, посвященном проектам преобразования судебной системы Российской империи и проблемам подготовки судебной реформы 1864 г., кратко излагаются проекты преобразования судебных органов, представленные М.М.Сперанским, М.А.Балугьянским, Д.Н.Блудовым и др. Рассматриваются противоречия, возникшие между Д.Н.Блудовым и Н.И.Паниным во взглядах на предстоящую судебную реформу.

Второй раздел сборника содержит реферативные обзоры и рефераты работ зарубежных исследователей. Центральное место в обзоре «История судебной власти в России» занимают монография

В.И.Власова¹ и шеститомное фундаментальное исследование О.Е.Кутафина, В.М.Лебедева и Г.Ю.Семигина «Судебная власть в России: История, документы»². В многотомник наряду с обширными историческими и историографическими обзорами включены и публикации важнейших источников права, законодательных актов, регламентировавших деятельность судебных органов и порядок процесса в России.

В обзоре, посвященном развитию судебной системы России в 1864–1917 гг., написанном на основе современных отечественных публикаций, центральное место отводится вопросам реализации Судебных уставов 1864 г., проблемам введения судов присяжных и деятельности мировых судей.

В сборник включены два реферата фундаментальных работ зарубежных авторов Р.Вортмана и Ф.Б.Кайзера, опубликованных еще в 70-е годы XX в. Их книги, являющиеся в настоящее время практически недоступными для широкого круга читателей, представляют значительный интерес для современных исследователей. Так, в монографии Р.Вортмана³ большое внимание уделяется не структурным реформам судебных органов, а проблемам личного состава и профессиональной подготовки российских юристов. Особое место в его работе занимает вопрос, связанный с возможностью проведения в самодержавной России судебной реформы и введения прогрессивных для того времени судебных учреждений.

Монография Ф.Б.Кайзера⁴ посвящена проблемам развития и преобразования судебной системы России во второй половине XVIII — начале XX в. В ней рассматриваются различные проекты и концепции реформы системы судебных органов, взгляды государственных деятелей и юристов, роль и место в подготовке и проведении судебной реформы II Отделения Собственной е.и.в. канцелярии.

Значительный интерес представляет также и реферат работы американского профессора К.А.Фриерсон, в которой рассматривается дея-

¹ Власов В.И. История судебной власти в России: Книга первая (1019–1917). — М.: Спутник+, 2003. — 623 с.

² Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы: В 6 т. / Науч. консультант проекта Скрипилов Е.А. — М.: Мысль, 2003. — Т. I–VI.

³ Wortman R.S. The development of a Russian legal consciousness. — Chicago-London, 1976. — XI, 345 p.

⁴ Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. Bis 1917. — Leiden, 1972. — XV, 552 S.

тельность волостных судов в европейской части России в последней трети XIX в.

Следует подчеркнуть, что этот сборник подготовлен специалистами ИНИОН РАН и Российской академии правосудия. В этом отношении он является примером сотрудничества академической и вузовской науки.

Ю.С.Пивоваров

I. ОБЗОРЫ

В.Н.Бабенко

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В течение последних двух столетий исследователями собран и издан обширный комплекс документов и материалов, научной литературы, посвященный становлению и развитию древнерусского права и судебных органов Русского государства IX–XII вв., а также Новгородской и Псковской феодальных республик XII–XV вв. В целом его можно разделить на следующие группы: 1) источники; 2) российская историография конца XVIII – начала XX в.; 3) советская историография (1917–1991); 4) современная российская историография 90-х годов XX – начала XXI в. К тому же, каждая из данных групп может в свою очередь подразделяться на другие составляющие на основе хронологического или проблемно-тематического принципа. Естественно, такое деление всегда предполагает определенную степень условности. Тем не менее оно необходимо для структурированного анализа довольно большого объема источников и научной литературы.

В данном обзоре представлена краткая характеристика основных научных исследований отечественных историков и юристов, опубликованных в XVIII – начале XXI в.

Российская историография конца XVIII – начала XX в. Проблемы истории становления и развития Древнерусского государства и права занимали в XVIII – начале XX в. одно из важных мест в отечественной

историографии. Следует согласиться с утверждением В.В.Пузанова, что «вопрос о характере княжеской власти и государственных формах Древней Руси являлся дискуссионным в дореволюционной исторической науке» (91, с.34), оставаясь по существу таким и в наши дни.

Многочисленные научные публикации данного периода представлены в основном работами общеисторического и историко-правового характера, посвященными вопросам становления и развития древнерусского государства и права, в которых в той или иной степени нашли отражение проблемы судоустройства и судопроизводства. Что касается специальных исследований, центральное место в которых занимали бы вопросы становления и развития судебных органов и процесса в Древней Руси, то они практически отсутствуют.

В работах общеисторического и историко-правового характера, изданных в XVIII в., ощущается скудость источниковой базы. Хотя в этот период уже начался процесс публикации и ввода в научный оборот Краткой и Пространной редакций Русской Правды, исследования известных историков В.Н.Татищева, М.М.Щербатова и И.Н.Болтина опирались в основном на известную тогда «Повесть временных лет», в соответствии с которой началом русской государственности было «призвание варягов». Из этого следует и ошибочность их концепции, практически совпадающей с основателями Норманнской теории Г.З.Байера, Г.Ф.Миллера, А.Л.Шлецера и др. Эти немецкие ученые, обосновавшие в Российской академии наук, утверждали, что восточные славяне в силу своей отсталости и низкой культуры были не в состоянии самостоятельно создать свое государство. По их мнению, государственность у восточных славян была создана норманнами. Они полагали, что варяги создали первые государственные учреждения, законы и правовые институты.

Необоснованность и антинаучность Норманнской теории в настоящее время является очевидной. Тем не менее в XVIII—XIX вв. эта теория имела значительное число сторонников. Даже известный русский историк Н.М.Карамзин указывал, что до «призвания варягов» восточнославянские племена имели достаточно низкий уровень развития и культуры. Он подчеркивал при этом, что «Варяги или Норманы должныствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах Севера, могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа» (52, с.94—95). К тому же, Н.М.Карамзин отмечал, что «Варяги принесли с собою общие граждан-

ские законы в Россию, известные нам по договорам Великих Князей с Греками, и во всем согласные с древними законами Скандинавскими» (52, с.167). Для обоснования данного утверждения он приводит примеры некоторых заимствованных норм, свидетельствовавших о том, «что родственник убиенного имел право лишить жизни убийцу, что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки, что за каждый удар мечем, копием или другим орудием, надлежало платить денежную пеню» (там же).

Известный русский историк права И.Д.Беляев, рассматривая вопрос о влиянии скандинавов на создание и развитие Древнерусского государства, указывал, «что при первых варяго-русских князьях до Владимира еще сохранялось старое устройство славянских племен в русской земле, т. е. рядом с князем участвовали в общественных делах лучшие люди, держащие землю, и вся земля или народное вече» (6, с. 88). Определяя главную задачу, стоявшую перед создававшимся государством, И.Д.Беляев подчеркивал, что в этот период «ни верховная власть великого князя, ни государственное устройство не имели иного смысла, кроме объединения племен» (там же).

В рамках данной работы нет возможности подробно рассматривать аргументы и недостатки Норманнской теории, выявлять степень влияния варягов на происхождение Русского государства и права соседних народов и культур. Решением этих вопросов в течение предшествующих веков занимались многочисленные исследователи, имеются и специальные работы, опубликованные в последние годы (72; 77; 78; 80; 95; 128; 136). Следует согласиться с мнением С.Э.Цветкова, посвятившим в своей работе «варяжскому вопросу» более 100 страниц, о том, что «норманизм давно уже является своего рода научной мифологией, на поверку не имеющей подтверждения ни в одном источнике» (155).

Многие историки и юристы пытались обосновать определяющее влияние зарубежного права на русское, отыскать корни русского права в скандинавском или германском праве. К.Д.Кавелин справедливо по этому поводу заметил: «Нет исторической возможности, очевидной нелепости, через которую храбро не перепрыгивали, только чтобы вывести наш древний обычай за тридевять земель, из тридевятого царства, все равно какого: была бы тень сходства, слабейшая аналогия» (48, с.43).

Такое положение объяснялось, с одной стороны, отсутствием в России в первой половине XVIII в. университетов и соответствующей юридической школы. После создания первого университета, а затем и

юридических факультетов в других высших учебных заведениях первоначально юриспруденцию преподавали иностранные профессора, которые могли читать только зарубежное право.

Первым против такого положения выступил М.В.Ломоносов. Его критика была в основном направлена против Норманнской теории происхождения Русского государства, а вопрос об основах древнерусского права в XVIII в. не получил еще должного развития. М.В.Ломоносов в замечаниях на диссертацию Г.Ф.Миллера о «Происхождении имени и народа российского» подверг критике основные положения Норманнской теории. По его мнению, государственные образования существовали у восточных славян и до прихода варягов в виде отдельных племенных союзов и княжеств. М.В.Ломоносов указывал, что основной причиной призвания варягов были не слабость и неспособность восточнославянских племен к государственному управлению, на чем настаивали представители Норманнской теории, а внутренние междоусобицы, которые и привели к обращению к норманнам (67).

Необходимо особо отметить, что М.В.Ломоносов впервые в русской историографии использовал достаточно обширный корпус источников о славянских племенах и их первых государственных образованиях, включая свидетельства античных и других зарубежных авторов.

С.Е.Десницкий, ставший первым русским профессором юриспруденции в Московском университете в 1767 г., считается основоположником истории русского права. В своих работах он представил свою концепцию по основным вопросам теории и истории государства и права.

В начале XIX в. вопрос о происхождении древнерусского права нашел отражение в исследованиях Н.А.Полевого, который указывал, что на русское право оказывали влияние как скандинавское и германское право, так и греческое и «церковное» право. «Русская Правда в том виде, как она дошла до нас, есть смешение, — отмечал он, — законов скандинавских и германских, древних славянских обычаев, даже греческих и церковных законов». Однако при этом Н.А.Полевой подчеркивал, что «это смешение произошло под сильным влиянием народа-победителя, варягов, и князя, повелевавшего безусловно и безотчетно...», что «ни один народ никогда не списывал вполне и не брал целиком законов другого...», а «законодательство нигде не ограничивалось одним источником» (88, с. 189–190).

В первой половине XIX в. в контексте так называемой теории «официальной народности» последователем Норманнской теории проис-

хождения Русского государства был М.П.Погодин, основные взгляды которого на вопрос о влиянии варягов на происхождение государства и права у восточных славян представлены в трехтомном издании «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (81). М.П.Погодин считал, что влияние варягов на государственный строй и право Древней Руси было решающим. Он даже назвал первый период русской истории, с 862 по 1054 г., норманнским, отразив свои взгляды в специальной монографии (82).

В историографию происхождения русской государственности и права внесли заметный вклад славянофилы и западники как представители двух исторических школ. К славянофилам следует отнести прежде всего братьев К.С. и И.С.Аксаковых, братьев И.В. и П.В.Киреевских, А.С.Хомякова и И.Д.Беляева, которые полагали, что западноевропейские государства были созданы на основе насилия, а в России же власть князей базировалась прежде всего на призвании их народом.

В частности, И.Д.Беляев подчеркивал, что лишь «немного изменилось государственное устройство с прибытием варяго-русских князей» (6, с.88). Что же касается законодательства и, в частности, гражданского права, по его мнению, изменений было выявлено еще меньше. «Да не было и надобности в каких-либо изменениях в этом разделе обычного права, ибо власть великого князя нисколько не касалась, — указывал он, — старых юридических обычаев, относящихся к частному праву» (6, с. 88—89). Великий князь, выполнявший функции верховного судьи, обязательно должен был судить, подчеркивал И.Д.Беляев, «по старым исконным обычаям», причем на суде должны были присутствовать судьи, «представленные тяжущимися сторонами, называвшиеся судными мужами, а они всегда были хранителями юридических преданий старины и врагами нововведений в деле суда» (там же).

Представители западников, включая и так называемую государственную школу, хотя и обладали определенными различиями во взглядах на основные проблемы истории возникновения Русского государства и права, имели общие взгляды, направленные против концепции славянофилов. К представителям данного направления следует прежде всего отнести историков права К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина, а также известного русского историка С.М.Соловьева (46—49; 114—118; 148—149).

Во второй половине XIX — начале XX в. вопросы истории русского права получили развитие в исследованиях В.И.Сергеевича, М.В.Владимирского-Буданова, Д.Самоквасова, А.Филиппова и др. Они

нашли также отражение в работах известных русских историков В.О.Ключевского, Н.А.Рожкова, историка права М.А.Дьяконова и др.

В.И.Сергеевич являлся сторонником «договорной теории» происхождения государства, в соответствии с которой Русское государство образовалось в результате заключения договора между вече и князем. Следует отметить, что в своих работах (106—110) он преувеличивал влияние Византии на Русь, объясняя сходство отдельных норм и институтов византийского и русского права прямым заимствованием их русскими у византийцев. Естественно, что в его теории в основу формирования древнерусского права была положена рецепция византийского права.

М.Ф.Владимирский-Буданов сформулировал «земскую теорию», в соответствии с которой в Древнерусском государстве существовало только три органа власти: князь, боярская дума и вече (9). М.Ф.Владимирский-Буданов, рассматривая вопрос о происхождении Древнерусского государства, в целом отвергал позицию представителей Норманнской теории, указывая при этом, что «князья-варяги застали везде готовый государственный строй» (9, с. 13). Тем не менее по некоторым вопросам становления Русского государства и права взгляды М.Ф.Владимирского-Буданова находились под влиянием Норманнской теории. Так, он считал, что Древнерусское государство, начиная с X в., под воздействием варяжских дружин было втянуто в вооруженные конфликты с соседними государствами. «Отсюда возникли, — как отмечал он, — первые приемы законодательства: договоры с иноземцами и рецепция чужих законов» (9, с. 89).

Известный русский историк В.О.Ключевский рассмотрел проблемы возникновения и развития Древнерусского государства и права в контексте так называемой «торговой теории» (55).

Значительный интерес представляют и исследования М.М.Ковалевского о первобытно-общинном строе и историко-сравнительном методе в юриспруденции, изданные в конце XIX — начале XX в. Так, в его работе «Первобытное право» (58) содержатся важные сведения об обычаях и обычном праве восточных славян. М.М.Ковалевский, применяя сравнительный метод, предупреждал, что простое сравнение между законодательством двух стран даже при выявлении случайного сходства или незначительного различия может привести к неверным выводам. «Сопоставлять законодательства нескольких народов по тому или другому вопросу может быть очень интересно, — но делать на основании этого сопоставления вывод, что одно поэтому должно

быть всюду введено, а другое отовсюду вытеснено — значит ни больше ни меньше, как наглядно доказывать, — подчеркивал М.М.Ковалевский, — полнейшую неспособность видеть причинную связь между законодательством известного народа и суммой тех общественных явлений, при которых оно развивалось» (57, с. 8–9).

Таким образом М.М.Ковалевский стремился показать самобытность «славянского права», хотя он иногда и преувеличивал значение заимствованных одними народами у других норм и институтов права.

Проблемам развития Древнерусского государства и права уделял значительное место в своих исследованиях и А.А.Кизеветтер (53–54). Так, в работе «Местное самоуправление в России, IX–XIX вв.» он два раздела посвятил вопросам развития древне-русских княжеств, взаимоотношений князя и веча, возникновению системы удельного управления (54, с.8–31).

Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. были изданы учебные пособия и курсы по истории русского права И.Д.Беляева, Н.П.Загоскина, В.И.Латкина, М.М.Михайлова, Д.Я.Самоковасова, В.И.Сергеевича, А.Н.Филиппова и др. (5; 33–34; 64–65; 74–75; 101–102; 107–109; 135).

Особо следует отметить, что в середине XIX в. были также изданы специальные работы по истории уголовного права Древнерусского государства (7; 21).

В работах В.Г.Демченко, Н.Л.Дювернуа, О.Ф.Ланге, М.М.Михайлова и др. нашли отражение вопросы процессуального права (19–20; 25; 62–63; 74).

Достаточно подробному анализу договоров Руси с Византией посвящены работы Н.Лавровского, В.И. Сергеевича и др. (61; 106; 110).

Особое место в отечественной историографии занимают работы, посвященные вопросам становления и развития древнерусского церковного права. Прежде всего следует назвать исследования Е.Е.Голубинского и Н.С.Суворова (11; 122–123).

Таким образом, даже краткий обзор отечественной историографии дооктябрьского периода свидетельствует о том, что в общеисторических исследованиях М.М.Щербатова, В.Н.Татищева, Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского и других значительное место отводилось анализу источников древнерусского права в контексте их значения для исторического процесса. А работы известных историков права К.Д.Кавелина, К.А.Неволина, Н.В.Калачова, Б.Н.Чичерина,

М.Ф.Владимирского-Буданова, В.И.Сергеевича, И.Н.Латкина, М.А.Дьяконова, не утратившие научной значимости и в нынешнее время, убедительно доказывают, что в историографии дооктябрьского периода накоплен, систематизирован и введен в научный оборот обширный документальный и фактический материал.

Рамки данного обзора не позволяют подробно охарактеризовать все работы, посвященные исследованию истории Древнерусского государства и права. Поэтому наряду с ними мы уделим большее внимание прежде всего специальным работам, в которых нашел отражение процесс становления и развития судоустройства и судопроизводства в Древней Руси IX—XV вв.

К таким исследованиям следует отнести работы А.Куницына, Н.Хлебникова, Г.М.Бараца, В.М.Грибовского и др. Исследование А.Куницына занимает среди них особое место. Оно состоит из трех частей: 1) «Об устройстве судебной власти в Новгороде»; 2) «О судопроизводстве»; 3) «О рассмотрении и решении тяжёбных и уголовных дел». Как видим, работа А.Куницына полностью посвящена вопросам судоустройства и судопроизводства Новгородской феодальной республики. Почему автор начал исследование истории древнего судопроизводства в России с Новгорода? Он дает на этот вопрос следующий ответ: «История России начинается повествованием о междоусобиях Славян, обитавших на севере, о пришествии Князей Варяжских на берега Ладоги и Ильменя, об установлении там монархии на место прежней демократии; там же являются и первые писанные законы, а не в другом каком-либо Княжестве; следовательно историю, не только судопроизводства, но и других частей Права, должно начинать изъяснением древних установлений Новгородской области» (59, с.III). Данное утверждение не может не вызвать возражений, так как многие дошедшие до нас письменные источники права происходили из Киевской Руси, а само Новгородское княжество до начала XII в. находилось фактически в полной зависимости от киевских великих князей. Вызывает также возражение и следующее утверждение А. Куницына: «...Рассматривая судебные учреждения Новгорода, я обращал внимание на Германские законы, из которых древние Русские почерпнуты» (59, с.IV).

Несмотря на явный односторонний подход к исследованию вопросов судоустройства и судопроизводства Новгородской республики, А.Куницын значительное место в своей работе отвел анализу таких част-

ных средств защиты нарушенных прав, как самосуд и взаимное поручительство (59, с. 1–10).

Автор уделил также большое внимание характеристике системы судоустройства Новгородской республики. «В Новгороде, как центре правления всех областей, подвластных сей Республике, находились, — указывает А.Куницын, — судебные места верхней инстанции и были или общенародные, *fora communia*, или особенные, *fora privilegiata*» (59, с. 11). К верхней судебной инстанции автор относит: «Вече, Суд Княжеский, Суд Посадничий и Суд Одрин», а ко второй инстанции — «Суд Тысяцкого, Суд Сместный, Суд Порубежный, Суд Церковный, Суд Таможенный и Суд Проезжий» (там же). Необходимо отметить, что А.Куницын рассматривает данные судебные органы в процессе их становления и развития, опираясь на достаточно обширный корпус доступных в то время отечественных и зарубежных источников.

Характеризуя судопроизводство Новгородской республики, А.Куницын особое внимание уделяет правам тяжущихся и подсудимых, убежищам, следствию и обыску, системе доказательств и «особенным средствам к открытию истины в делах судных» (судебные поединки, испытание железом и водой) (59, с.83–117).

Третья часть книги посвящена вопросам рассмотрения и решения тяжёлых и уголовных дел. В частности, в ней выделяются такие вопросы, как подготовка решений и апелляции по ним, об исполнении приговоров, о штрафах и судебных пошлинах (59, с.119–137).

Проблемам судоустройства и судопроизводства отводится значительное место и в работе Н.Хлебникова (146). В частности, в отделе II «Период внешнего или механического соединения племен в одно государство» он уделяет особое внимание характеристике древнейшего права и суда, включая и подробный анализ княжеских уставов Владимира и Ярослава (146, с. 112–183). А глава IV третьего отдела полностью посвящена вопросам развития права, суда и законодательства (146, с. 293–334). В работе Н.Хлебникова широко используется в качестве источника права Русская Правда. Он затронул важную проблему заимствования данного документа, рассуждая: «...была ли Правда туземным или заимствованным законодательством, то никто не решится сказать, чтобы она была исключительно туземным, или исключительно заимствованным законодательством; но все занятое было необходимо для удовлетворения потребностям времени переработано сообразно с местными потребностями и может служить, наравне с чисто туземными законами,

для пополнения права в это время» (146, с. 333–334). Характеризуя церковный суд и степень влияния на него византийского права, Н.Хлебников указывает: «Я положительно сомневаюсь, чтобы во все рассматриваемые нами эпохи, в тех вопросах, где церковь судила светских людей, она часто прилагала греческие постановления, а не судила все еще по Церковному Уставу Ярослава, наказывая денежными пенями, потому что приложение таких варварских наказаний, в особенности за такие преступления, как женитьба на куме, могло бы вызвать негодование и отвращение всего общества» (146, с. 356). Он полагает, что на основании сборников XIII в., содержащих как Русскую Правду, Устав царя Константина, так и Уставы Владимира и Ярослава, можно сделать вывод: «...такие сборники существовали и в более давние времена; тогда, вероятно, от произвола судьи зависело приложить то или другое постановление, так как эти законы часто противоположны» (там же).

Большое значение для изучения основных принципов судостроительства и судопроизводства Древней Руси имела книга Г.М.Бараца, посвященная сравнительному анализу первых договоров Древнерусского государства с Византией (3). Важно то, что автор осуществляет сравнение текстов договоров с другими источниками права и, в частности, с Русской Правдой. Так, отдел IV книги полностью посвящен анализу статей о судопроизводстве (3, с. 79–86), а отдел V — характеристике статей, относящихся к уголовному праву (3, с. 86–136).

Особое место в работе Г.М.Бараца занимает четвертая глава, в которой проводятся параллели между отдельными статьями договоров и статьями Русской Правды (3, с. 193–226), указывается на ошибки, допущенные многочисленными переписчиками. Г.М.Барац писал: «Между тем, вникая в рассмотрение помянутых актов, нельзя не убедиться, что бессмысленность их происходит не от чего другого, как только от допущенных писцами самых разнообразных погрешностей...» (3, с.VII).

Несмотря на то, что работа В.М.Грибовского (18) носит общий историко-правовой характер, в ней значительное место уделяется анализу договоров Древней Руси с Византией, церковных уставов, Русской Правды, Псковской и Новгородской судебных грамот. Кроме того, много внимания уделяется вопросам судостроительства и судопроизводства Древнерусского государства.

Советская историография. История становления и развития государства и права Древней Руси, эволюция древнерусского судостроительства и судопроизводства базировались в советский период на основных

принципах, разработанных классиками марксизма-ленинизма. Они определяли прежде всего классовый характер общественных отношений, господствовавших в Древней Руси, в том числе и характер Древнерусского государства. Для разоблачения сторонников норманнской теории многие советские историки права часто цитировали высказывание Ф.Энгельса о том, что «выгода для исторического развития от набегов норманнов была совершенно ничтожна по сравнению с теми огромными и бесплодными даже для самих скандинавских стран смутами, которые были этими набегами вызваны» (73, с. 516). На основании этого Ф.Энгельс утверждал, что вторжения скандинавов не могли бы привести к таким масштабам, которые привели бы к колонизации восточных славян и образованию государства. Кроме того, советскими историками и юристами широко использовались также характеристики Русской Правды и общины в Древней Руси, представленные Ф.Энгельсом.

В качестве методологической основы для изучения истории государства и права Древней Руси советские историки применяли многочисленные суждения В.И.Ленина. В частности, он подчеркивал: «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен “Русской Правды” и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем» (66, с. 314). В.И.Ленин указывал, что такие «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена “Русской Правды”» (66, с. 199).

Естественно, что советские ученые, основываясь на положениях классиков марксизма-ленинизма, сформулировали новую концепцию становления и развития государства и права у восточнославянских народов, подчеркивая, что данные процессы напрямую зависели от особенностей социально-экономического развития общества.

К первой попытке создания марксистской концепции образования и развития Древнерусского государства можно отнести исследования М.Н.Покровского. Так, в работе, посвященной истории России с древнейших времен, которая была издана еще до Октябрьской революции (87), а также в других изданиях, опубликованных уже в советский период, М.Н.Покровский представил критический анализ прежней отечественной и зарубежной историографии, скорректировал отдельные положения своей концепции истории России, разработанные еще до 1917 г.

Следует отметить, что основные положения концепции М.Н.Покровского получили широкое распространение в 20-е годы XX

в., они нашли отражение как в научных исследованиях, так и в учебных пособиях (83–86). Рассматривая проблему скандинавского происхождения Древней Руси, М.Н.Покровский подчеркивал, что «ни о каких “началах государственности”, якобы занесенных к нам князьями из-за моря, не может быть и речи». Тем не менее подлежат сомнению его утверждения относительно важнейшего источника древнерусского права Русской Правды. Так, М.Н.Покровский считал, что Русская Правда представляет собой «сборник судебных обычаев, самые древние из которых возникли в X в., — а окончательно составила “Русская Правда” в XII в.» (83, с. 30). Критикуя полную несостоятельность сторонников концепции заимствования отдельных норм Русской Правды из византийского или скандинавского права, М.Н.Покровский указывал, что «этот сборник судебных решений не мог быть продуктом чьего бы то ни было законодательного творчества» (83, с.99).

Ученые, занимавшиеся в первые годы Советской власти исследованием истории Древнерусского государства и права, еще не смогли полностью преодолеть влияние на их работы основных концепций дореволюционной историографии. Это заметно ощущается, например, в 12-томном произведении Н.А.Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (94), которое представляло собой фактически расширенную и дополненную редакцию работы «Обзор русской истории с социологической точки зрения», изданную еще до Октябрьской революции (92).

Следует отметить, что в 30-е годы XX в. было опубликовано значительное количество работ, в которых центральное место отводилось вопросам становления Древнерусского государства и права, генезиса и развития феодализма. В это время доминировала точка зрения, определявшая Киевскую Русь как рабовладельческое государство. Взгляды сторонников данной концепции не получили широкого распространения в советской историко-правовой науке. Большой вклад в критику необоснованности этой теории внес академик Б.Д.Греков, который доказал в своих исследованиях закономерность перехода восточнославянских народов от первобытно-общинного строя к феодализму, минуя рабовладельческий этап. Благодаря Б.Д.Грекову в советской исторической науке утвердилась так называемая теория феодальной природы Древнерусского государства.

В 1936 г. был издан сборник документов «Памятники истории Киевского государства IX–XII вв.» (79), автором предисловия к которому

являлся Б.Д.Греков. В сборнике представлены, наряду с текстами договоров Древней Руси с Византией, Русская Правда, уставы, уставные грамоты и поучения князей, а также отрывки из произведений зарубежных путешественников, другие документы. Хотя Б.Д.Греков и замечает, что подбор документов в данном сборнике позволяет документально обеспечить проведение семинарских занятий, в то же время он констатирует, что по данным «материалам мы можем изучать два периода в истории Киевского государства: 1) период вызревания феодальных отношений и оформления по тем временам мощного государства и 2) период феодальной раздробленности, т. е. период наибольшего усиления отдельных феодалов, освоивших общинную землю и успевших поставить в зависимость от себя огромное число крестьян» (79, с. 15).

В 1938 г. был издан альбом наглядных пособий «История суда и уголовного процесса» (44), который был переиздан Российской академией правосудия в 2002 г. (45). Следует отметить, что в данном издании почти 70% материалов посвящено различным вопросам развития суда и уголовного процесса в России с XII в. до середины 1917 г.

Проблемы истории Древнерусского государства и права нашли отражение в работах Б.Д.Грекова, С.В.Юшкова (13–17; 157–158) и др. В них прежде всего уделялось большое внимание вопросам разложения первобытно-общинного строя и возникновения классов, становлению феодального способа производства. Проблема выявления внутренних закономерностей, способствовавших возникновению у восточных славян государства и развитию права, являлась в то время приоритетной. Это было связано с необходимостью найти нужные аргументы для опровержения Норманнской теории, в соответствии с которой процесс образования Древнерусского государства сводился только к внешним факторам. Так, Б.Д.Греков назвал второй раздел своей книги «Варяги и вопрос о генезисе феодализма» (17, с. 8–15). Рассматривая вопрос о сравнении Салической Правды с двумя редакциями Русской Правды, он указывает: «Если в “Салической Правде”, вернее в ее последующих наслоениях, мы видим только первые признаки разложения общинного строя, то в названных “Русских Правдах” мы можем наблюдать следующую ступень: разрушение общины успело сделать значительные успехи» (17, с.136).

Советская историография послевоенного периода характеризовалась существенным расширением источниковой базы и появлением многочисленных монографических исследований, в которых значитель-

ное место уделялось вопросам становления и развития Древнерусского государства и права.

В конце 40-х — 50-е годы XX в. в многочисленных работах общесоветского исторического характера уделялось значительное место проблемам становления и развития Древнерусского государства и права. Следует выделить исследования таких авторов, как Б.Д.Греков, А.А.Зимин, В.В.Мавродин, Б.А.Рыбаков, М.Н.Тихомиров, Л.В.Черепнин и др. Так, в книге, изданной в 1946 г., Б.Д.Греков, всецело отвергая Норманнскую теорию образования Древнерусского государства, подчеркивал: «Государство делается исторической необходимостью на известной ступени развития общества — именно в то время, когда появляются классы, когда сильный экономически и политически класс берет в руки власть и организует аппарат властвования» (16, с. 4). Следует отметить, что в данной книге Б.Д.Греков уделил большое внимание характеристике докиевского и раннекиевского периода, процессу создания и укрепления Киевского государства, отношениям Древней Руси с Византией, другими государствами и народами.

В 60-е годы интерес исследователей к истории государства и права Древней Руси заметно возрос. Об этом красноречиво свидетельствовали книга Б.А.Рыбакова «Первые века Русской истории» (96) и материалы научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР», опубликованные в 1969 г. (90). Б.А.Рыбаков указывал, что «Русское государство сложилось задолго до прихода варягов без всякого внешнего воздействия», что «появление варяжских отрядов в русских землях было несравненно менее значительным эпизодом, чем появление в степях печенегов, с которыми молодому Русскому государству пришлось вести тяжелую и упорную войну» (96, с. 32). В состав авторского коллектива сборника «Древнерусское государство и его международное значение» вошли известные историки — А.П.Новосельцев, В.Т.Пашуто, Л.В.Черепнин, В.П.Шушарин и Я.Н.Щапов. В нем нашли отражение такие вопросы, как государственный строй, общественно-политические отношения, церковь и государство в Древней Руси и др. В материалах научной сессии были затронуты многие сложные вопросы, связанные с возникновением государственности и генезисом феодализма у восточных славян.

В 1971 г. было издано учебное пособие В.В.Мавродина (71), в котором рассматриваются проблемы происхождения восточных славян,

становления государства и феодальных отношений в Древней Руси, образование древнерусской народности.

Особо следует выделить работы А.Н.Сахарова, посвященные истории становления дипломатии Древней Руси, в которых представлен всесторонний историко-правовой анализ договоров Древнерусского государства с Византией (103—105).

В комплексе многочисленных работ общеоисторического характера следует выделить исследования И.Я.Фроянова по истории Киевской Руси. Так, в книге, посвященной вопросам социально-экономической истории Древней Руси IX—XII вв. нашли отражение такие проблемы, как формы общинного землевладения, роль крупного землевладения в процессе генезиса феодализма, формирование различных категорий зависимого населения, место и роль рабства в Древней Руси (139). В 1980 г. И.Я.Фроянов издал монографию (138), в которой центральное место отводилось таким вопросам социально-политического развития Древней Руси в X—XII вв., как характер и функции княжеской власти, роль и место дружины в системе органов государственной власти и др.

В 1982 г. была опубликована книга академика Б.А.Рыбакова, посвященная проблемам истории образования и развития Киевской Руси (97). Автор убедительно доказал, что у истоков древнерусской государственности стоял крупный союз племен Среднего Поднепровья, в котором ведущую роль играли поляне (97, с.107). В 2003 г. была издана книга Б.А.Рыбакова «Рождение Руси» (100), в которой нашли отражение важнейшие исследования, посвященные зарождению Древнерусского государства.

К юридическим исследованиям, посвященным проблемам Древнерусского государства и права, необходимо отнести работы С.В.Юшкова и С.А.Покровского, М.Д.Шаргородского, М.М.Исаева, М.А.Чельцова-Бebutова, О.И.Чистякова, З.М.Черниловского и др.

В 1939 г. была издана монография С.В.Юшкова «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (157). В ней автор уделяет значительное место таким важным вопросам, как роль и место веча в системе органов государственной власти, формы феодальной зависимости и др.

В 1940 г. С.В.Юшков опубликовал первый учебник по истории государства и права СССР для юридических высших учебных заведений (156). Данный учебник выдержал четыре издания и до 1967 г. являлся основным и единственным учебным пособием для студентов юридических вузов. Следует отметить, что в учебнике нашли отражение доста-

точно подробная характеристика источников Древнерусского государства и права, система преступлений и наказаний по Русской Правде, суд и процесс Киевского государства, основные черты права, судоустройства и судопроизводства Новгородской и Псковской феодальных республик, Владимиро-Суздальского княжества.

В 1950 г. была издана работа С.В.Юшкова, посвященная проблемам происхождения и значения Русской Правды как важнейшего источника права Древнерусского государства (158).

М.А.Чельцов-Бебутов отвел в своем лекционном курсе специальную главу, в которой достаточно подробно рассмотрел вопросы становления и развития суда и уголовного процесса в Киевской Руси (147).

В 1984 г. был начат выпуск 9-томного издания «Российское законодательство X–XX веков». Следует отметить, что предисловие к изданию и введение к 1-му тому написано О.И.Чистяковым, введение к разделу «Русская Правда» — Я.Н.Щаповым, комментарии текстов других источников древнерусского права составили также известные историки и юристы. Важно подчеркнуть, что их работы можно рассматривать в качестве самостоятельных публикаций, посвященных различным вопросам становления и развития Древнерусского государства и права, судоустройства и судопроизводства Древней Руси.

Среди учебных пособий, изданных в последние годы существования СССР, необходимо особо выделить работу И.В.Дубова (24), в которой рассматриваются различные виды источников по истории Древней Руси, обнаруженные в ходе археологических раскопок 70–80-х годов. Автор рассматривает такой новый вид источников, как берестяные грамоты, в которых нашли отражение и некоторые вопросы развития суда и процесса в Древнерусском государстве.

Характеризуя советскую историографию, посвященную проблемам княжеской власти и государственного устройства в Древней Руси, В.В.Пузанов отметил, что она «в определенной мере прошла те же этапы в исследовании изучаемого вопроса, что и дореволюционная», и выделил особенности, заключавшиеся в комплексном использовании «письменных, фольклорных, археологических, этнографических и лингвистических материалов, широкое применение метода сравнительно-исторического анализа» (91, с.41).

В значительной мере можно согласиться с точкой зрения В.В.Пузанова. Однако важно подчеркнуть, что, несмотря на ограниченные в советское время возможности исследователей широко представ-

лять альтернативные концепции и точки зрения, отступать от жестко регламентированных идеологических установок, разработка основных вопросов происхождения Древнерусского государства и права, становления и развития судебных органов и процесса как историками, так и юристами продолжалась. В то же время следует отметить, что специальных юридических исследований, особенно по проблемам судостроительства и судопроизводства Древней Руси, было еще достаточно мало. Кроме того, названные выше вопросы находили, как правило, отражение в работах общеоисторического характера или в рамках учебных пособий и соответствующих курсов лекций, что объяснялось в значительной степени «вузовской формой существования науки» (111, с. 348) в советский период.

Современная российская историография. В последнее десятилетие появилось значительное количество исследований и учебных пособий по рассматриваемой теме, которые характеризуются прежде всего разнообразием используемых источников и литературы. В целом постсоветскую историографию можно подразделить на две группы: 1) исследования историко-правового и общеоисторического характера, в которых в той или иной степени освещаются проблемы судостроительства и судопроизводства Древней Руси; 2) проблемно-тематические работы, посвященные судебной системе России в целом, в которых нашли отражение отдельные вопросы становления и развития суда и процесса в Древней Руси.

Нет необходимости характеризовать огромный массив литературы общеоисторического характера, который появился в последние годы. В ней проблемы судостроительства и судопроизводства Древней Руси нашли лишь незначительное отражение. Прежде всего необходимо назвать работы А.А.Горского, С.А.Дубининой, В.В.Енукова, И.О.Князького, Ю.М.Лотмана, И.Н.Фалалеевой, Е.А.Шинакова и С.Э.Цветкова, в которых центральное место отводится вопросам происхождения и развития Древнерусского государства (12; 23; 28; 56; 68; 133–134; 152; 155). К ним тематически примыкают исследования, посвященные проблемам влияния варягов на процесс становления и развития государственности у восточных славян (72; 77; 80; 136).

Вопросы отечественной и зарубежной историографии Древнерусского государства освещаются в работах В.В.Пузанова, А.Л.Шапиро и др (91; 150–151). Особое место среди данных работ занимают исследования известного историка И.Я.Фроянова (140–141), в которых на основе обширной источниковой и историографической базы рассматриваются различные вопросы развития Древнерусского государства.

Значительный интерес представляют для нас историко-правовые исследования. Среди них особое место в современной российской историографии занимают многочисленные учебные пособия по истории отечественного государства и права, в которых освещаются становление и развитие суда и процесса в Древней Руси. В первую очередь необходимо назвать учебник под редакцией известного специалиста в сфере отечественной историко-правовой науки, профессора О.И.Чистякова (42), а также пособие для семинаров «Отечественное законодательство XI–XX веков», в которое включены тексты основных редакций Русской Правды и Псковской судной грамоты. Необходимо подчеркнуть, что данные тексты сопровождаются соответствующими комментариями и словарями.

Важное место среди комплекса современных учебных пособий занимают работы профессоров И.А.Исаева и Ю.П.Титова (36–38; 39–40; 124–125). Особенностью хрестоматии Ю.П.Титова является то, что Краткая и Пространная редакции Русской Правды представлены с параллельным переводом (125, с.4–27), что значительно облегчает их использование. В учебнике под редакцией Ю.П.Титова уделяется значительное внимание развитию системы органов государственного управления и права Древней Руси. В то же время лишь незначительное место отводится характеристике судебных органов, которых «как особых учреждений, — отмечается в учебнике, — не существовало» (40, с.23). Вряд ли можно согласиться с данным утверждением. Можно говорить о том, что суд тогда еще не был отделен от административных органов, однако правосудие осуществляли и отдельные учреждения, и должностные лица: князья, посадники, волостели и др. В учебнике И.А.Исаева значительно больше внимания уделяется анализу древнерусских источников права, а также становлению и развитию судостроительства Древней Руси. Так, судебному процессу и влиянию на него церкви автор специально посвятил отдельные разделы (37, с.48–51).

Следует также назвать учебник под редакцией С.А.Чибириева, учебные пособия Т.Е.Новицкой, В.А.Рогова, Т.В.Кашаниной, Ю.К.Краснова, Л.А.Стешенко и Т.М.Шамбы, В.К.Щечоева и др. В учебнике под редакцией С.А.Чибириева выделено также незначительное место суду и процессу в Древнерусском государстве (41, с.32–33). Кроме того, в нем кратко рассматриваются отдельные вопросы развития права и судостроительства в Новгороде и Пскове (41, с.39–42). Учебник Л.А.Стешенко и Т.М.Шамбы (121) отличается от названных выше тем, что в нем дан довольно глубокий анализ древнерусских источников пра-

ва, в процессе которого затрагивались и отдельные вопросы судопроизводства и судоустройства Древней Руси. Значительно меньше места отведено истории судебных органов Древней Руси в учебнике Б.Т.Безлепкина «Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура России». В кратком очерке истории российской судебной системы уделяется только часть фразы. Более того, автор относит период становления судоустройства в Древней Руси к первому этапу, характеризующему обособлением «судебной власти от власти княжеской, царской, церковной, воеводской, боярской и т.д.» (4, с.42).

Необходимо также кратко охарактеризовать и хрестоматию А.В.Стадникова (120), посвященную истории церковного суда в России X — начала XX в. В первый раздел издания включены древнерусские уставы о церковных судах (IX—XII вв.), которые предваряет достаточно подробный обзор (120, с.4—46). «Церковный суд в средневековой России, разбиравший широкий круг уголовных и гражданских дел, как духовных, так и светских лиц, играл, — подчеркивает автор, — огромную роль в функционировании и развитии судебной системы в целом» (120, с. 4). Учитывая то, что по вопросам становления и развития церковного суда в Древней Руси научной литературы очень мало, данный материал представляет значительный интерес.

В целом необходимо отметить, что появившиеся в последние годы многочисленные учебники по истории отечественного государства и права в контексте рассмотрения структуры государственного устройства и развития права дают нам определенное представление о судоустройстве и судопроизводстве в Древней Руси.

Среди проблемно-тематических исследований необходимо выделить серию статей профессора В.А.Томсинова (129—131), посвященных важным проблемам развития юриспруденции в Древней Руси X—XIII вв. В первой статье автор анализирует тексты договоров Древней Руси с Византией, их язык, значение и разнообразие использованных при их составлении юридических терминов. Так, например, В.А.Томсинов проводит следующее различие между терминами «закон» и «покон»: «закон» — это обычное право территориального действия, а «покон» — обычаи персонального характера действия или, иначе говоря, обычаи, связанные не с государственной территорией, а с определенной этнической общностью» (129, с.89).

Во второй статье автор характеризует византийские источники права, получившие широкое распространение на территории Древней

Руси особенно после принятия христианства, а также роль духовенства в становлении юриспруденции. В.А.Томсинов в этой связи указывает: «В лице православного христианского духовенства древнерусская юриспруденция получила социальную силу, которая могла стимулировать ее развитие. Священники были образованными людьми, в их распоряжении имелся правовой материал, вобравший в себя достижения византийской юриспруденции» (130, с.90). Говоря при этом о привнесении в юриспруденцию основных принципов христианской этики, автор подчеркивает, что «благодаря участию православного духовенства в составлении законов в древнерусской юриспруденции возникла традиция мотивировать ту или иную норму» (130, с.91).

Третья статья В.А.Томсинова посвящена вопросам влияния византийского права на древнерусское. Автор отмечает, что степень влияния римского и византийского права на западноевропейское и древнерусское была различной: «Восприятие византийско-древнеримского правового наследия в Западной Европе сопровождалось приданием ему особого авторитета... На Руси же византийско-древнеримское правовое наследие воспринималось общественным сознанием иначе, без преклонения, и это позволяло древнерусским переводчикам при переработке текстов во многом отступать от источников» (131, с.91).

Проблемы взаимоотношений Византии и Древней Руси, а также влияния византийского права на процесс становления и развития древнерусского права занимают центральное место в работах А.А.Вишневского, Э.В.Еремяна и Р.Л.Хачатурова (8; 29; 142).

Вопросы применения смертной казни в Древней Руси и правового обеспечения данного вида наказания нашли отражение в исследованиях С.В.Жильцова (30–32).

В контексте данной группы научной литературы важное место занимает работа Ю.Г.Алексеева (2), посвященная исследованию Псковской судной грамоты как одного из важнейших источников древнерусского права. Она предоставляет нам богатый материал по вопросам судоустройства и судопроизводства Псковской феодальной республики. В книге наряду с публикацией текста данного источника имеется довольно обстоятельный комментарий каждой статьи грамоты (2, с.49–85), а также отдельный раздел (2, с.87–137), в котором затрагиваются вопросы палеографического исследования двух списков Псковской судной грамоты, истории и структуры ее текста.

Заслуживает особого внимания работа В.В.Момотова (76), в которой он предпринял попытку рассмотреть судебный процесс в Древней Руси на основе анализа берестяных грамот — вида источника, не получившего еще должного применения в историко-правовых исследованиях.

Второй номер журнала «Отечественные записки» за 2003 г. (561 с.), полностью посвященный проблемам истории российского правосудия и судебных реформ, смог уделить только несколько страниц вопросам истории судебных органов и процесса в Древней Руси.

Необходимо также сказать несколько слов и о работе А.А.Никишенкова «Крестьянство в судебной системе Российского государства»¹, в которой раздел, посвященный проблемам крестьянского правосудия в XI—XIV вв., занимает менее одной страницы².

Несколько большего внимания заслуживает работа В.И.Власова «История судебной власти в России» (10), в которой третья глава полностью посвящена проблемам судоустройства и судопроизводства Древнерусского государства IX—XV вв. Автор, в частности, отмечает, что «судоустройства, в современном его понимании, в древнерусском обществе, естественно, не усматривается, то есть судебных органов как особых учреждений не существовало» (10, с.124). Хотя в дальнейшем он заметно противоречит предшествующим своим рассуждениям, соглашаясь с тем, что в «Русской Правде» «уже содержатся судоустроительные элементы и исходящая из обычаев и нравов того времени процедура судопроизводства» (там же). Было бы странно, если бы тысячу лет назад в Древней Руси существовали судебные органы, независимые от административных учреждений. Для этого необходимо было преодолеть многовековую историю преобразований реформ административных и судебных органов. Исходя из своего изначально ошибочного тезиса, В.И.Власов поэтому и характеризует не деятельность судебных органов, а судебные функции отдельных лиц, осуществлявших правосудие. Тем не менее в Древней Руси уже существовали судебные учреждения в структуре общей системы органов государственной власти и управления, обладавшие судебными функциями, закрепленными в «Русской правде», церковных уставах Владимира и Ярослава, Псковской и Новгородской судных грамотах, других источниках права.

¹ Никишенков А.А. Крестьянство в судебной системе Российского государства // Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке — начале XX века. — М., 2003. — С.37–68.

² Там же. — С.42–43.

Важное значение для исследования данной темы имеют материалы первого тома шеститомного фундаментального издания О.Е.Кутафина, В.М.Лебедева, Г.Ю.Семигина «Судебная власть в России: История, документы», опубликованная в конце 2003 г. (60). Он содержит «Исторический очерк» (60, с.13–50), посвященный становлению и развитию судебных органов и процесса до конца XVII в., а также обзор и тексты важнейших источников права (60, с.51–120), в которых была регламентирована деятельность этих учреждений в Древнерусском государстве X–XV вв. Данное исследование характеризуется обширной историографической и источниковой базой.

Таким образом, в современной российской историографии появилась возможность шире использовать источниковую и историографическую базу, альтернативные точки зрения и концепции для проведения глубокого исследования различных вопросов судоустройства и судопроизводства Древней Руси. Однако до сих пор нет специальных научных публикаций по проблемам становления и развития суда и процесса в Древней Руси. Кроме того, на наш взгляд, требуются углубленные историко-правовые исследования по следующим вопросам: 1) роль и место византийского права в процессе формирования судебных органов в Древней Руси; 2) влияние варягов на становление и развитие древнерусского судоустройства и судопроизводства; 3) влияние права и обычаев Золотой Орды на судебный процесс отдельных русских княжеств во второй половине XIII–XV вв.; 4) анализ источников, отечественной и зарубежной историографии по данной теме.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феод. отношений на Руси XIV–XV вв. — М.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. — 243 с.
2. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование: К 600-летию первой редакции Псков. суд. грамоты и 150-летию первой полной публ. — Псков: Изд-во Центра «Возрождение», 1997. — 147 с.
3. Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: Восстановление текста, перевод, комментарий и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности с Русскою Правдою. — Киев, 1910. — XII, 265 с.
4. Безлепкин Б.Т. Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура России: Учебник. — М.: Юрист, 2001. — 349 с.

5. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. — М., 1879. — VIII, 728 с.
6. Беляев И.Д. История русского законодательства: Учеб. для студентов вузов, обуч. по юрид. спец. — СПб.: Лань, 1999. — 639 с.
7. Богдановский А.М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. — М., 1857. — 145 с.
8. Вишневский А.А. Киевская Русь: Введение христианства и пробл. рецепции византийского церковного права // Изв. вузов. Правоведение. — СПб., 1992. — N 5. — С.62–67.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — 7-е изд. — Петроград—Киев: Кн. маг. Оглоблина, 1915. — VI, 699 с.
10. Власов В.И. История судебной власти в России. Книга первая (1019–1917). — М.: Компания Спутник+, 2003. — 623 с.
11. Голубинский Е.Е. История русской церкви. — М., 1901–1904. — Т.І. — Ч.1–2.
12. Горский А.А. Киевская Русь = империя Рюриковичей // Славяне и их соседи. — М., 1995. — С. 41–43.
13. Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. — М.—Л.: АН СССР, 1945. — 78 с.
14. Греков Б.Д. Киевская Русь. — М.—Л.: АН СССР, 1939. — 281 с.
15. Греков Б.Д. Киевская Русь. — М.: Госполитиздат, 1953. — 568 с.
16. Греков Б.Д. Славяне. Возникновение и развитие Киевского государства. — М., 1946. — 60 с.
17. Греков Б.Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. — М.—Л., 1935. — 136 с.
18. Грибовский В.М. Древнерусское право (Краткий обзор чтений по истории русского права). — Петроград, 1915. — Вып.1. — VIII, 131 с.
19. Демченко В.Г. Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по делам судебным, по русскому праву до Петра Великого. — Киев, 1859. — 108 с.
20. Демченко В.Г. Судебный прецедент. — Варшава, 1903. — III, 244 с.
21. Дёпп Ф. О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича: Историко-юридическое рассуждение... — СПб., 1849. — 95 с.
22. Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. — СПб., 1905. — 45 с.
23. Дубинина С.А. К вопросу о происхождении и развитии Древнерусского государства (IX–XII вв.) / МГУ им.М.В.Ломоносова. Ин-т переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитар. и социал.наук. — М., 1994. — 35 с.

24. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси: Учеб. пособие. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. — 176 с.
25. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России: Опыты по истории русского гражданского права. — М., 1869. — 413 с.
26. Дьяконов М. Власть Московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. — СПб., 1889. — VI, 224 с.
27. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — 4-е изд. — СПб.: Право, 1912. — XV, 489 с.
28. Енуков В.В. Становление и развитие государственных структур малых земель Древней Руси в домонгольское время (на примере Посемья) // Проблемы истории государства и права. — Курск, 1998. — Вып. 2. — С. 3–23.
29. Еремян Э.В. Древнеславянская кормчая на Руси как часть византийского правового наследия // Вестн. Рос. Ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. — М., 2000. — N 1. — С. 197–200.
30. Жильцов С.В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Изв. вузов. Правоведение. — СПб., 1997. — N 4. — С.47–52.
31. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России: Монография / МГУ им. М.В.Ломоносова. Юрид. фак. — М., 2002. — 460 с.
32. Жильцов С.В. Смертная казнь в России до конца XVIII столетия: Социально-политические аспекты // Вестн. Волж. ун-та. Сер. Юриспруденция. — Тольятти, 2002. — Вып.19. — С.341–361.
33. Загоскин Н.П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. — Казань, 1899. — Т.1.
34. Загоскин Н.П. Курс истории русского права. — Казань, 1906. — Т.1.
35. Загоскин Н.П. Уставные грамоты XIV-го и XVI-го вв., определяющие порядок местного правительственного управления. — Казань, 1876. — Вып.1–2.
36. Исаев И.А. История государства и права России: Полный курс лекций. — 2-е изд. — М., 1995. — 447 с.
37. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. — 2-е изд. — М., 2001. — 768 с.
38. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Моск. государства. — М.: Спарк, 2001. — 119 с.
39. История государства и права России: Учебник / Отв. ред. Титов Ю.П. — М.: Былина, 1996. — 502 с.
40. История государства и права России: Учебник / Под ред. Титова Ю.П. — М.: Проспект, 2001. — 544 с.
41. История государства и права России: Учебник / Под ред. С.А. Чибиряева. — М., 2001. — 528 с.

42. История отечественного государства и права: Учебник / Под ред. Чистякова О.И. — М.: Юристъ, 2000. — Ч.1. — 428 с.
43. История СССР / Под ред. Грекова Б.Д., Бахрушина С.В., Лебедева В.И. — М.: Соц-экгиз, 1939. — Т.1. — 744 с.
44. История суда и уголовного процесса: Альбом наглядных пособий / Сост.: Голунский С.А., Карев Д.С.; Под ред. Вышинского А.Я. — М., 1938. — 96 с.
45. История суда и уголовного процесса: Схемы, таблицы, документы. — М.: Российская академия правосудия, 2002. — 100 с.
46. Кавелин К.Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования и сравнение теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским: Речь, произнесенная в торжественном собрании Санкт-Петербургского университета 8-го февр. 1860 года... — СПб., 1860. — 88 с.
47. Кавелин К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения. — СПб., 1879. — XXXI, 410 с.
48. Кавелин К.Д. Сочинения. — М., 1900. — Т.4: Этнография и правоведение.
49. Кавелин К.Д. Что есть гражданское право и где его пределы. Один из современных юридических вопросов. — СПб., 1864. — 152 с.
50. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. — СПб., 1914. — XIV, 133 с.
51. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России / Предисл., подгот. текста Пивоварова Ю.С. — М.: Наука, 1991. — 127 с.
52. Карамзин Н.М. История государства Российского. — М., 1993. — Кн.1 (Т.2). — 368 с.
53. Кизеветтер А.А. Исторические очерки. — М., 1912. — 502 с.
54. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России, IX—XIX вв.: Исторический очерк. — М., 1910. — III, 155 с.
55. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. — М., 1987. — Т.1. Курс русской истории. Ч.1. — 430 с.
56. Князький И.О. Русь Киевская и Русь Московская // Российская государственность: этапы становления и развития. — Кострома, 1993. — Ч. 1. — С. 3—8.
57. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и проблемы изучения истории права. — М., 1880. — 72 с.
58. Ковалевский М.М. Первобытное право. — М., 1886. — Вып.1—2.
59. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. — СПб., 1843. — IV, 151 с.

60. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы: В 6 т. / Науч. консультант Скрипилов Е.А. — М.: Мысль, 2003. — Т.1. Начала формирования судебной власти / Отв. ред. Золотухина Н.М. — 701 с.
61. Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. — Варшава, 1904. — 153 с.
62. Ланге О.Ф. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). — СПб., 1884. — 248 с.
63. Ланге О.Ф. Древние русские смесные или вобщие суды. — М., 1882. — IV, 234 с.
64. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права: Московское государство — Российская империя... — СПб., 1890. — XI, 342 с.
65. Латкин В.Н. Лекции по истории русского права, читан. в имп. училище правоведения. — СПб., 1912. — 500 с.
66. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — М.: Изд-во полит. лит., 1971. — Т.3. — 791 с.
67. Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года. — СПб.: Имп. акад. наук, 1766. — 140 с.
68. Лотман Ю.М. Две концепции происхождения власти в Древней Руси (договор и награда) // Из истории русской культуры. — М., 1996. — Т. 4. — С. 27–39.
69. Мавродин В.В. Древняя Русь. (Происхождение рус. народа и образование Киевск. государства). — М.: Госполитиздат, 1946. — 311 с.
70. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. — Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1945. — 432 с.
71. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности: Учеб. пособие. — М.: Высш. школа, 1971. — 192 с.
72. Максимов С.А. «Варяжский вопрос» и ментальные основы русской и советской историографии. (К проблеме мифологизации исторического сознания) // Проблемы истории России и зарубежных стран. — Нижневартовск, 2000. — Вып.1. — С.3–15.
73. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. — Т.16. — 839 с.
74. Михайлов М.М. Военно-уголовное право: Курс военно-уголовных законов и военного судопроизводства... — СПб., 1871. — 327 с.
75. Михайлов М.М. История русского права: Общий университетский курс. — СПб., 1871. — Т.1.
76. Момотов В.В. Судебный процесс в Древней Руси: (На основе анализа берестяных грамот) / Куб. гос. ун-т. — Краснодар, 1998. — 15 с.

77. Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. — СПб., 1999. — С.151—163.
78. Образование Древнерусского государства: Спорные пробл.: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 13—15 апр. 1992 г. / Редкол.: Новосельцев А.П. (отв. ред.) и др.; РАН. Ин-т рос. истории. — М., 1992. — 84 с.
79. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.: Сб. док. / Сост. Кочин Г.Е.; Предисл. Грекова Б.Д. — Л., 1936. — 218 с.
80. Петухов Ю.Д. Норманны. Русы Севера. — М., 2003. — 319 с.
81. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. — М., 1846. — Т.1.
82. Погодин М.П. Норманнский период русской истории. — М., 1859. — IV, 215 с.
83. Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4-х кн. — М., 1966. — Кн.1 (Т.1—2). — 725 с.
84. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. (Историографич. очерки, критич. статьи и заметки. — М.—Л., 1933. — Вып.1—2.
85. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. (От древнейших времен до конца XIX-го столетия). — 3-е изд. — М.—Пг., 1923. — 251 с.
86. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. (От древнейших времен до конца XIX-го столетия). — 9-е изд. — М.—Л., 1930. — Ч.1—2.
87. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. — М.: Мир, 1913. — Т.1. — 259 с.
88. Полевой Н.А. История русского народа. — М., 1830. — Т.2.
89. Пресняков А.Е. Княжное дело в Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий: Лекции по рус. истории. Киевская Русь. — М.: Наука, 1993. — 634 с.
90. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / Редкол.: Удальцова З.В. (отв. ред.) и др. — М.: Наука, 1969. — 319 с.
91. Пузанов В.В. Княжеская власть и государственное устройство в Древней Руси в русской историографии XVIII и XIX вв. // Актуальные проблемы истории дореволюционной России: Межвуз. сб. — СПб., 1992. — С.34—41.
92. Рожков Н.А. Обзор истории с социологической точки зрения. — СПб., 1903—1905. — Ч.1—2.
93. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: В 12-ти т. — Пг.—М., 1919. — Т.1. — 450 с.
94. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. — М.—Л., 1928. — Т.1—12.
95. Русь и варяги: Новый взгляд на историю Европы и Руси / Сост. Андреев Д.А. — М.: Метагалактика, 1999. — 319 с.

96. Рыбаков Б.А. Первые века Русской истории. — М.: Наука, 1964. — 240 с.
97. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М.: Наука, 1982. — 591 с.
98. Рыбаков Б.А. Начальные века русской истории // Христианство и Русь. — М., 1988. — С.5—30.
99. Рыбаков Б.А. Образование Древнерусского государства. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 89 с.
100. Рыбаков Б.А. Рождение Руси. — М.: АиФ Принт, 2003. — 446 с.
101. Самоквасов Д.Я. Древнее русское право: Лекции 1902/3 академического года... — М., 1903. — VIII, 377 с.
102. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. — 3-е изд. — М., 1908. — VII, XXIX, 616 с.
103. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. — М.: Мысль, 1980. — 358 с.
104. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. — М.: Междунар. отношения, 1982. — 239 с.
105. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. — 2-е изд. — М.: Междунар. отношения, 1991. — 236 с.
106. Сергеевич В.И. Древности русского права. — СПб., 1909. — Т.1—2.
107. Сергеевич В. И. История русского права: Лекции. — СПб., 1888. — 893 с.
108. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. — 4-е изд. — СПб., 1910. — VIII, 666 с.
109. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. — СПб., 1883. — VIII, 997 с.
110. Сергеевич В.И. Русские юридические древности. — СПб., 1900. — Т.1—3.
111. Советская историко-правовая наука: Очерки становления и развития / Редкол.: Курицын В.М. (отв. ред.) и др. — М.: Наука, 1978. — 352 с.
112. Советская историография Киевской Руси / Редкол.: Мавродин В.В. (отв. ред.) и др. — Л.: Наука, 1978. — 279 с.
113. Советское источниковедение Киевской Руси: Историогр. очерки / Редкол.: Мавродин В.В. (отв. ред.) и др. — Л.: Наука, 1979. — 264 с.
114. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. — М., 1847. — 696 с.
115. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: Соч. в 18 кн. — М., 1851. — Т.1.
116. Соловьев С.М. Лекции по русской истории. — М., 1868. — 292 с.
117. Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям: Историческое исследование. — М., 1845. — 202 с.

118. Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. — М.: Мысль, 1988. — Кн.1 (Т.1–2). — 798 с.
119. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. — СПб., 1863. — Т.1.(Вып.1). — 178 с.
120. Стадников А.В. Церковный суд в системе российского правосудия в X — начале XX веков: документы и материалы: Хрестоматия. — М., 2003. — 332 с.
121. Стешенко Л.А., Шамба Т.М. История государства и права России: Академический курс. — М., 2003. — Т.1. — 732 с.
122. Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. — Ярославль, 1888. — 234 с.
123. Суворов Н.С. Учебник церковного права. — 4-е изд. — М.: Карцев, 1912. — 531 с.
124. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России: Учеб. пособие. — М., 1997. — 470 с.
125. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. — М., 2001. — 472 с.
126. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. — М.: Наука, 1975. — 429 с.
127. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. — М.—Л.: Акад. наук СССР, 1941. — 255 с.
128. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь: (В зарубеж. историографии). — Киев, 1990. — С.99–121.
129. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья первая // Законодательство. — М., 2003. — № 7. — С.85–89.
130. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья вторая // Законодательство. — М., 2003. — № 8. — С.87–91.
131. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья третья // Законодательство. — М., 2003. — № 9. — С.87–91.
132. Трощина К. История судебных учреждений в России. — СПб., 1851. — VII, 387 с.
133. Фалалеева И.Н. Культурно-политический аспект становления и развития княжеской власти в Древней Руси (X–XII вв.) // Актуальные проблемы современной юридической науки: Некоторые аспекты. — Волгоград, 1999. — С. 62–71.
134. Фалалеева И.Н. Приход и община как неформальные институты политико-правовой системы Древней Руси // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер.5. Политика. Социология. Право. — Волгоград, 2002. — Вып.5. — С.51–54.
135. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. — Юрьев, 1912. — Ч.1 — 796 с.
136. Фомин В.В. Варяжский вопрос в современной историографии // Бартеневские чтения. — Липецк, 2000. — С.37–45.

137. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. — Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1990. — 325 с.
138. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. — 256 с.
139. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 159 с.
140. Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социал. и полит. борьбы конца IX — нач. XIII столетия. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. — 280 с.
141. Фроянов И.Я. Начала русской истории: Избранное. — М.: Парад, 2001. — 975 с.
142. Хачатуров Р.Л. Византия и Русь: Государственно-правовые отношения / Междунар. акад. бизнеса и банк. дела. — Тольятти: ИИП «Акцент», 1995. — 56 с.
143. Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. — М.: Юрид. лит., 1988. — 136 с.
144. Хачатуров Р.Л. Становление древнерусского права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / АН УССР. Ин-т государства и права. — Киев, 1988. — 45 с.
145. Хачатуров Р.Л. Становление права: На материале Киевской Руси / Моск. высш. шк. милиции. — М., 1987. — 429 с.
146. Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период Русской истории. — СПб., 1872. — XXII, 512 с.
147. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. — М., 1957. — Т.1. — 839 с.
148. Чичерин Б.Н. История политических учений. — М., 1869. — Ч.1: Древность и Средние века.
149. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. — М., 1858. — X, 389 с.
150. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII в.: Курс лекций. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. — 239 с.
151. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. — М., 1993. — 761 с.
152. Шинаков Е.А. Генезис древнерусской государственности: (Опыт сравнит.-ист. анализа): Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Брянск, 2000. — 37 с.
153. Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. / АН СССР. Ин-т истории СССР. — М.: Наука, 1989. — 231 с.
154. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. — М.: Наука, 1972. — 340 с.
155. Цветков С.Э. Русская история. — М.: Центрполиграф, 2003. — Кн.1. — 622 с.

156. Юшков С.В. История государства и права СССР. — М.: Юрид. изд-во, 1940. — Ч.1. — 596 с.
157. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — 256 с.
158. Юшков С.В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. — М.: Гос. изд. юрид. лит., 1950. — 380 с.

В.Н.Бабенко

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В IX–XV вв.

В обзоре рассматриваются роль и значение правового обычая и судебного прецедента в период становления и развития судебного процесса в Древней Руси, характеризуются системы преступлений и наказаний, нашедшие отражение в нормах основных источников древнерусского права, а также особенности организации судопроизводства.

Правовой обычай. Правовой обычай определяют как сложившееся на определенном этапе развития общества правило поведения, которое санкционировано государством, гарантирующим его выполнение. Исторически правовой обычай являлся первым источником права, регулировавшим общественные отношения в зарождавшемся из первобытно-общинного строя государстве, а первые законодательные акты, принятые государством на начальном этапе его развития, были сводом обычаев, заимствованных из родового строя. «В отечественной научной литературе обычаи рассматривают, например, в виде правил поведения, сложившихся в результате их фактического многократного применения, в виде таких норм, которые становятся, — отмечает М.Н.Марченко, — обязательными для граждан и их объединений в силу многократного их повторения» (16, с.462–463).

В Древней Руси правовой обычай был основным источником права. Считается, что на этапе формирования союза племен у восточных славян уже существовали обычно-правовые системы, обеспечивавшие юридическое регулирование социально-экономических и правовых отношений в каждом племени. Указывая на важную регулятивную и воспи-

тательную роль обычая в обществе, М.Н.Марченко подчеркивает, что «каждый обычай при этом выступает как неразрывная составная часть единой системы обычаев, всех социальных норм, существующих и функционирующих в обществе на том или ином этапе его развития» (16, с.466).

В России в XIX в. получили распространение две концепции происхождения обычного права. Первая называлась теорией стихийного происхождения обычая, вторая — теорией первоначального индивидуального творчества. В соответствии с первой концепцией, в основе обычного права находилось единообразное массовое поведение людей, формировавшееся стихийно и инстинктивно. По другой теории, единообразное поведение формировалось не стихийно, а посредством целенаправленной деятельности отдельных индивидов, которым впоследствии начинала подражать остальная масса людей.

По-разному освещали происхождение, место и роль обычного права русские правоведы. Так, Ф.В.Тарановский считал, что массовое поведение может являться для индивида фактором, превращающим соответствующий образ действия в обязательную норму права, только в том случае, когда оно является результатом осознания его общественной необходимости. По его мнению, различного рода личные привычки, а также «общественно-вредные действия, как бы они ни были распространены в общественной среде, не порождают обычного права, так как и не сопровождаются сознанием их общественной необходимости» (27, с.179).

Характеризуя особенность обычного права, В.Ф.Залеский, подчеркивал, что, формируя его, «народ создает не абстрактные нормы, а применяет известный порядок действий», используя при этом сложившиеся традиции и взаимоотношения «и имея твердое сознание, что так поступать надо, что так делать хорошо, справедливо» (9, с.242).

И.Г.Оршанский, рассуждая о месте и роли обычного права в обществе, выделил важную его особенность, заключавшуюся в том, что оно является результатом «творчества народа в тесном смысле и стоит совершенно особняком от официальной, государственной жизни страны с ее законодательством» (17, с.158–159).

В.И.Сергеевич полагал, что слабые люди действуют по обычаю, не будучи убежденными в его целесообразности. Поэтому, по его мнению, «если обычай идет от действия отдельных лиц, то понятно, что первыми деятелями обычного права были люди энергичные и сильные, а

первоначальное обычное право — правом сильного» (24, с.14). Данное утверждение явно противоречит историческим фактам, так как нормы обычного права различных народов, находившихся на разных этапах политического и социально-экономического развития, зачастую были очень похожими или даже практически совпадали. Это объясняется прежде всего тем, что обычное право не может базироваться на случайности или произволе отдельной даже очень сильной личности.

В развитии устного права у восточных славян важное место занимал «закон русский», основные нормы которого нашли отражение в договорах Древней Руси с Византией 911, 944 и 971 гг. В частности, в тексте договора 911 г. указывалось, что представители киевского князя Олега должны были давать клятву византийскому императору «по закону и по покону» своего народа. Как полагает В.А.Томсинов, словосочетание «закон русский» применялось в то время, «как устное обычное право, действовавшее в рамках древнерусского общества» (28, с.86). Понятие «покон» определено употреблялось, по мнению В.А.Томсинова, также в значении обычая (там же). Тем не менее он выявляет существенные различия в толковании данных терминов. В.А.Томсинов считает, что понятие «закон», очевидно, «применялось для обозначения обычаев, признанных княжеской властью и действовавших на всей территории Русского государства» (28, с.89). В то же время термин «покон», по его мнению, «обозначал на Руси в IX в., в отличие от термина “закон”, совокупность племенных обычаев — т. е. обычаев, действовавших не на всей территории Русского государства, а лишь в рамках какого-либо племени, составлявшего часть русского народа» (там же). В данном случае можно вполне согласиться с выводом В.А.Томсинова: «закон» — «это обычное право территориального действия, а “покон” — обычаи персонального характера действия или, иначе говоря, обычаи, связанные не с государственной территорией, а с определенной этнической общностью» (там же).

В то же время следует отметить важное наблюдение В.А.Томсинова о том, что в договоре 944 г., в отличие от договора 911 г., упоминается помимо слова «закон» термин «устав», который затем стал применяться в Древней Руси «для обозначения совокупности писанных правовых норм, установленных князем» (28, с.88). Хотя нельзя не сказать и о противоречии, содержащемся в рассуждениях В.А.Томсинова, указывающего на следующей странице той же статьи, что термин «ус-

тав» «обозначает норму устного характера, установленную княжеской властью» (28, с.89).

На догосударственном этапе развития у всех народов обычаи, нравственность и религия были тесно взаимосвязаны. Поэтому люди считали их заветами бога, а их нарушение рассматривалось уже как преступление против самого бога. Из этого следует, что месть являлась не только правом, но и религиозной обязанностью каждого члена общества. И естественно, что «ордалии» (испытания при помощи огня и воды) и «поле» (судебные поединки) стали именовать «судом божьим».

С возникновением государства часть обычаев была преобразована в нормы права, на которые и возлагалась защита частной собственности и социального неравенства. В то же время следует отметить, что в обычном праве достаточно длительное время сохранялись пережитки родового строя. Характеризуя русское обычное право, А.Леонтьев подчеркивал, что «оно имеет преимущество перед писанным законом не только в отношении большего соответствия с жизнью и воззрениями той среды, в которой оно применится; оно имеет преимущество и безотносительно к этой среде, что доказывается, во-первых, тем, что многими своими постановлениями оно, вопреки высокомерному отношению к нему наших законников, ближе к началам римского права и современного права европейских народов, чем наши писанные законы, и, во-вторых, тем, что разработанностью многих институтов оставляет писанные законы далеко позади, нормируя такие правоотношения, которые нашими законами не предусмотрены» (14, с.10–11). На наш взгляд, данное утверждение в полной мере может быть применено именно к начальному периоду становления и развития Древнерусского государства.

На первом этапе своего существования государство трансформирует в закон многие обычаи, которые существовали прежде в первобытном обществе. К ним необходимо отнести прежде всего обычай кровной мести, принцип талиона и т.п., которые затем нашли отражение в значительной степени в Русской Правде. Общечеловеческий характер обычая кровной мести обусловлен тем, что другой возможности защитить свободу, жизнь и имущество своей семьи в то время не существовало. Из этого следует и обязанность мести, рассматривавшейся как нравственный и религиозный долг, игнорирование которого могло повлечь за собой, с одной стороны, изгнание из рода, а с другой – всеобщий почет и уважение.

В статье 1 Краткой редакции Русской Правды говорится: «Убьеть муж(ь) мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будет кто мьestia, то 40 гривен за голову; аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положите за нь» (22, с. 47). Хотя кровная месть ко времени создания Русской Правды в связи с ограничением круга лиц, имевших право мстить, уже в определенной мере потеряла свое значение, тем не менее упоминание о ней в этом важнейшем документе свидетельствует о том, что обычное право оказывало еще значительное влияние на первые письменные источники права.

Следует отметить, что уже в договоре Древней Руси с Византией 911 г. предусматривалась кровная месть. Однако родственникам убитого предоставлялась альтернатива: отомстить убийце или потребовать выкуп. Рассуждая о причинах замены мести выкупом, М.М.Ковалевский указывал: «Месьть грозила в древности личности и имуществу обидчика, но когда обидчик скрывался, то мститель ограничивался тем, что захватывал его имущество. Со временем вместо фактического захвата имущества утвердилось добровольное соглашение об уступке мстителю части имущества обидчика» (13, с.80).

Необходимо отметить, что представители Норманнской теории считали, что обычай кровной мести был заимствован из скандинавского права. В частности, М.П.Погодин подчеркивал, что «кровная месть — закон по преимуществу скандинавский» (21, с.379). Неверность данного утверждения является очевидной, так как обычай кровной мести был присущ всем племенам и народам на этапе первобытного общества и носит универсальный характер. Так, А.Я.Гуревич отмечал, что у исландцев обычай кровной мести регулировался достаточно строгими нормами. Тем не менее «убийство оскорбителя допускалось и даже считалось необходимым для поддержания достоинства рода, но вражда должна была вестись открыто и иметь известные пределы» (6, с.9).

С образованием государства у восточных славян круг лиц, время и место, где можно было применять кровную месть, стали ограничиваться, а затем ее начали заменять, как указывалось выше, соответствующим выкупом. И.Д.Беляев в связи с этим отмечал: то, что «кровная месть, в случае бегства убийцы, могла быть заменена имуществом бежавшего, показывает, что русское общество во времена Олега стояло на той ступени развития, когда месть была ограничена судом и голова убийцы мог-

ла быть выкуплена его имуществом» (3, с.67). Используя данные славянских, скандинавских и вестготских законов, И.Д.Беляев указывает, что убийца, прежде чем вести речь с родственниками убитого о выкупе, «должен был бежать в пустыню, в дикie леса и только по прошествии 40 дней после убийства мог вступать в переговоры через своих родственников». Однако если родственники убитого не соглашались трижды в течение двух лет на выкуп, «то убийца лишался, — подчеркивал И.Д.Беляев, — всякой надежды выкупить свое преступление» (3, с. 68).

Из дошедших до нас летописей известно о мести княгини Ольги древлянам за убийство ее мужа Игоря в 945 г. Имеются также летописные данные о неудавшейся мести Рогнеды, которая пыталась отомстить князю Владимиру I, убившему ее отца и двух братьев и насильно взявшему ее в жены.

Необходимо подчеркнуть, что после смерти великого князя Ярослава в 1054 г. кровная месть была юридически упразднена. Это событие было зафиксировано в статье 2 Пространной редакции Русской Правды: «По Ярославе же паки совкупишеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячъко, Перенег, Никифор и отложиша убиеение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша» (22, с.64). Как следует из данной статьи, сыновья Ярослава Мудрого отменили обычай кровной мести и вместо нее установили денежный выкуп, а остальные дела они рекомендовали рассматривать на основании законов, применявшихся их отцом.

Следует отметить, что некоторые отечественные правоведы рассматривали Русскую Правду как первый письменный памятник обычного права. К ним можно прежде всего отнести В.И.Сергеевича и М.Ф.Владимирского-Буданова. Другие же считали ее официальным сводом княжеского права, действовавшего в Древней Руси (М.П.Погодин, И.Д.Беляев и О.Ф.Ланге).

Что касается других обычаев, известных еще первобытному обществу, а затем преобразованных в отдельные нормы Русской Правды, следует назвать такие виды доказательств, как «присяга», «ордалии» и показания свидетелей, относившиеся к процессуальному праву. Однако необходимо подчеркнуть, что законодатель, трансформируя обычные виды судебных доказательств, внес в них соответствующие коррективы. Так, например, в статье 85 Пространной редакции Русской Правды указывается: «Ты тяже судять (с) послухи свободными; будет ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хоцеть истец, или иметь

и, а река тако: по сего речи емлю ти, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопыи речи ял и» (22, с.70). Как видим, в данной статье регламентируется порядок использования холопа как свидетеля. В частности, в ней говорится о возможности использования показаний холопа только в тех случаях, когда на этом настаивает истец. Тем не менее эти показания не могли служить основанием для определения виновности подозреваемого, которая должна быть определена посредством испытания железом. Однако если эти испытания не давали положительного результата, то обвиняемому должны были уплатить 1 гривну в качестве возмещения ущерба, поскольку суд поверил показаниям холопа.

В статьях 14–16 Краткой редакции Русской Правды говорится о таких процессуальных действиях, как «свод» и «гонение следа» (22, с.47–48), которые очевидно представляют собой преобразованные нормы обычного права, когда члены соседской общины должны были принимать активное участие в поисках преступника, оказывая помощь потерпевшему.

«Успех молодой государственной власти зависел, — отмечает И.Н.Фалалеева, — не только от военной силы, но и в не меньшей степени от умения строить политико-правовые отношения с другими, более древними субъектами системы, проводя любую инновацию исключительно в рамках традиции» (31, с.53).

Судебный прецедент. В условиях перехода от первобытного общества к классовому государству необходимо было, наряду с использованием обычаев, создать юридические нормы для регулирования новых общественных отношений. От исторически первого способа формирования права, характеризовавшегося преобразованием обычая в закон, необходимо было перейти к законотворческой деятельности государственных органов, что должно было стать главным способом развития права. Естественно, что создававшаяся система права не могла в то время полностью обеспечить правовое регулирование общественных отношений. Поэтому возникали сферы, противоречия и конфликты, которые не могли быть разрешены на основе имевшихся правовых обычаев и законодательных норм. В такой ситуации судьи, являясь представителями государства, принимали конкретные решения, которые по истечении определенного времени, неоднократно повторяясь, превращались в юридическую норму. Таким образом, судебная практика породила прецедент,

когда решение по конкретному делу стало приобретать значение самостоятельного источника права, постепенно трансформируясь затем в соответствующий законодательный акт.

Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что прецедентное право зачастую сложно отличить от правовых обычаев. Это связано прежде всего с тем, что оно появляется в результате нормотворческой деятельности судебных органов, основанной на рассмотрении конкретных дел и вынесении по схожим спорам или деликтам решений на основе прецедента.

Характеризуя значение судебного прецедента как источника права, Г.В.Демченко указывал, что «обязательность прецедента не может зависеть только от того, дурным или хорошим признает его суд» (7, с.10). Наоборот, по его мнению, «сила прецедента должна сохраниться и охраняться, несмотря на субъективное мнение судьи» (там же). Более того, Г.В.Демченко подчеркивал, что «если новое решение отступает от своего прецедента, то точность приносится в жертву его рациональному развитию» (там же).

Рассматривая вопрос о соотношении обычая и судебного прецедента как источников права, И.Г.Оршанский отмечал, что обычай не является древнейшей формой проявления правового сознания в обществе, что ему непременно «предшествует судебное решение по каждому отдельному случаю» (17, с.148). В то же время М.Ф.Владимирский-Буданов считал, что решения судебных органов базировались в основе своей на обычном праве, «собирая их, составитель собирал постановления обычного права» (4, с.96).

В Русской Правде наличие судебного прецедента как самостоятельного источника права недвусмысленно подразумевалось. Так, в статье 1 Краткой редакции Русской Правды (22, с.47), где говорится о допущении кровной мести и об ограничении круга возможных мстителей, можно с уверенностью предположить, что законодатель зафиксировал в данной статье сложившуюся в тот период общественную и судебную практику. Кроме того, статья 23 Краткой редакции Русской Правды гласит: «А конюх старьи у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убили Дорогобудьци» (22, с.48). Речь в ней идет о том, что князь Изяслав установил дорогобужцам штраф в 80 гривен за убийство своего конюха. Здесь можно спорить: правомерно ли придавать отдельному случаю из деятельности княжеского суда значение общей нормы или нет. Невзирая на аргументы различных точек зрения, для нас

важно то, что конкретный случай судебной практики вошел в виде отдельной статьи в важнейший источник древнерусского права и мог достаточно широко применяться в качестве судебного прецедента.

В других статьях Краткой редакции Русской Правды (31, 40, 41) можно также увидеть влияние конкретных дел, рассмотренных в судах. Так, в статье 31 говорится о применении наказания в отношении воров в случае совершения преступления группой лиц. Определяя одинаковый для всех соучастников денежный штраф (3 гривны и 30 резан), законодатель уточняет также «или их будут 18» (там же). К данной статье по существу примыкает статья 40, в которой речь идет о краже мелкого скота, совершенной несколькими преступниками. В ней указаны уже другая сумма штрафа (60 резан) и иное число соучастников («а их будут 10») (22, с.49). В статье 41, где определяется размер выплат князю и его дружинникам за выполнение ими судебных функций, обращает на себя внимание то, что суммы этих вознаграждений устанавливаются применительно к конкретному случаю (там же). Из этого следует, что различные суммы штрафов и выплат, разное количество соучастников могли трансформироваться в соответствующие нормы Русской Правды из неоднократно повторявшихся судебных решений.

В статье 2 Пространной редакции Русской Правды говорилось об отмене кровной мести и введении денежного выкупа, а затем указывалось на необходимость осуществлять правосудие «яко же Ярослав судил» (22, с. 64). С уверенностью можно утверждать, что в источнике рекомендовалось обращаться к судебной практике и судебным прецедентам суда великого князя Ярослава Мудрого. Это подтверждается и следующим выводом: «В их основе лежали исконные нормы обычного права, восходящие к родоплеменным отношениям, дополненные княжеской судебной практикой» (26, с.158). В целом это свидетельствует о том, что нормы, установленные в результате судебной практики, являлись одним из важных источников древнерусского права.

В качестве примера для иллюстрации возможности использования судебного прецедента в правовых нормах можно привести статью 98 Псковской судной грамоты. В ней, в частности, говорится: «А который человек с приставом приедет на двор татя имать и татбы искать, или длѣжника имать, а жонка в то время дѣтя выверже, да пристава учнет головшинной окладати, или исца, ино в том головшины нет» (22, с. 340). Отталкиваясь от содержания данной статьи, можно заключить, что во время приезда истца с приставом к обвиняемому у его жены случился

выкидыш, в результате чего имела место попытка обвинить в убийстве истца и пристава. Во избежание повторения таких судебных прецедентов, законодатель установил, что нет основания обвинять их в убийстве. Здесь вполне можно согласиться с точкой зрения Ю.Г.Алексеева, который отмечал: «Этот в принципе возможный, но на практике очень редкий случай зафиксирован в Грамоте, видимо, вследствие какого-то конкретного прецедента» (1, с.79).

Основные виды преступлений. В Древнерусском государстве преступление именовалось «обидой». Под этим подразумевалось прежде всего причинение какого-либо материального, физического или морального ущерба потерпевшему. Однако ущерб, как известно, может быть нанесен посредством преступления либо гражданско-правового нарушения, т.е. деликтом.

В договорах Древней Руси с Византией, как первых письменных источниках права, посвященных преимущественно проблемам уголовного права, уже имеются сведения о таких преступлениях, как убийство, побои и ранения. Так, в статье 4 договора 911 г. говорится: «Аще кто убьет крестьянина Русин, или христьянин Русина, да умереть, иде же аще створит убиство» (18, с.34). Речь идет об убийстве византийца русским или русского византийцем и применении смертной казни по византийским законам. Как известно, в соответствии с «законом русским», о котором говорится в статье 5, смертная казнь могла применяться только в виде кровной мести. В статье 5 договора 911 г. центральное место отводится телесным повреждениям — побоям и ранениям (18, с.35). «Сравнение русского законодательства с греческим в отношении последствий несостоятельности виновного говорит о том, — указывает Р.Л.Хачатуров, — что вторая часть ст.5 договора 911 г. составлена применительно к русской действительности» (33, с.127).

В статье 6 договора 911 г. устанавливается денежный штраф за кражу. Кроме того, в ней допускается предоставляемая пострадавшему возможность убить вора на месте преступления: «...аще приготовится татбу творяи и убиен будеть: да не възыщется смерть его ни от христьян ни от Руси, но паче убо да възметь свое, иже будеть погубил» (18, с.35).

Следует отметить, что норма об убийстве, зафиксированная в статье 4 договора 911 г., фактически полностью повторяется в статье 13 договора Древней Руси с Византией 944 г. (18, с.55).

В Русской Правде еще не различались преступление и гражданско-правовое нарушение. В ней преступлением признавалось любое дея-

ние, запрещенное законом, а также наносящее ущерб лицам, находившимся под защитой князя. Кроме того, в ней еще не были обозначены возрастные ограничения уголовной ответственности, понятие невменяемости. Тем не менее в ней уже представлен термин «соучастия». Сама проблема соучастия решалась следующим образом: все соучастники преступления отвечали в равной степени.

Необходимо отметить, что в Русской Правде указывается ответственность в зависимости от субъективной стороны преступления. Однако в ней не проводятся различия между умыслом и неосторожностью, но в то же время представлены два вида умысла — прямой и косвенный. Это различие четко просматривается при определении ответственности за убийство. Так, за тайное убийство, убийство при сведении счетов присуждалась высшая мера наказания — «поток и разграбление», а за убийство в «сваде» (ссоре, драке) — только денежный штраф («вира»). Что касается объективной стороны преступления, то подавляющее число преступных деяний совершалось в то время посредством действия. Лишь в отдельных случаях наказанию подвергалось и преступное бездействие, т.е. утайка находки или длительное невозвращение долга.

В Русской Правде представлены только два родовых объекта преступления — личность человека и его имущество. Однако каждый род преступления включал довольно разнообразные виды преступных деяний. Так, среди преступлений против личности следует назвать убийство, телесные повреждения, побои, оскорбление действием.

Уголовное право Древней Руси носило ярко выраженный феодальный характер. Поэтому, в первую очередь, жизнь, честь и имущество феодалов подлежали гарантированной защите со стороны государства. Кроме того, применялся дифференцированный подход при определении наказания различным категориям населения в зависимости от социального положения за совершение одного и того же преступления. Так, например, в Русской Правде за убийство феодала устанавливался штраф в 80 гривен, а за смерда только 5 гривен. Так как холопы субъектами права не признавались, то их жизнь и имущество законом не охранялись. В статье 46 Пространной редакции Русской Правды говорится о том, что если холоп окажется вором, то князь не может наказывать его штрафом, так как он не является свободным человеком. Поэтому хозяин такого холопа должен был платить двойное вознаграждение потерпевшему («то двоиче платить ко истыцю за обиду») (22, с.67). В некоторых

случаях потерпевший мог сам расправиться с холопом, не обращаясь к судебным органам, вплоть до убийства на месте преступления холопа, посягнувшего на жизнь или имущество свободного человека.

Необходимо отметить, что в Русской Правде еще не было представлено понятие государственного преступления. В ней также нет и сведений о государственных или должностных преступлениях. Тем не менее это не означает, что выступления против князей, представителей государственной власти не рассматривались. На основании отрывочных данных из летописей можно сделать вывод, что в таких случаях применялась непосредственная расправа без суда и следствия. Об этом красноречиво говорит расправа княгини Ольги над древлянами, совершившими убийство ее мужа, киевского князя Игоря.

В Русской Правде нашло отражение прежде всего такое преступление против личности, как убийство. Причем различались два вида данного преступления: 1) убийство в ссоре; 2) убийство в разбое. Так, относительно первого вида преступления в статье 6 Пространной редакции Русской Правды говорится: «Но оже будеть убил или в сваде, или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирою» (22, с. 64). В данной статье проводится разграничение убийства, предпринятого на виду у присутствующих, от убийства в разбое. Следует отметить, что пиры представляли собой в Древней Руси одну из форм общественной жизни, в ходе которых допускались словесные турниры между представителями различных категорий населения, перераставшие иногда в споры и столкновения. Поэтому убийство «в пиру» рассматривалось как менее тяжкое преступление и наказывалось соответствующим штрафом (выплатой «виры» при помощи общины). Убийство в разбое считалось особо тяжким преступлением. Об этом говорится в статье 7 Русской Правды: «Оже станеть без вины на разбои. Будеть ли стал на разбой без всякой свады, то за разбойника люди не платять, но выдать и всего с женою и с детми на поток и разграбление» (там же). Как видим, в статье запрещается преступнику, обвиненному в совершении убийства в разбое, пользоваться помощью общины, а он сам и все члены его семьи подвергаются самому строгому по Русской Правде виду наказания — «поток и разграблению».

Среди других видов преступлений против личности следует выделить причинение телесных повреждений: отсечение руки, ноги; лишение глаза; нанесение ран и побоев. Так, в статье 5 Краткой редакции Русской Правды говорится: «Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо

усохнуть, то 40 гривен» (22, с.47). Из чего следует, что такое преступление, как отсечение руки или тяжелое ранение, повлекшее ее усыхание, приравнивалось к убийству свободного человека, поскольку за него устанавливался штраф в размере 40 гривен. Кроме того, в Русской Правде упоминаются также преступления против чести, характеризовавшиеся прежде всего оскорблением действием: вырывание бороды, усов, выбивание зуба и толкание. Так, в статьях 67–68 Пространной редакции Русской Правды говорится о том, что за вырывание бороды и выбивание зуба полагались штрафы (продажи) в размере 12 гривен (22, с.69).

Особое место в Русской Правде отводится имущественным преступлениям. Так, например, в ней говорится о порче межевых, бортовых деревьев, пашенных межей, поджоге двора и гумна, о краже скота, ладьи, зерна и т.д. Среди имущественных преступлений в Русской Правде большое внимание уделяется краже (татьбе). Наиболее тяжким видом кражи считалось конокрадство. Кроме того, в ней указан такой вид имущественных преступлений, как уничтожение чужого имущества путем поджога, за которое полагалось суровое наказание — «поток и разграбление».

В Русской Правде не упоминается о преступлениях против веры и церкви, против нравственности и семьи. Это было, очевидно, связано с тем, что данные виды преступлений нашли широкое освещение в церковных уставах князей Владимира и Ярослава, которые, наряду с Русской Правдой, применялись в ходе осуществления правосудия в Древней Руси. Так, в статье 9 Синодальной редакции Устава князя Владимира Святославича содержится достаточно обширный перечень правонарушений, которые рассматривались с позиций церковного права как преступления. «А се церковнии суди: распуст, смилное, заставанье, пошибанье, умычка, промежи мужем и женою о животе, в племени или в сватстве поимуться, ведьство, зелииничьство, потвори, чародеяния, волхвования, урекания три: бляднею и зельи, еретичьство, зубоежа, или сын отца бьетъ, или мать, или дчи, снѣха свекровь, братья или дети тяжются о задницу, церковная татба, мертвеци сволочать, крест посекуть или на стенах режють, скот или псы, или поткы без великы нужи въведет, или ино что неподобно церкви подееть, или два друга иметася бити, единого жена иметь за лоно другаго и роздавить, или кого застануть с четвароножиною, или кто молиться под овином, или в рошеньи, или у воды, или девка дѣтя повѣржеть» (22, с.149), — указывается в статье. Как видим, в данной статье речь идет о преступлениях, совершенных в результате:

семейных конфликтов (прелюбодеяние, споры об имуществе между супругами, половые отношения и драки между близкими родственниками, споры о наследстве между родственниками); необузданных проявлений к представителям противоположного пола (внебрачная половая связь, изнасилование); использования советов волхвов, чародеев и зелейников; посягательств на церковное имущество и символику; наговоров и клеветы, связанных с обвинением в незаконном сожителстве, зелейничестве или еретичестве и т.п.

Хотя от Новгородской судной грамоты дошел до нас только ее фрагмент, состоящий из 42 статей, он дает нам общее представление не только о судоустройстве и судопроизводстве, но и об основных видах преступлений. Так, статья 6 содержит запрет «наводить наводки» на работников судебных органов, либо на одну из сторон, участвовавших в процессе. Имеются различные точки зрения на истолкование данного термина. Одни считают, что «наводить наводки» означает агитировать людей к нападению на суд, другие же полагают, что данный термин означает «клеветать, дискредитировать» (19, с. 219, 232). Важно отметить, что в данной статье устанавливаются наказания за эти деяния, которые обычно совершались против посадника, тысяцкого и владычного наместника, а также других должностных лиц судебного органа. Особо следует отметить, что размер штрафа за данное преступное деяние устанавливался в зависимости от социального статуса виновного, а потерпевшему должны были обязательно возместить ущерб. «А кто наведет наводку на посадника, или тысячцкого, или на владычна наместника, или на иных судей, или на докладшиков, или истецъ на истца у суда, или у доклада, или у поля, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом на боярине 50 рублей, а на житьем дватцать рублей, а на молодшем 10 рублей за наводку; а истцю убытки подоймет» (22, с.304–305), — указывается в статье. Как видим, различие в сумме штрафа достигало пятикратного размера. В статье 10 говорится о порядке рассмотрения спора о земельном наделе, который был получен в результате нападения («наезда») или грабежа. В данной статье подчеркивается, что тех, кого обвинят «в наезде и в грабежи, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом, на боярине пятьдесят рублей, а на житьем двадцать рублей, а на молодшем десять рублей...» (22, с.305). В статье приводится также различный подход при взимании штрафа за «наезд» или грабеж в зависимости от социального положения преступника, аналогичный порядку его взыскания, изложенному в статье 6. В статье

11 предоставлялось право истцу добиваться рассмотрения дела в суде одновременно о «наезде», грабеже и земельном споре. Причем судья обязан принять решение по всем данным вопросам.

В статье 36 Новгородской судной грамоты дается перечень следующих преступлений, совершаемых в волостях: воровство, разбой, грабеж, поджог и убийство (22, с.307–308). Кроме того, указываются и субъекты данных преступлений: бояре, житьи люди, купцы, монахи, кончанский и улицкий старосты.

Следует отметить, что в Псковской судной грамоте по сравнению с Русской Правдой преступлениями считались все преступные деяния, запрещенные законом, даже не причинявшие ущерба конкретному лицу. В первую очередь имеются в виду государственные преступления, преступления против порядка управления и судебных органов. В Псковской судной грамоте появляется термин «перевет» (измена), который можно квалифицировать впервые в русском праве как государственное преступление. Уже в статье 1 Псковской судной грамоты выделяются такие преступления, как кража, разбой, наход и грабеж, а также указываются различные штрафы в зависимости от тяжести содеянного (22, с.331–332). В статье 7 Псковской судной грамоты вводится новый вид наказания — смертная казнь, которая не была известна Русской Правде. «А крим(с)кому татю и коневому, и переветнику, и зажига́льнику тем живота не дати» (22, с.332), — указывается в статье. Смертная казнь вводилась прежде всего для преступника, совершившего кражу из Псковского Кремля или храма, для изменника, поджигателя и конокрада. Оценивая содержание данной статьи, Ю.Г.Алексеев подчеркивает, что она, «впервые выделяющая общественно-опасные преступления, свидетельствует о росте правосознания в вечевом городе XIV в. по сравнению с Русской Правдой, знавшей только преступления против лиц и имущества» (1, с.60).

Особый интерес представляет и статья 8 Псковской судной грамоты, в которой впервые упоминается о рецидиве. «Что бы и на посад(е), но крадется ино дважды с пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромьскому татю» (22, с.332), — говорится в статье. Как видим, смертная казнь устанавливалась для ворарецидивиста за трехкратную кражу. Кроме того, он приравнивался по тяжести содеянного к преступнику, укравшему имущество из Псковского Кремля.

В Псковской судной грамоте был значительно расширен и изменен состав имущественных преступлений, среди которых выделяются в первую очередь разбой, наход, грабеж и кража из закрытого помещения. Судя по содержанию данного источника, разбой рассматривается в нем как неспровоцированное убийство с целью завладения имуществом, а наход — как разбой в составе шайки или нападение одного землевладельца на усадьбу другого. В статье 27 появляется такой вид преступления, как «бой», означавший, очевидно, оскорбление действием, избивание, предпринятое в публичном месте, не сопровождавшееся отнятием имущества. Однако рассматривать это в качестве нового вида преступления было бы ошибочным. «Драка в сваде», «бой на торгу» — эти термины уже применялись в Русской Правде, Двинской уставной грамоте и других источниках древнерусского права. Традиционно расследование данного вида преступления начиналось по инициативе самого потерпевшего. «Видимо, это общерусская норма, отражающая древнее общинное право, — пирующие сами разберутся, обращение к властям не обязательно» (1, с.65), — считает Ю.Г.Алексеев.

Особое место в Псковской судной грамоте занимает статья 48, в которой говорится о таком виде преступлений, как взятка («посул») должностному лицу. «А кто почнет на волостелях посула сачить, да и портище соймет, или конь сведеть, а молвить так: в посуле есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял, или коня свел» (22, с.336), — указывается в статье. Очевидно, что в данном случае обвинялся в вымогательстве «посула» в виде «портища» и «коня» волостель. Важно, что данный вид преступления приравнивался к грабежу, за который полагался достаточно высокий денежный штраф.

В статьях 26, 96—98 говорится об убийстве («головщине»). Так, в статье 26 речь идет прежде всего о порядке принудительной доставки истцом обвиняемого в суд. В ней отводится особое место случаям убийства, совершенным при этом истцом. В данной ситуации в статье четко указывается, что если истец убивает в процессе доставки ответчика в суд, то он должен понести наказание за убийство (22, с.334).

В статьях 96 и 97 речь идет об убийстве («головщине»), включая отцеубийство и убийство брата, а также определяется порядок уплаты «продажи» в княжескую казну (22, с.340). Особый интерес представляет статья 98, в которой рассматривается случай выкидыша у жены обвиняемого во время обыска, проводимого приставом или истцом, с последующим обвинением последних в убийстве. В статье указывается, что

если «пристава учнет головшинной окладати, или истца, ино в том головшины нет» (там же). Другими словами, в статье предлагается рассматривать данный случай не как убийство, а как непроступное причинение вреда.

Необходимо отметить, что в Псковской судной грамоте по сравнению с Русской Правдой представлено значительно меньше статей, посвященных преступлениям против личности. Это было обусловлено, очевидно, тем, что в Пскове в тот период продолжали действовать и нормы Русской Правды. Таким образом, в Псковской судной грамоте такой вид преступлений, как убийство, нашел отражение в той или иной степени лишь в четырех статьях.

Система наказаний. В договорах 911, 944 и 971 гг. Древней Руси с Византией уже нашли, как указывалось выше, отражение такие виды наказаний, как смертная казнь и денежные штрафы. Кроме того, допускалась и кровная месть в соответствии с «законом русским». Вместе с тем в нормах договоров уже были зафиксированы принцип территориальности и порядок его применения в случаях совершения правонарушения, в котором не было состава преступления, содержащегося в статьях договоров. «Преследование и наказание преступников в этом случае являлось, — отмечал Р.Л.Хачатуров, — компетенцией органов государства, на территории которого было совершено правонарушение» (33, с.128).

В Русской Правде не упоминается такой вид наказания, как смертная казнь, хотя, по данным летописей, она довольно часто применялась. Сам факт умолчания данного вида наказания И.А.Исаев объясняет тем, что законодатель понимал смертную казнь как продолжение кровной мести, применение которой стремились в то время существенно ограничить, а также влиянием христианской Церкви, выступавшей против смертной казни (10, с.48).

Полемизируя с В.И.Сергеевичем по вопросу о введении смертной казни великим князем Ярославом, Г.М. Барац отмечал, что «Ярослав не только не “установил” смертной казни для рабов, но и не “ввел” ее за душегубство, да в таком нововведении и не представлялось никакой надобности, так как этот способ наказания за предумышленное убийство, имея опору в библейском и византийском законодательствах, был стародавним институтом древнерусского права, не отмененным и Владимиром Святým, как это указано мною обстоятельно при анализе летописного известия под 996 г., из текста которого, исправленного посредством перестановки нескольких выражений, явствует, что Владимир, приняв

христианство, сначала, “боясь греха”, воздерживался вовсе от какой-бы то ни было казни разбойников, но затем, уступив убеждениям епископов, стал казнить убийц, отвергнув решительно совет “старцевъ” — бояр ввести систему наказаний денежными пенями, вирами, в целях увеличения средств, нужных для приобретения оружия и коней для войска» (2, с. 203—204). В.И.Сергеевич и другие исследователи основывали свою точку зрения на данных статьи 2 Пространной редакции Русской Правды, в которой говорится, что сыновья Ярослава заменили смертную казнь («убиение за голову») денежным выкупом («но кунами ся выкупати») (22, с.64). Однако из нее не следует, что смертная казнь за такое преступление, как убийство, была впервые введена киевским князем Ярославом.

Важно отметить, что одной из главных целей наказания было возмещение материального и морального ущерба потерпевшему. Основные наказания по Русской Правде — это «поток и разграбление» и денежные штрафы («вира» и «продажа»). «Поток и разграбление» означал конфискацию всего имущества преступника и передачу его и членов его семьи в рабство. Об этом наказании говорится, как указывалось выше, в статье 7 Пространной редакции Русской Правды. К «поток и разграблению» приговаривались не только за убийство в разбое, но также за поджог и конокрадство. Так, в статье 83 подчеркивалось: «Аже зажгут гумно, то на поток, на грабеж дом его, переди пагубу исплатившую, а в проце князю источити и; тако же аже кто двор зажъжетъ» (22, с. 70). В данной статье говорится о том, что, прежде чем подвергать поджигателя наказанию «поток и разграблением», он должен был возместить соответствующий ущерб. В статье 35 указывается, что если «будет коневый тать, выдати князю на поток» (22, с. 66). Другими словами, виновный в краже коня подвергался высшей мере наказания по Русской Правде — «поток и разграблению».

Штрафы дифференцировались в зависимости от тяжести совершенного преступления, а также социального статуса потерпевшего. Как указано в статье 1 Пространной редакции Русской Правды, за убийство представителя привилегированных слоев населения («князь мужь или тиуна княжа») полагалась двойная «вира» (80 гривен), а за убийство простого свободного человека («русин или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли словенин») — 40 гривен (22, с.64).

В статье 4 речь идет о так называемой «дикой вире». В ней, в частности, говорится: «Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, ко-

лико лет заплатить ту виру, зане же без головника им платити» (там же). Данный штраф должна была уплачивать община (вервь) за убийство, совершенное на ее территории, и в тех случаях, когда убийца неизвестен либо вервь его укрывает. В статье 5, по содержанию примыкающей к предыдущей, центральное место отводится также проблеме уплаты общиной «дикий виры» (там же). Однако в ней предусмотрен случай, когда убийца, являясь членом общины, до этого участвовал сообща с другими ее членами в уплате аналогичного штрафа. Поэтому община может уплатить 40 гривен сама, как это предусмотрено в статье 4, или помочь преступнику собрать данную сумму. Значительный интерес в связи с этим представляет статья 19, в которой говорится: «А по костех и по мертвечи не платит верви, аже имене не ведають, ни знают его» (22, с.65). В ней указывается, что община может не платить «дикий виры» и отклонить обвинение в убийстве, если на ее территории был обнаружен труп никому не известного человека или его останки. Здесь можно допустить, что это чем-то напоминает норму давности совершенного преступления, не подлежащего наказанию.

В Древней Руси применялся также такой штраф, как «полувира» (20 гривен), налагавшийся, как правило, за нанесение увечий и тяжких телесных повреждений. Об этом говорится в статьях 27 и 88 Пространной редакции Русской Правды. Особо следует сказать о статье 88, в которой определяется наказание за убийство жены: «Аже кто убиет жену, то тем же судом судити, яко же и мужа; аже будет виноват, то пол виры 20 гривен» (22, с.70).

Необходимо отметить, что за убийство зависимых людей полагался штраф, как это указано в статьях 13–17 Пространной редакции Русской Правды, в размере 12, 6 и 5 гривен. К зависимым работникам относят в данных статьях не только холопов, но и закупов, ремесленников, распорядителей работ на пашне и других, занимавших низшие должности в вотчинной администрации и предположительно происходивших из холопов. Так, статья 14 гласит: «А за рядовича 5 гривен. Тако же и за бояреск» (22, с.65). В данной статье говорится о княжеских и боярских рядовичах, которые по своему социальному положению приравнивались к закупам.

Особое положение в Русской Правде отводится кормильцам, за убийство которых, независимо от того, являются ли они холопами или свободными людьми, налагался штраф в размере 12 гривен. Об этом сви-

детельствует статья 17: «А за кормилца 12 (гривен), тако же и за кормилицу, хотя си буди холоп, хотя си роба» (там же).

«Продажа» представляла собой дифференцированный штраф за другие преступления, в том числе имущественные и преступления против личности. По степени тяжести совершенного преступного деяния этот штраф колебался в пределах 1, 3 и 12 гривен. Так, в статье 29 указывается размер «продажи», полагавшийся зачинщику и победителю в драке. Зачинщик драки должен был уплатить штраф в размере 60 кун или 1 гривны, а тот, кто вышел победителем, — 3 гривны (там же).

Все виды названных выше штрафов поступали в казну князя. Однако существовали и другие штрафные санкции, направленные на возмещение ущерба потерпевшему. В первую очередь — это «головничество», равнявшееся одной «вире» и представлявшее собой компенсацию родственникам убитого. Термин «головничество» встречается в статье 5, в которой речь идет об уплате общиной «дикий виры» за убийство, совершенное на ее территории или ее членом (22, с.64).

«Урок», равнявшийся примерно сумме «продажи», вносимой в княжескую казну, являлся денежным возмещением потерпевшему за нанесенный ущерб. Так, в статье 45 указаны размеры возмещения ущерба за кражу различных видов домашнего скота (от 1 гривны за вола до 1 ногаты за барана). В статье уточняется, что данные штрафы применяются только в том случае, если вором оказался смерд — лично свободный работник. Кроме того, указывается, что он должен, наряду с уплатой «урока» потерпевшему, внести также штраф («продажу») в пользу князя (22, с.67).

В Русской Правде было наиболее подробно регламентировано понятие кражи («татьбы»). Выделены следующие ее виды: кража из закрытых помещений; конокрадство; кража холопов, продуктов, ремесленных изделий и т.п. Необходимо отметить, что высокий штраф налагали на виновного за кражу из закрытого помещения. Так, в статье 41 Пространной редакции Русской Правды указывалось: «Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то (о)же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 и по 30 кун платит(и)» (там же). В данной статье речь идет также о соучастии в преступлении и мере наказания. Каждый из участников преступления нес равную степень ответственности, т.е. должен был уплатить, как и основной виновный, по 3 гривны и 30 кун. Что касается кражи имущества, которое специально не охранялось, то за нее полагался штраф в 3 раза ниже, чем за кражу из

закрытого помещения. Об этом говорится в статье 42: «Аже крадет скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун» (там же). Как видим, здесь повторяется приведенная в предыдущей статье норма относительно равной ответственности всех соучастников преступления.

В Новгородской судной грамоте имеется ряд статей, в которых указаны размеры штрафов и судебных пошлин. Особый интерес представляет статья 6, в которой устанавливались соответствующие денежные штрафы за клевету на посадника, тысяцкого, владычного наместника и других должностных лиц, участвовавших в осуществлении правосудия, в зависимости от социального статуса потерпевшего (22, с.304–305).

В соответствии с Псковской судной грамотой система наказаний была достаточно простой. Были известны лишь два вида наказаний — смертная казнь и штрафы. Высшей мерой наказания стала смертная казнь, которая вытеснила из судебной практики Псковской феодальной республики «поток и разграбление», считавшийся высшей мерой наказания по Русской Правде. Так, только в статьях 7 и 8 Псковской судной грамоты говорится о применении смертной казни. Фактически впервые в статье 7 вводится этот новый вид наказания, который ни разу не упоминался в Русской Правде. «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати» (22, с.332), — указывается в статье. Как видим, смертная казнь вводится лишь для изменников, поджигателей и воров, — для наиболее опасных преступлений, имевших место в Псковской феодальной республике.

Надо сказать, что конкретные виды смертной казни в грамоте не указывались. Это было, очевидно, связано с тем, что они были традиционными в Древней Руси. Тем не менее на основании сведений из сохранившихся летописей можно сделать вывод, что в Псковской республике смертную казнь приводили в исполнение через повешение, сожжение и утопление. В Псковской судной грамоте, в отличие от Русской Правды, нет дифференцированного подхода при определении наказания за убийство в зависимости от социального статуса пострадавшего.

Необходимо отметить, что среди исследователей имеются различные точки зрения о введении в русском законодательстве смертной казни. Одни считают, что она впервые была введена после появления соответствующей нормы в Двинской уставной грамоте 1397 г. Другие полагают, что она применялась уже в конце X в., опираясь на известное упо-

минание о смертной казни, содержащееся в «Повести временных лет». Так, С.В.Жильцов отмечает, что «эволюция смертной казни в Древнерусском государстве во многом связана с введением христианства на Руси Великим князем Владимиром (988 г.) и организацией церкви, призванной выполнять важные для государства идеологическую и морально-этическую функции» (8, с. 47).

Что касается штрафов, то в Псковской судной грамоте уже нет упоминания о таком виде штрафа, как «вира», она именовалась здесь «продажей» и взималась в пользу князя. Лишь незначительная часть продажи поступала в городскую казну. Следует отметить, что, наряду с уплатой «продажи», виновный должен был возместить ущерб пострадавшему. Хотя некоторые современные исследователи и считают, что система штрафов по Псковской судной грамоте была достаточно сложной и невозможно ее четко представить (11, с.50), попытаемся кратко охарактеризовать ее.

Статья 52 Псковской судной грамоты гласит: «А на татии и на разбойники же, чего истец не возмет, ино и князю продажа не взяти» (22, с.336). В статье фиксируется норма уголовного права, в соответствии с которой преступник должен был уплатить штраф («продажу») в княжескую казну и возместить ущерб потерпевшему или его родственникам. Данная статья по-разному комментируется исследователями. И.Д.Мартысевич (15, с. 163), например, полагал, что в данном случае говорится об отказе истца от иска, а Ю.Г.Алексеев поддержал точку зрения А.А.Зиминой, указывая, что речь идет о продаже, взимаемой в казну князя «пропорционально удовлетворенному иску» (1, с. 70). Но имеет право на существование и точка зрения, заключающаяся в том, что если потерпевший не смог получить с преступника компенсацию за нанесенный ущерб, то в княжескую казну не может быть уплачена соответствующая «продажа».

В статьях 96–98 Псковской судной грамоты, посвященных убийству, упоминаются такие штрафы, как «головничество» и «продажа». Причем необходимо отметить, что говорится только о рублевой «продаже» («взять рубль продажи») (22, с. 340). Очевидно, преступник, наряду с уплатой «продажи» в пользу князя, должен был компенсировать и ущерб семье убитого, как это зафиксировано в Русской Правде, нормы которой также применялись в Псковской республике. Значительный интерес представляет статья 111, в которой говорится: «А кто пред господо ударит на суде своего истца, ино его в рубли выдать тому человеку,

а князю продажа» (22, с.342). Речь идет о драке на суде, инициированной ответчиком. За нанесение побоев истцу ответчик должен был уплатить штраф в пользу князя и денежную компенсацию потерпевшему.

Следует также отметить размер штрафа за вырывание бороды, о котором говорится в статье 117 («за бороду присудить два рубля») (там же). За данное преступление против чести и достоинства человека полагался самый высокий денежный штраф, предусмотренный в Псковской судной грамоте.

Особый интерес представляет и последняя статья Псковской судной грамоты, в которой устанавливалась единая сумма денежного штрафа за участие в коллективном избиении («им присужать всим за вси боеви один рубль, и княжая продажа одна») (там же). Следует сказать, что за участие в данном преступлении полагались достаточно высокий штраф и единая «продажа» в пользу князя, независимо от количества обвиняемых и потерпевших.

В Двинской уставной грамоте уделялось также значительное место системе наказаний, применявшейся на Двинской земле, вошедшей в конце XIV в. в состав Московского государства. Грамота примечательна тем, что многие ее нормы основаны на соответствующих статьях Русской Правды. Так, в статье 1 установлены наказания за убийство и телесные повреждения, которые фактически основаны на нормах, зафиксированных в статьях 3 и 29 Пространной редакции Русской Правды. Следует обратить внимание на то, что штраф за убийство назван «ви-рой», денежный штраф наместнику определен в размере 10 рублей, за нанесение кровавых ран полагалось уплатить 30 белок, за синие раны — 15 белок (23, с. 181). Наказания за нарушения межи отражены в статье 4, в соответствии с которой за данное преступление, совершенное против соседа, необходимо было в счет компенсации ущерба передать 1 барана. Если же была нарушена межа между селами, то требовалось уже 30 белок, а за нарушение межи князя необходимо было представить 120 белок (там же). Такой разницей в определении видов наказаний и особенно сумм штрафов, полагавшихся за совершение соответствующих преступлений, свидетельствует о том, что данные нормы можно рассматривать как переходные на этапе эволюции русского законодательства от Русской Правды до Судебника 1497 г.

Наказания, применявшиеся церковными судами, занимают особое место. Как известно, после Крещения Руси церковь на первом этапе своего становления широко использовала византийские своды законов. Од-

нако после появления Устава князя Владимира Святославича и Устава князя Ярослава о церковных судах они все шире стали применяться церковными судами. Необходимо отметить, что Устав князя Владимира Святославича не содержит специальных норм, посвященных конкретным наказаниям. Очевидно, первые митрополиты, направляемые в Киев из Византии, не могли еще избавиться от значительной их зависимости от константино-польского патриарха. Тем не менее дошедшие до нас княжеские уставы свидетельствуют о том, что Русская православная церковь, пытаясь укрепить свои позиции в обществе, не решалась применять в делах, подлежащих юрисдикции церковных судов, достаточно суровые наказания, содержащиеся в византийских кодексах. Поэтому она стремилась применять наказания, которые в значительной степени соответствовали русскому обычному праву. Так, в статье 2 Краткой редакции Устава князя Ярослава говорится: «Аже кто умчить девку или насилить, аже боярьская дщи, за сором еи 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота; а менших бояр гривна золота, а епископу гривна золота; добрых людей за сором 5 гривен серебра, а епископу 5 гривен серебра; а на умычницех по гривне серебра епископу, а князь казнить их» (23, с. 168). Последняя часть статьи «а князь казнить их» означала, очевидно, то, что исполнял решение епископа о денежных штрафах государственный аппарат князя. В данной статье речь идет о согласованном и насильственном похищении невесты. Важно отметить, что согласованное с невестой похищение приравнивалось по последствиям к насильственному. Следует особо подчеркнуть, что размер денежных штрафов, зафиксированный в статье 2, полностью зависел от социального статуса женщины.

Статья 3 посвящена изнасилованию («пошибанию») женщины и налагавшимся за это преступление денежным штрафам (от 5 гривен золотом до 3 рублей) (там же). В данной статье, как и в предыдущей, исполнение судебного решения возлагалось на княжескую администрацию. Следует отметить, что к юрисдикции князя относились лишь дела об изнасиловании, совершенном между представителями другой веры.

Можно вполне согласиться с утверждением А.В.Стадникова: «Установление имущественных санкций на Руси было, вероятно, предпринято с целью адаптации наказания к обычному русскому праву, поскольку многие деяния, объявленные в княжеских уставах преступными, были признаны общественно опасными только после принятия христианства

на Руси, и еще долгое время они могли входить в противоречие с дохристианскими правовыми традициями» (25, с.8).

Организация судебного процесса. В древнерусском праве еще не было разграничения между уголовным и гражданским процессом. Тем не менее такие процессуальные действия, как «гонение следа» и «свод», могли применяться только в рамках рассмотрения уголовных дел.

В целом судебный процесс имел четко определенный состязательный характер, в котором стороны обладали равными правами. Он начинался по заявлению истца, был гласным и устным. Однако некоторые исследователи полагают, что в церковном суде «уже в период Древнерусского государства применялся инквизиционный, розыскной процесс с активной ролью суда, с применением пыток, с тайным и письменным (очень формализованным) судопроизводством» (11, с. 31). В то же время С.Пашин высказал несколько иную точку зрения: «От обвинительного процесса, фрагментарно закрепленного в Русской Правде с последующими дополнениями Ярославичей и Владимира Мономаха, судопроизводство дрейфует к процессу инквизиционному, в котором частные начала подменяются публичными, а символические способы обнаружения истины (вроде крестного целования и ордалий, т.е. испытания водой, железом или “божьего суда”) уступают место пыточным; участники процесса все менее остаются его субъектами и все более оказываются подвергаемыми пристрастным допросам объектами исследования, ведущегося “служилыми людьми”» (20, с.161). Данную точку зрения можно принять применительно к Древней Руси только в контексте судопроизводства церковных судов. Что же касается других судебных органов, то они практиковали состязательный процесс, и о начале перехода к инквизиционному можно говорить только относительно периода конца XV — первой половины XVI в. Здесь уместнее согласиться с другим утверждением: «Судебный процесс во многом восходил к обычаям родоплеменной демократии: протекал гласно, начинался только по инициативе истца, имел состязательный характер, обе стороны процесса находились в равном положении; наряду со свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами имели силу и архаичные доказательства в виде жребия или испытания огнем и железом (ордалий)» (26, с.158).

Необходимо отметить, что уже в договоре Древней Руси с Византией 911 г. (статья 3) говорится о некоторых процессуальных действиях: о делении всех доказательств по делам о преступлениях на «показания

явленные», которым предлагается верить, и присягу, в соответствии с которой «кленется по вере своей» (18, с.34).

В Русской Правде представлены две специфические процессуальные формы подготовки дела — «гонение следа» и «свод». Как отмечал М.А.Чельцов-Бебутов, «и “свод”, и “гонение следа” были некогда способами коллективной самопомощи соседских общин, требовавшими участия большого числа близких потерпевшему людей» (35, с. 636). «Гонение следа» означало розыск преступника по его следам. Так, в статье 77 Пространной редакции Русской Правды говорится: «Не будет ли татя, то по следу женуть; аже не будет следа ли к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едут на след или отбиться, то тем платити татбу и продажу; а след гнати с чюжими людьми а с послухами; аже погубять след на гостиньце на велице, а села не будет, или на пусе, где же не будет ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы» (22, с.69). Как видим, из содержания данной статьи следует, что если след приводил к дому конкретного человека, то он и признавался преступником, если же след приводил в село, то ответственность должна была нести община, если след преступника терялся на большой дороге, то поиск преступника должен был прекратиться. Кроме того, в статье определялась степень ответственности общины за кражу, совершенную на ее территории. Следует также отметить, что в данной статье подчеркивается, если след терялся на большой дороге или в безлюдном месте, то члены общины не должны были отвечать за это преступление, а поиск преступника должны были вести с привлечением чужих людей, чтобы исключить предвзятое отношение представителей данной общины. Важно отметить, что данное процессуальное действие, не упоминавшееся до этого в Краткой редакции Русской Правды, свидетельствует о совершенствовании судебного процесса, так как в статье предлагаются различные варианты розыска преступника и обеспечивается определенная степень объективности расследования.

В том случае, если же утерянная вещь и похититель не найдены, то пострадавший должен был прибегнуть к «закличу», т.е. объявить на торговой площади о пропаже своего имущества с просьбой помочь его обнаружить у другого лица. «Пользованию «сводом» обыкновенно предшествовало, — как отмечал В.М.Грибовский, — объявление на торговой площади о случившейся пропаже — “заклич”. Причем он подчеркивал, что «в течение трех дней добросовестные держатели вещи должны были вернуть ее хозяину» (5, с. 88).

В статье 32 Пространной редакции Русской Правды указывается: «А челядин скрыется, а закличуть и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и (в) третии день, то свой челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи» (22, с.66). Речь идет о челядине, сбежавшем от своего хозяина и скрывавшемся в другом доме. Если в течение 3 дней после объявления на торговой площади («заклич») его не выдадут, то устанавливался штраф в размере 3 гривен прятавшему его человеку. Статья 34 также посвящена процедуре «заклича», которая связана с кражей коня или какого-либо имущества. В ней, в частности, говорится: «Аче кто конь погубить, или оружие, или порт, а заповесть на торгу, а после познаеть в своем городе, свое ему лицом взяти, а за обиду платити ему 3 гривн» (там же). Из статьи следует, что человек, у которого обнаруживали потерянного коня или утраченные оружие и вещи, обязан был вернуть их законному собственнику, уплатив ему при этом в качестве компенсации за нанесенный ущерб 3 гривны.

В том случае, если лицо, у которого находят украденное имущество, заявляет о том, что оно приобрело его на законном основании, должен начаться процесс «свода». Данное процессуальное действие заключалось в том, что владелец обнаруженного имущества должен был доказать добросовестность его приобретения, т.е. указать человека, у которого он купил данную вещь. «Свод» в тесном смысле слова начинается, — указывал М.А.Чельцов-Бебутов, — в случаях: а) если вещь обнаружена у кого-либо до «заклича», б) если вещь найдена до истечения 3 дней после «заклича», в) если вещь найдена не в своем городе (или «миру»)» (35, с. 635).

В Пространной редакции Русской Правды особенностям применения «свода» посвящены пять статей (35–39). Так, в статье 35 говорится о процедуре опознания похищенного или потерянного скота и имущества, а также устанавливаются соответствующие наказания: за кражу коня — «поток и разграбление», за другой скот и имущество — «продажа». Кроме того, в статье указывается, что виновный должен также возместить потерпевшему стоимость всех пропавших вещей (22, с. 66). Значительный интерес представляет статья 36, в которой рассматриваются различные варианты розыска преступника в том случае, если украденная вещь найдена за пределами города. Процедура «свода» в данной статье не ограничивается числом лиц, владевших украденным имуществом. Истец обязан довести процедуру «свода» до третьего владельца («до третья-

го свода») потерянной вещи, который и должен был продолжить ее поиск («до конца свода») (там же).

Статья 37 посвящена конкретному случаю, когда украденная вещь была обнаружена у человека, купившего ее на законном основании. Факт покупки должны были подтвердить два свидетеля или сборщик торговых пошлин («мытник»). Если же не удавалось найти человека, продавшего данную вещь, то потерпевший получал ее в свою собственность, а владельцу краденной вещи не полагалась никакая компенсация. Однако он имел право возбудить новое уголовное дело в случае обнаружения продавца украденной вещи.

В статье 38 говорится об особенностях процедуры «свода» в случаях кражи челядина и скота, заключавшихся в том, что челядин мог указать на своего предыдущего хозяина. Однако свидетельство челядина только учитывалось, но оно должно было обязательно получить подтверждение со стороны покупателя и продавца в том случае, если челядин перепродавался несколько раз.

Статья 39 ограничивала саму процедуру «свода» территорией своего города («а ис (с)воего города в чюжую землю свода нетуть») (там же).

Таким образом, из рассмотренных выше статей мы можем заключить, что процедура «свода» могла проводиться до осуществления «заклича» или в течение трех дней после него. Данное процессуальное действие должно было осуществляться истцом до третьего лица, которое и должно было продолжить поиск преступника до тех пор, пока он не будет найден.

В Русской Правде предусматривалась определенная система доказательств, включавшая и свидетельские показания. В ней различаются две категории свидетелей — «видоки» и «послухи». «Видоки» являлись очевидцами происшествия, т.е. фактически свидетелями в современном смысле слова. «Послухи» представляли собой лиц, которые слышали о случившемся от кого-либо, т.е. они располагали косвенной информацией, сведениями из вторых рук. В некоторых случаях послухи рассматривались как свидетели доброй славы сторон. Они должны были охарактеризовать ответчика или истца как добрых и порядочных людей, которые вполне заслуживали доверия. Об этом говорит в своей работе В.М.Грибовский: «От свидетелей видоков Р. Правды нужно отличать упоминаемых ею послухов; хотя терминология названного памятника в данном случае не выдержана, но тем не менее под послухом нужно разу-

мать лица давших показания о доброй славе обвиняемого» (5, с.86). Необходимо отметить, что точки зрения исследователей на эти две категории свидетелей ощутимо различаются. Так, М.А.Чельцов-Бебутов считает, что «видок есть простой свидетель в современном смысле, а послух — пособник, на которого «послался» истец или ответчик» (35, с. 642). Он отводит «послуху» более активную роль в процессе, так как тот мог «быть вызван противной стороной на поединок» (там же).

Иногда по отдельным гражданским и уголовным делам требовалось определенное число свидетелей. Так, например, необходимо было представить семь свидетелей в делах об убийстве (статья 18 Пространной редакции Русской Правды), двух свидетелей или «мытника» при заключении договора купли-продажи (статья 37), а также двух «видоков» при оскорблении действием (статья 31). «Видок» должен был, как указано в статье 29, дословно подтвердить во время заседания суда все, что было заявлено стороной («слово противу слова»). Если же «видок» не являлся в суд, то это означало проигрыш дела стороной, которая ссылалась на его показания.

В статье 85 затрагивается исключительный случай, связанный с возможностью привлечения холопа в качестве свидетеля. Таковым может быть лишь требование истца («оже хочеть истец»). Однако свидетельством холопа не могло рассматриваться в качестве доказательства вины подозреваемого. Оно могло только способствовать возбуждению уголовного дела, а вина подозреваемого должна была быть доказана при помощи испытания железом. Если же подозреваемый преодолевал его успешно, то истец должен был уплатить ему 1 гривну в качестве компенсации (22, с.70).

Следует особо остановиться на характеристике статьи 15 Краткой редакции Русской Правды. В ней, в частности, говорится: «Аже где възышет на друзе проче, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будетъ обидя не вдал будетъ, достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне» (22, с.47). Первая часть статьи касается случая, обусловленного тем, что в результате «свода» была найдена только одна вещь из многих похищенных, на возвращении которых настаивал потерпевший. Неоднозначные толкования вызывает упоминание в данной статье об «изводе» из 12 человек, которых одни исследователи считают сохранившимся еще в то время общинным судом, другие же рассматривают их в качестве «послухов» — свидетелей доброй славы. Были и такие, которые называли их «судом посредников» (35, с.643), сформирова-

рованным сторонами, и даже судом присяжных. К сторонникам последней точки зрения относил себя Н.М.Карамзин, который, опираясь на опыт англичан и датчан, писал: «В одном из Новгородских списков Ярославовой Правды сказано, что истец во всякой тяжбе должен идти с ответчиком *на извод перед 12 граждан* — может быть, Присяжных, которые разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и взыскивать пеню» (12, с.212). Думается, в то время было еще рано говорить о суде присяжных, в полном смысле этого понятия, как института судебной системы. Учитывая то, что в последующих редакциях Русской Правды и других правовых актах об этом вообще не упоминалось, можно предположить, что предлагалось использовать членов общинного суда, существовавшего еще до образования Древнерусского государства у восточных славян, в судебном процессе в качестве «послухов», которые могли в полной мере дать характеристику как истцу, так и ответчику. В то же время необходимо признать, что в Новгороде несколько позже начал функционировать суд одрина, состоявший из 12 членов и председателя. Рассуждая об этом факте, Н.Хлебников задает себе вопрос и отвечает на него: «Могли ли новгородцы, столь приверженные к грамоте Ярослава, бросить и оставить без развития такое важное учреждение, как суд 12—ти? Я думаю — нет» (34, с. 131).

В Древнерусском государстве существовала система вещественных и формальных доказательств. К вещественным доказательствам относились утерянные вещи («поличное»), обнаруженные у подозреваемого, к формальным — «ордалии», среди которых важное место занимал судебный поединок — «поле». По мнению В.М.Грибовского, к судебным доказательствам относились: «1) собственное признание; 2) присяга; 3) поединок; 4) свидетели и послухи; 5) ордалии, или судъ Божий; 6) различные внешние признаки и 7) сводъ» (5, с. 85). Спорным представляется включение в состав доказательств «свода», т.е. процессуальной процедуры, напоминавшей очную ставку. Что касается собственного признания, то в Русской Правде нет никаких упоминаний об этом виде доказательства.

По определению В.М.Грибовского, сущность «ордалий» «заключалась в том, что тяжущиеся, в надежде на Божью помощь в правом деле, соглашались медленно произвести какое-либо такое действие, которое, по тогдашним воззрениям, без непосредственного божеского вмешательства являлось бы вредным, гибельным или даже вообще невозможным для них» (5, с.87).

В Русской Правде и других законах «поле» не упоминается. «Поединок, бесспорно имевший место в жизни Киевской Руси XI–XII вв., должен был отразиться, – поддержал известную точку зрения В.И.Сергеевича М.А.Чельцов-Бебутов, – в современных законах и в их первой кодификации – в Русской Правде», а затем в дальнейшем при ее переписке он мог «исчезнуть, как наиболее противный духу христианства, под пером первых благочестивых переписчиков памятника» (35, с. 638–639). Однако в летописях и других источниках, в том числе иностранных, говорится о том, что в Древней Руси этот вид «ордалий» достаточно часто применялся. Так, в «Книге драгоценных драгоценностей» Ибн-Роста и Абу-Али Ахмеда ибн-Омара, написанной в начале X в., отмечалось: «Когда кто из них имеет дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым и препираются; когда царь произнесет приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором царя не довольны, то, по его приказанию, должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одержит верх» (18, с. 43). В.М.Грибовский писал: «Под судебным поединком понимается решение спора тяжущихся сторон посредством физической борьбы между ними». Победивший в поединке считался выигравшим рассматриваемое дело, так как «за правого само божество» (5, с. 85).

Среди других видов «суда божьего» следует выделить испытания огнем, железом и водой. Эти испытания использовались тогда, когда ощущался недостаток иных доказательств. В Русской Правде «ордалиям» посвящены три статьи. Однако в них не раскрывается процедура их проведения. Из летописных источников известно, что если ответчик, связанный и брошенный в воду, начинал тонуть, то он считался выигравшим дело. Испытания железом и водой заключались, полагал В.М.Грибовский, «в держании голыми руками раскаленного железа, в опускании руки в кипяток и т.п.» (5, с. 87). Очевидно, испытание огнем и железом можно рассматривать как одно, когда обвиняемому передавали в руки кусок раскаленного железа. Об этом говорится в статье 87 Пространной редакции Русской Правды, в которой упоминаются и термин «железо», и словосочетание «или кимь любо образом аже не ожьжется» (22, с.70). Необходимо также отметить, что В.М.Грибовский считал, что «древнерусские ордалии имели значение очистительной присяги, с той особенностью, что допускались в более ценных исках, нежели присяга» (5, с.87).

Особое место в системе доказательств занимала присяга, получившая название «рота». «Под присягой разумеется, — писал В.М.Грибовский, — подкрепление истинности показания признанием имени Божия» (5, с.85). В договоре Древней Руси с Византией 907 г. указывалось: «...а Олега водиша и мужии его на роту по Русскому закону кляшася оружием своим, и Перуном богом своим, и Волосом скотыим богом...» (18, с.33). Речь идет о том, что русские во главе с князем Олегом клялись своим оружием, обращаясь к основным языческим божествам. Естественно, что отказ от присяги означал признание отказавшегося виновным.

Среди внешних признаков судебных доказательств, упоминавшихся в Русской Правде, необходимо назвать синяки, кровоподтеки, раны и другие телесные повреждения, получившие общее наименование «знамение» (статья 2 Краткой редакции Русской Правды). В делах, связанных с обвинением в краже или убийстве, важнейшим доказательством являлась утерянная вещь, найденная в доме подозреваемого. В Русской Правде уже были намечены некоторые формы обеспечения исполнения судебного решения. Так, например, вира взыскивалась с убийцы следующим образом: вирник, как официальное должностное лицо, должен был явиться в дом осужденного с довольно многочисленной свитой и ждать, пока он заплатит штраф. Преступник должен был обеспечивать их все это время питанием и всем необходимым. Поэтому осужденный был заинтересован в скорейшей уплате своего долга и избавлении от таких «гостей».

Необходимо отметить, что имеются различные точки зрения на организацию судебного процесса в Древнерусском государстве. Так, И.А.Исаев считает, что «процесс делился на три этапа (стадии)» (10, с.49). К первому этапу он относит «заклич», ко второму — «свод», к третьему — «гонение следа». Такие же этапы включают в процесс и авторы учебного пособия «История отечественного государства и права». Однако ошибочным является их утверждение о том, что «процесс начинался с момента его объявления на торгу («заклич»)» (36, с.219).

М.А.Чельцов-Бебутов, полагал, что «свод» и «гонение следа» необходимо отнести к особым формам «досудебного установления отношений между потерпевшим (будущим истцом, обвинителем) и предполагаемым ответчиком (обвиняемым)» (35, с.634). Известный русский юрист И.Я.Фойницкий отмечал, что процесс в Древней Руси «носил частно-исковой характер» и непременно начинался «только по жалобе или чело-

битью потерпевшего, его семьи или рода» (32, с.32). Не подразделяя процесс на отдельные этапы, он указывал, что судопроизводство состояло «из ряда формальных действий», являвшихся обязательными для сторон. В том случае, если не был известен ответчик, он «отыскивался истцом посредством извода, свода (предъявлением поличного последовательно лицам, от которых оно приобретено, и предложением им вопроса, от кого приобрели его) и следа (розыск по оставленным следам)» (там же). Как видим, И.Я.Фойницкий рассматривал данные обязательные действия в рамках уже начавшегося конкретного судебного процесса.

Думается, что более правомерной является точка зрения И.А.Исаева. Ведь все без исключения исследователи признают, что процесс начинался после подачи иска в суд со стороны потерпевшего, за исключением убийства и кражи, где было невозможно указать на конкретное лицо. Судя по всему, и «свод», и «гонение следа» существовали у восточных славян еще на этапе догосударственного развития в качестве коллективной помощи потерпевшему со стороны родственников и соседских общин. А после возникновения государства данная традиция применялась в ходе судебного разбирательства, так как суд не был отделен от административных органов и не мог на первом этапе своего развития самостоятельно обеспечить организацию процесса.

Таким образом, с возникновением государства у восточных славян и появлением первых письменных источников права и обычаи, заимствованные из первобытного общества, еще достаточно продолжительное время оказывали влияние на осуществление правосудия. Государство трансформировало их в отдельные нормы Русской Правды, Новгородской и Псковской судных грамот, других источников права, адаптировало их к новым политическим и социально-экономическим условиям. Судебный прецедент, представлявший собой решение суда по конкретному делу, которое затем становилось обязательным для всех аналогичных судебных органов или судов низшей инстанции, применялся в качестве источника права в Древней Руси. Судебный прецедент имел большое значение для римской юстиции. Он продолжает играть важную роль и в современных правовых системах Великобритании, Австралии, Канады, большинства штатов США и других стран, где он признается источником права. На основе судебного прецедента возможно внесение дополнений в действующее законодательство, осуществление толкования закона и т.п.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование: К 600-летию первой редакции Псков. суд. грамоты и 150-летию первой полной публ. — Псков: Изд-во Центра «Возрождение», 1997. — 147 с.
2. Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: Восстановление текста, перевод, комментарий и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности с Русскою Правдою. — Киев, 1910. — XII, 265 с.
3. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. — М., 1879. — VIII, 728 с.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — 7-е изд. — Петроград-Киев: Кн. маг. Оглоблина, 1915. — VI, 699 с.
5. Грибовский В.М. Древнерусское право. (Краткий обзор чтений по истории русского права. — Петроград, 1915. — Вып.1. — VIII, 131 с.
6. Гуревич А.Я. История и сага. — М.: Наука, 1972. — 198 с.
7. Демченко В.Г. Судебный прецедент. — Варшава, 1903. — III, 244 с.
8. Жильцов С.В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Изв. вузов. Правоведение. — СПб., 1997. — N 4. — С.47–52.
9. Залеский В.Ф. Власть и право: Философия объективного права. — Казань, 1897. — XXII, 297 с.
10. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. — 2-е изд. — М., 2001. — 768 с.
11. История государства и права России: Учебник / Под ред. Титова Ю.П. — М.: Проспект, 2001. — 544 с.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. — М., 1993. — Кн.1(Т.2). — 368 с.
13. Ковалевский М.М. Первобытное право. — М., 1886. — Вып.1–2.
14. Леонтьев А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. — СПб., 1895. — 140 с.
15. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота: Историко-юридическое исследование. — М.: Изд-во МГУ, 1951. — 208 с.
16. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2002. — 640 с.
17. Оршанский И.Г. Исследования по русскому, праву обычному и брачному. — СПб., 1879. — 453 с.
18. Памятники истории Киевского государства IX–XII вв.: Сб. док. / Сост. Кочин Г.Е.; Предисл. Грекова Б.Д. — Л., 1936. — 218 с.
19. Памятники русского права / Под ред. Юшкова С.В. — М., 1952–1953. — Вып.1–2.

20. Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. — М., 2003. — № 2. — С.161–182.
21. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. — М., 1846. — Т.1. (Т.2).
22. Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. / Отв. ред. Янин В.Л. — М.: Юрид. лит., 1984. — Т.1. Законодательство Древней Руси. — 432 с.
23. Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. / Отв. ред. Горский А.Д. — М.: Юрид. лит., 1985. — Т.2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — 520 с.
24. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. — 4-е изд. — СПб., 1910. — VIII, 666 с.
25. Стадников А.В. Церковный суд в системе российского правосудия в X — начале XX века: документы и материалы: Хрестоматия. — М., 2003. — 332 с.
26. Суд и право в России: Историческая ретроспектива // Отечественные записки. — М., 2003. — № 2. — С.158–160.
27. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. — Юрьев, 1917. — 534 с.
28. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья первая // Законодательство. — М., 2003. — № 7. — С.85–89.
29. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья вторая // Законодательство. — М., 2003. — № 8. — С.87–91.
30. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья третья // Законодательство. — М., 2003. — № 9. — С.87–91.
31. Фалалеева И.Н. Приход и община как неформальные институты политико-правовой системы Древней Руси // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер.5. Политика. Социология. Право. — Волгоград, 2002. — Вып.5. — С.51–54.
32. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1996. — Т.1. — 552 с.
33. Хачатуров Р.Л. Уголовно-правовое содержание договоров Киевской Руси с Византией // Сов. государство и право. — М., 1987. — № 8. — С.125–128.
34. Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период Русской истории. — СПб., 1872. — XXII, 512 с.
35. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб., 1995. — 839 с.
36. Цечоев В.К., Власов В.И., Степанов О.В. История отечественного государства и права: Учебное пособие. — М. — Ростов-на-Дону, 2003. — 480 с.

Т.И.Чесных

СУД И ПРОЦЕСС В КИЕВСКОЙ РУСИ В IX—XII вв.

В обзоре характеризуются деятельность судебных органов и особенности судопроизводства на первом этапе развития Древнерусского государства. Основные ее аспекты нашли отражение как в работах общесторического и историко-правового характера (2—3; 7; 10—14; 20—22; 24), так и в специальных юридических исследованиях (1; 4—6; 9; 15—19; 23).

После возникновения в IX в. государства у восточных славян обычаи начали приобретать правовой характер и трансформироваться в судебные полномочия соответствующих органов власти и управления Киевской Руси. В дошедших до нас источниках отсутствуют достаточно полные данные о структуре и функциях отдельных судебно-административных органов. Тем не менее они нам позволяют выделить следующие виды судебных учреждений: суд князя, суд веча, вотчинный суд и церковный суд.

В Киевской Руси великий князь обладал высшей административной и судебной властью. Имевшаяся в отечественной историографии точка зрения о зависимости князя от веча не подтверждается в сохранившихся источниках. По мнению А.Е.Преснякова, «дуализм князя и веча был своеобразным внутренним противоречием в древнерусской государственности, которого не разрешила жизнь Киевской Руси, а потому не должны разрешать в истории русского права искусственные юридические конструкции» (10, с.428).

Независимое положение княжеской власти в Киевской Руси было обусловлено прежде всего высоким общественным статусом великого

князя, опиравшегося на свой двор и дружину, на бояр и церковь, на полусвободные и зависимые категории населения своих сел, на которых не распространялось влияние вечевого и общинной организации общества. «Судебную функцию выполняли по Русской Правде: в центрах княжеских — князья единолично или с боярами; от имени князя отдельные бояре или высшие представители его администрации; на местах — посадники (наместники) в городах и волостели в сельской местности» (1, с. 124), — отмечает В.И.Власов.

Княжеский суд первоначально функционировал только в крупных городах, а затем постепенно стал распространяться и на другие населенные пункты. Правосудие осуществлял сам князь или по его поручению соответствующее должностное лицо. Его судебные функции распространялись на всю землю Древнерусского государства. Местом рассмотрения судебных дел считался «княж двор», к которому относилась не только собственная резиденция князя, но и те дворы, где в городах и уездах отправляли от имени князя правосудие наместники, волостели и их помощники — тиуны. «Древняя Русь придавала, — писал А.Е.Пресняков, — особое значение личному суду князя, лишь неудовлетворявшим население суррогатом которого считался суд княжих людей» (10, с.431).

Наместникам были подсудны все гражданские и уголовные дела в пределах города и примыкающих к нему волостей. В исключительных случаях некоторым из наместников предоставлялось право «боярского суда», в соответствии с которым они могли рассматривать дела и выносить по ним решения без согласования с князем. К таким делам обычно относились наиболее тяжкие преступления (убийство, конокрадство, поджог и т.п.).

Юрисдикция волостей распространялась на несколько сел и деревень, куда обычно не включался уездный центр. Следует отметить, что волостели в осуществлении правосудия на подвластной им территории не зависели от наместников. А.Е.Пресняков отмечал, что среди княжеских судей «мы видим не только бояр-посадников, но и тиунов, которых следует представлять себе либо несвободными слугами князя, либо людьми из младшей дружины княжой» (10, с.431–432).

О суде веча есть довольно скудные сведения. Очевидно, еще на этапе существования племенных объединений административная и судебная роль веча была достаточно высокой. Однако после образования государства роль князя значительно возрастает. Хотя свое значение вече еще не теряет, особенно в княжествах северо-запада Руси. Вечу были

подсудны дела особой государственной важности (о нарушении прав отдельных территорий, преступлениях против государства и др.). В Ипатьевской летописи (1146) упоминается о том, что на вечевом собрании был определен порядок осуществления суда, который князь Игорь обещал соблюдать, включая и замену в случае необходимости отдельных тиунов. Хотя уже в Псковской судной грамоте в статье 4 указывалось: «А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех...» (12, с.332). Другими словами, князю и посаднику запрещалось участвовать в рассмотрении судебных дел на вечевых собраниях. «Некоторым пережитком судебной компетенции веча является, — отмечал М.Дьяконов, — и правило Новгородской грамоты, в силу которого вече назначало приставов по жалобе на медленность суда» (3, с.143). Кроме того, вече рассматривало также чрезвычайные дела, связанные прежде всего с преступлениями, совершенными князьями и посадниками (там же).

Вотчинный суд представлял собой суд землевладельцев-бояр, получавших все большую независимость от князя и присваивавших в своих вотчинах функции управления и суда. Как отмечал М.А.Чельцов-Бebutov, «к личному иммунитету, то есть неподчинению суду местных княжеских агентов, затем присоединялось право суда и дани в отношении зависимого от вотчинника населения» (23, с.632). К сожалению, в сохранившихся источниках права нет данных о структуре и организации вотчинного суда. Однако можно предположить, что бояре отправляли правосудие в вотчинах через своих тиунов и отроков таким же образом, как это осуществлялось в княжеском суде.

Церковный суд рассматривал не только дела, связанные с нарушением церковных норм, но и некоторые гражданские дела. В соответствии с византийским Номоканоном и уставами Владимира и Ярослава, к функциям церковного суда относили практически все дела, связанные с нарушениями семейного права, а также с утверждением духовных завещаний и раздела наследуемого имущества, дела о преступлениях против церковных постановлений и нравственности.

Для рассмотрения названных выше дел при епископах учреждались особые суды, в состав которых включали как духовных, так и светских судей. К ним относились прежде всего владычные десятильники и наместники. «В церковных Уставах Владимира I и Ярослава Мудрого содержатся упоминания о том, что великие князья стали поручать вершить судопроизводство княжеским судьям, в лице которых обычно вы-

ступали княжеские наместники или лица, которым последние доверяли осуществлять судебные функции» (8, с.59).

В древнерусском праве еще не было разграничения между уголовным и гражданским процессом. Тем не менее такие процессуальные действия, как «гонение следа» и «свод», могли применяться только в рамках рассмотрения уголовных дел.

В Русской Правде представлены две специфические процессуальные формы подготовки дела — «гонение следа» и «свод». «Гонение следа» означало розыск преступника по его следам. Так, если след приводил к дому конкретного человека, то он и признавался преступником, если же след приводил в село, то ответственность должна была нести община, если след преступника терялся на большой дороге, то поиск преступника должен был прекратиться. Кроме того, в статье определялась степень ответственности общины за кражу, совершенную на ее территории. Следует также отметить, что если след терялся на большой дороге или в безлюдном месте, то члены общины не должны были отвечать за это преступление, а поиск преступника должны были вести с привлечением чужих людей, чтобы исключить предвзятое отношение представителей данной общины. Важно отметить, что данное процессуальное действие, не упоминавшееся до этого в Краткой редакции Русской Правды, свидетельствует о совершенствовании судебного процесса, так как в статье предлагались различные варианты розыска преступника и обеспечивалась определенная степень объективности расследования.

В том случае, если же украденная вещь и похититель не были найдены, то пострадавший должен был прибегнуть к «закличу», т.е. объявить на торговой площади о пропаже своего имущества с просьбой помочь его обнаружить у другого лица. Если лицо, у которого находили украденное имущество, заявляло о том, что оно приобрело его на законном основании, должен был начаться процесс «свода». Данное процессуальное действие заключалось в том, что владелец обнаруженного имущества должен был доказать добросовестность его приобретения, т.е. указать человека, у которого он купил данную вещь.

Статья 37 Русской Правды посвящена конкретному случаю, когда украденная вещь была обнаружена у человека, купившего ее на законном основании. Факт покупки должны были подтвердить два свидетеля или сборщик торговых пошлин («мытник»). Если же не удавалось найти человека, продавшего данную вещь, то потерпевший получал ее в свою собственность, а владельцу краденой вещи не полагалось при этом ника-

кой компенсации. Однако он имел право возбудить новое уголовное дело в случае обнаружения продавца украденной вещи.

Таким образом, процедура «свода» по Русской Правде могла проводиться до осуществления «заклича» или в течение трех дней после него. Данное процессуальное действие должно было осуществляться истцом до третьего лица, которое и должно было продолжить поиск преступника до тех пор, пока он не будет найден.

В Русской Правде предусматривалась определенная система доказательств, включавшая и свидетельские показания. В ней различаются две категории свидетелей — «видоки» и «послухи». «Видоки» являлись очевидцами происшествия, т.е. фактически свидетелями в современном смысле слова. «Послухи» представляли собой лиц, которые слышали о случившемся от кого-либо, т.е. они располагали косвенной информацией, сведениями из вторых рук. В некоторых случаях послухи рассматривались как свидетели доброй славы сторон. Они должны были охарактеризовать ответчика или истца как добрых и порядочных людей, которые могли заслуживать доверия.

Иногда по отдельным гражданским и уголовным делам требовалось определенное число свидетелей. Так, например, необходимо было представить семь свидетелей в делах об убийстве (статья 18 Пространной редакции Русской Правды), двух свидетелей или «мытника» при заключении договора купли-продажи (статья 37), а также двух «видоков» при оскорблении действием (статья 31). «Видок» должен был, как указано в статье 29, дословно подтвердить во время заседания суда все, что было заявлено стороной («слово противу слова»). Если же «видок» не являлся в суд, то это означало проигрыш дела стороной, которая ссылалась на его показания.

В процессе судебного разбирательства важное значение уделялось испытанию огнем, железом и водой. Эти испытания обычно применялись тогда, когда ощущался недостаток иных доказательств. В Русской Правде «ордалиям» посвящены три статьи. Однако в них не раскрывается процедура их проведения. Из летописных источников известно, что если ответчик, связанный и брошенный в воду, начинал тонуть, то он считался выигравшим дело. Испытания железом и водой заключались, полагал В.М.Грибовский, «в держании голыми руками раскаленного железа, в опускании руки в кипяток и т.п.» (2, с. 87). Очевидно, испытание огнем и железом можно рассматривать как одно, когда обвиняемому передавали в руки кусок раскаленного железа. Об этом говорится в ста-

ть 87 Пространной редакции Русской Правды, в которой упоминаются и термин «железо», и словосочетание «или кимь любо образом аже не ожжеться» (12, с. 70). Необходимо также отметить, что В.М.Грибовский считал, что «древнерусские ордалии имели значение очистительной присяги с той особенностью, что допускались в более ценных исках, нежели присяга» (2, с. 87).

Особое место в системе доказательств занимала присяга, получившая название «рота».

Среди внешних признаков судебных доказательств, упоминавшихся в Русской Правде, необходимо назвать синяки, кровоподтеки, раны и другие телесные повреждения, получившие общее наименование «знамение» (статья 2 Краткой редакции Русской Правды). В делах, связанных с обвинением в краже или убийстве, важнейшим доказательством являлась утерянная вещь, найденная в доме подозреваемого. В Русской Правде уже были намечены некоторые формы обеспечения исполнения судебного решения. Так, например, вира (штраф) взыскивалась с осужденного следующим образом: вирник, как официальное должностное лицо, должен был явиться в его дом с довольно многочисленной свитой и ждать, пока тот заплатит штраф. Преступник должен был обеспечивать их все это время питанием и всем необходимым. Поэтому осужденный был заинтересован в скорейшей уплате штрафа.

В первом томе фундаментального издания «Судебная власть в России» подчеркивается, что «Русская Правда, являясь памятником XI–XII вв., впервые достаточно подробно регламентировала состав суда, порядок судопроизводства (процесс) и определила размеры оплаты за действия судебных работников» (8, с.60).

Таким образом судебные органы в Киевской Руси, унаследовав пережитки родоплеменной юстиции, входили в единую систему административных учреждений, а судебный процесс носил состязательный характер и включал указанные выше этапы: «заклич», «свод» и «гонение следа».

Список литературы

1. Власов В.И. История судебной власти в России. Книга первая (1019 – 1917). – М.: Спутник+, 2003. – 623 с.
2. Грибовский В.М. Древнерусское право. (Краткий обзор чтений по истории русского права). – Пг., 1915. – Вып.1. – VIII, 131 с.

3. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — СПб.: Право, 1912. — XV, 489 с.
4. Жильцов С.В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Изв. вузов. Правоведение. — СПб., 1997. — N 4. — С.47–52.
5. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России: Монография / МГУ им. М.В.Ломоносова. Юрид. фак. — М., 2002. — 460 с.
6. Жильцов С.В. Смертная казнь в России до конца XVIII столетия: Социально—политические аспекты // Вестн. Волж. ун-та. Сер. Юриспруденция. — Тольятти, 2002. — Вып.19. — С.341–361.
7. История государства и права России: Учебник / Под ред. Титова Ю.П. — М.: Проспект, 2001. — 544 с.
8. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы: В 6 т. — М.: Мысль, 2003. — Т.1. Начала формирования судебной власти / Отв. ред. Золотухина Н.М. — 701 с.
9. Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. — М., 2003. — № 2. — С.161–182.
10. Пресняков А.Е. Княжое дело в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий: Лекции по рус. истории. Киевская Русь. — М.: Наука, 1993. — 634 с.
11. Петухов Ю.Д. Норманны. Русы Севера. — М., 2003. — 319 с.
12. Российское законодательство X–XX веков. — М.: Юрид. лит., 1984. — Т.1. Законодательство Древней Руси. — 432 с.
13. Русь и варяги: Новый взгляд на историю Европы и Руси / Сост. Андреев Д.А. — М.: Метагалактика, 1999. — 319 с.
14. Рыбаков Б.А. Рождение Руси. — М.: АиФ Принт, 2003. — 446 с.
15. Стадников А.В. Церковный суд в системе российского правосудия в X — начале XX века: документы и материалы: Хрестоматия. — М., 2003. — 332 с.
16. Суд и право в России: Историческая ретроспектива // Отечественные записки. — М., 2003. — № 2. — С.158–160.
17. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья первая // Законодательство. — М., 2003. — № 7. — С.85–89.
18. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья вторая // Законодательство. — М., 2003. — № 8. — С.87–91.
19. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья третья // Законодательство. — М., 2003. — № 9. — С.87–91.
20. Фалалеева И.Н. Культурно-политический аспект становления и развития княжеской власти в Древней Руси (X–XII вв.) // Актуальные проблемы современной юридической науки: Некоторые аспекты. — Волгоград, 1999. — С. 62–71.

21. Фалалеева И.Н. Приход и община как неформальные институты политико-правовой системы Древней Руси // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер.5. Политика. Социология. Право. – Волгоград, 2002. – Вып.5. – С.51–54.
22. Фроянов И.Я. Начала русской истории: Избранное. – М.: Парад, 2001. – 975 с.
23. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб., 1995. – 839 с.
24. Цветков С.Э. Русская история. – М.: Центрполиграф, 2003. – Кн.1. – 622 с.

И.П. Слободянюк

**СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

В обзоре представлены основные работы, опубликованные в России и за рубежом в последние годы. Следует отметить, что постсоветская историография характеризуется значительным увеличением количества историко-правовых работ и научных публикаций по различным аспектам исследуемой темы, разнообразием их жанров и используемых источников. Ее условно можно разделить на две группы: 1) работы историко-правового и общеисторического характера, в которых нашли определенное отражение рассматриваемая тема или ее отдельные аспекты; 2) проблемно-тематические исследования, посвященные развитию судебной системы России рассматриваемого периода в целом, и работы, в которых центральное место отводится изучению отдельных судебных инстанций или учреждений. Среди работ историко-правового и общеисторического характера следует назвать работы Т.Л.Буровой и З.Н.Зариповой, Я.Е.Водарского, В.Еремяна и М.Федорова, С.В.Жильцова, А.Г.Звягинцева и Ю.Г.Орлова и др. Отличительной особенностью постсоветской историографии является то, что авторы начали широко использовать ставшие более доступными архивные документы, на основе местных архивных материалов стали активно разрабатывать вопросы эволюции судебных учреждений национальных окраин.

Наряду с работами, посвященными истории отдельных государственных учреждений России в XVIII в., которые имели непосредственное от-

ношение к развитию судебной системы страны, значительный интерес представляют исследования Т.Л.Буровой, З.Н.Зариповой, В.Зотова и Е.В.Кузнецовой, в которых центральное место отводится анализу материалов Уложенной комиссии 1767–1768 гг. и Наказа Екатерины II (1, 2, 17). Особое место в данной группе исследований занимают работы С.В.Жильцова, в которых предпринимается историко-теоретическое изучение проблемы применения смертной казни в истории России, в том числе и вопроса о ее приостановлении в период правления Екатерины II (10, 11, 12, 13).

Роли прокуроров и генерал-прокуроров в развитии российского правосудия посвящены исследования А.Г.Звягинцева и Ю.Г.Орлова (14, 15). К ним примыкают издания, приуроченные к юбилейным датам в деятельности прокуратур отдельных регионов страны (5, 35, 36, 38). Они содержат достаточно интересный материал из местных архивов и важные статистические данные. Общие вопросы местного самоуправления в России во второй половине XVIII в., деятельности местных административных и судебных органов нашли отражение в работах В.В.Еремяна и М.В.Федорова (7).

Важное значение для изучения проблем функционирования судебных органов и учреждений в отдельных регионах и национальных окраинах Российской империи имеет работа, посвященная развитию местного самоуправления у казачества (18).

К работам второй группы, посвященным развитию судебной системы России во второй половине XVIII – первой половине XIX в., а также отдельным ее органам и учреждениям, необходимо отнести в первую очередь исследования специального характера Н.Н.Ефремовой и Т.Л.Мигуновой, написанные на солидной источниковой основе и затрагивающие в разной степени основные аспекты эволюции судебной системы и судопроизводства в России в рассматриваемый период.

Опубликованная в 1993 г. монография Н.Н.Ефремовой (8) написана на основе значительного объема законодательных и архивных материалов и несомненно способствует освещению основных тенденций в развитии судебной системы России. Однако в ней эволюция судебных учреждений страны во второй половине XVIII – первой половине XIX в. носит преимущественно обзорный характер.

В данной монографии не нашли широкого освещения такие вопросы исследуемой темы, как деятельность Сената в качестве высшего административного и судебного органа страны в период «просвещенного» абсолютизма, роль Министерства юстиции в управлении судебной сис-

темой России в первой половине XIX в. Кроме того, особого рассмотрения заслуживают в рамках исследуемой темы также деятельность Следственного комитета и Верховного уголовного суда в ходе проведения судебного процесса над декабристами, кодификация российского законодательства и ее влияние на развитие судебной системы страны. Более глубокого исследования требуют проблемы становления и особенности функционирования судебных органов и учреждений многочисленных территорий, вошедших в состав Российской империи в исследуемый период. Вызывает также сомнение и периодизация, предлагаемая Н.Н.Ефремовой, которую она впервые изложила в статье, опубликованной еще в 1986 г. Возможно, полуторавековой хронологический охват и ограниченный объем книги (192 страницы) не позволили автору работы глубоко и всесторонне рассмотреть все аспекты развития судебной системы страны в исследуемый период. Тем не менее монография Н.Н.Ефремовой до настоящего времени является единственным комплексным исследованием, в котором в разной степени освещены основные аспекты эволюции судебной системы Российской империи XVIII — первой половины XIX в.

Следует также обратить внимание и на статью Н.Н.Ефремовой, посвященную судебным реформам в истории России (9). В ней дается краткий исторический экскурс, рассматриваются традиции и новые тенденции в развитии российского правосудия.

В монографии Т.Л.Мигуновой «Российский суд во второй половине XVIII века» (22) центральное место отводится истории судебных органов и учреждений России во второй половине XVIII в. Она основана на достаточно обширной источниковой базе, включающей документы, опубликованные в многотомном «Сборнике императорского российского исторического общества», в «Полном собрании узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1754 по 1818 июнь месяц», в «Полном собрании законов Российской империи», а также значительное число российских дореволюционных, советских и постсоветских научных публикаций. Исследование Т.Л.Мигуновой представляет собой значительный интерес, так как в нем получили широкое освещение Наказы для Уложенной комиссии 1767—1768 гг. (22, с.28—123), среди которых важное значение имеют Наказ Екатерины II, дворянские и купеческие наказания, наказания крупных городов и свободных хлебопашцев, «малые наказания». Важнейшее значение имеет также материал, изложенный в главе «“Учреждение о губерниях...” 1775 года о судах» (22, с.124—220), где осущес-

ствлен подробный анализ структуры и деятельности местных судебных органов и учреждений.

Однако вызывает сомнение факт выделения в содержании работы специальной главы «Российский суд времен Петра I и Екатерины II» (22, с.11–27), в которой дан краткий обзор эволюции судебных учреждений России в первой половине XVIII в. Думается, было бы более логично поместить данный материал во введении, а первую главу посвятить деятельности центральных органов власти и управления, обладавших и судебными полномочиями. В первую очередь имеются в виду такие органы, как Сенат и Юстиц-коллегия. Кроме того, следует заметить, что более 40% материала книги посвящено анализу наказов 1767–1768 гг. и в то же время отсутствует хотя бы небольшой параграф, освещающий изменения в судостроительстве России в период правления Павла I. Необходимо в связи с этим отметить, что в значительно меньшей по объему названной выше книге Н.Н.Ефремовой, охватывающей полуторавековой период развития судебной системы России, имеется достаточно краткий отдельный параграф «Изменения судебной системы в конце XVIII в.» (8, с.148–152). Обращает на себя внимание и то, что значительная часть дореволюционной, советской и современной российской историографии не нашла отражение в книге Т.Л.Мигуновой.

К названной выше монографии следует присоединить и другие работы Т.Л.Мигуновой, посвященные законодательной политике и административным реформам Екатерины II, анализу деятельности отдельных судебных учреждений (23, 24, 25, 26, 27, 28).

Особое место среди специальных работ занимает издание В.И.Власова (3), в котором около 100 страниц посвящено данной теме. Необходимо отметить, что в книге значительное место уделяется характеристике общей социально-политической обстановки в стране, цитированиям больших фрагментов правовых актов. Так, фрагмент «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. занимает около двух с половиной страниц (3, с.328–331). А для анализа деятельности вновь созданных судебных органов России в последней четверти XVIII в. в работе В.И.Власова, к сожалению, не нашлось места.

Заслуживает большого внимания достаточно объемная статья Л.Ф.Писарьковой (33, 34), опубликованная в двух номерах журнала «Отечественная история». Она посвящена проблемам развития местного самоуправления в дореформенной России, начиная с Древней Руси. Значительное место уделяется в ней эволюции органов местного управления

в эпоху Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I (34, с.25–33). Особо следует выделить ту часть статьи, где представлено сравнение европейских моделей и российского опыта в развитии местного самоуправления (34, с.33–35).

Значительный интерес представляет и статья И.В.Ружицкой (37), посвященная исследованию проблем развития российского законодательства в период правления Николая I. В ней достаточно подробно описан сложный и противоречивый процесс работы над Уголовным и Гражданским уложениями.

Д.М.Легкий в статье «Судопроизводство накануне судебной реформы 1864 года в России» (20) на основе разнообразных архивных материалов и других источников характеризует на примере деятельности обер-секретаря Сената, ставшего затем председателем С.-Петербургского Совета присяжных поверенных Д.В.Стасова, дореформенный суд и систему правосудия в России.

Важное значение для исследования проблем местного самоуправления в прибалтийских губерниях России и Финляндии, а также взаимоотношений центральных органов управления с местными учреждениями в данных регионах имеет статья А.В.Зиновьева и Н.И.Уткина (16).

Определенный интерес представляют и работы, приуроченные к 200-летию со дня образования Министерства юстиции России (29, 32). В них уделяется значительное внимание деятельности Министерства юстиции в первую половину XIX в. и особенно в период подготовки Судебной реформы 1864 г. Следует отметить, что наряду с научными и справочно-информационными публикациями появились и статьи руководителей Министерства юстиции, в которых они на фоне краткого исторического обзора анализируют деятельность Министерства в последние годы и рассматривают перспективы его развития.

Необходимо отметить, что в последние годы значительно расширилась исследовательская деятельность представителей вузов и научных учреждений. Это нашло отражение в первую очередь в защите значительного количества диссертаций по вопросам, в той или иной степени связанным с исследуемой темой.

Следует также особо сказать о появлении в последние годы значительного количества учебных пособий по истории государства и права России, в которых уделяется значительное внимание проблемам развития судебной системы в России, а в отдельных из них и конкретным вопросам судостроительства и судопроизводства в исследуемый период.

В целом отечественную историографию 90-х годов XX в. — начала XXI в. характеризуют несколько тенденций. Во-первых, повышение интереса к историко-правовым исследованиям. Об этом свидетельствует возросшее число работ общеисторического и историко-юридического характера, разнообразных учебных пособий, диссертаций. Во-вторых, значительное расширение в спектре научных исследований проблематики, связанной с историей судебной системы России. Это, очевидно, обусловлено прежде всего стремлением руководства РФ провести комплексную реформу системы правосудия в стране и построить правовое общество, а осуществить это без использования исторического опыта и учета особенностей развития государства и права России в предшествующий период — значит, обречь эти важные начинания на неудачу.

Иностранную литературу, посвященную рассматриваемой теме, можно подразделить на изданную в нашей стране в переводе на русский язык и научные работы американских и европейских исследователей, опубликованные в основном в конце XX в. Тем не менее они дают общее представление о взглядах и суждениях зарубежных авторов о преобразованиях системы государственного управления и развитии судебных учреждений России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Среди работ, переведенных на русский язык, следует выделить публикации А.Кюстина, И.Мадариаги и Ф.Миранды (19, 21, 30, 31).

Работы, изданные на языке оригинала, посвящены историческим и правовым проблемам развития России в рассматриваемый период. Следует отметить, что в опубликованных до начала 1990-х годов работах ощущается недостаток архивных документов, которые не были доступны в советский период многим зарубежным авторам. В научных публикациях последнего десятилетия на достаточно солидной источниковой базе представлены воззрения зарубежных авторов на общие тенденции в развитии системы государственного управления Российской империи, а также оценки отдельных преобразований, в том числе и судебных учреждений.

Среди работ общеисторического и историко-правового характера следует выделить исследования М.Малиа, М.Раэффа и Д.М.Хартли. Рассмотрим некоторые из них. Так, книга известного американского историка и советолога М.Малиа (45) посвящена проблемам восприятия России как «антитезы» европейской цивилизации. По мнению автора, Россия воспринималась европейским обществом через призму его собственных кризисов и противоречий. Отношение европейских стран к Рос-

сии, колебавшееся от «демонизации» до «обожествления», М.Малиа обосновывает не столько ее реальным положением в мировом сообществе в тот или иной исторический период, сколько теми «страхами и разочарованиями, надеждами и устремлениями, возникавшими в европейском обществе в ответ на собственные внутренние проблемы» (45, с.8). В двух разделах книги («Россия как просвещенный деспотизм: 1700—1815 гг.» и «Россия как восточный деспотизм: 1815—1855 гг.») автор затрагивает и проблемы историко-правового и общеисторического характера рассматриваемой темы. Автор указывает, что восхваление просвещенных и динамичных правителей России предоставляло французским мыслителям во главе с Вольтером политическое оружие в их борьбе со «старым режимом», и в данном контексте Россия была достойным образцом для подражания. Однако автор указывает, что уже к 1790-м годам появились такие критики «екатерининского просвещения», как Новиков и Радищев. Их идеи нашли воплощение в начале XIX в. в конституционных проектах, а затем и вызвали движение декабристов (45, с.141).

После прихода к власти Николая I Россию стали характеризовать в Европе как страну «восточного деспотизма», сравнивая ее с «презираемой Турцией». К тому же Николая I называли, как отмечает автор, «жандармом Европы», врагом свободы, конституционализма и национальной независимости. Смерть императора Николая I и поражение России в Крымской войне завершили, подчеркивает М.Малиа, этот период крайней «дивергенции» (45, с.157).

Американский профессор М.Разфф (46), наряду с анализом системы русского самодержавия, идей русского либерализма, планов государственных реформ модернизации России, достаточно подробно рассматривает процесс преобразования центральных и местных органов управления в эпоху Екатерины II.

В книге, посвященной социальной истории России в 1650—1825 гг., Дж.М.Хартли (43) уделяет также значительное внимание проблемам прав и обязанностей различных слоев населения, включая и положение национальных меньшинств. Кроме того, он рассматривает вопросы соблюдения закона в отношении этих категорий населения в контексте существовавшей тогда системы российского правосудия, а также проблемы юридической подготовки государственных чиновников, особенности судебного процесса и деятельности местных судебных органов.

К исследованиям, где в значительной мере затрагиваются отдельные вопросы рассматриваемой темы, относятся работы Д.В.Гарета, Е.Доннерта, Я.Кусбера, И. де Мадариаги (21, 41, 42, 44). Они в основном посвящены истории России эпохи Екатерины II, различным ее проектам и реформам. Так, работа английского профессора И. де Мадариаги, опубликованная впервые в 1981 г., основана на достаточно широкой источниковой базе (опубликованные источники, основные документы «Полного собрания законов Российской империи», дореволюционные, советские и зарубежные научные публикации). Она посвящена истории России в период правления Екатерины II. Необходимо отметить, что книга И. де Мадариаги получила широкое признание за рубежом. Она была замечена и современными российскими исследователями. Об этом свидетельствует ее издание в нашей стране в 2002 г. в переводе на русский язык (21). Однако не следует преувеличивать ее значение с историографической точки зрения, как это сделал в «Предисловии» к ней А.Б.Каменский, указывая, что она «включает значительное число статей и монографий, посвященных самым разнообразным аспектам, проблемам и вопросам, составляющих тот “задел”, на котором эта книга основана» (21, с.8). С этим утверждением нельзя в полной мере согласиться, так как без внимания автора данной книги остались важные исследования А.Д.Градовского, В.М.Грибовского, С.Е.Десницкого, В.С.Иконникова, А.А.Кизеветтера и др.

Тем не менее работа И. де Мадариаги представляет большой интерес, так как, наряду с достаточно широким использованием российских опубликованных источников и историографии, в книге нашло отражение значительное количество научных публикаций зарубежных авторов, по тем или иным причинам до сих пор недоступных отечественным исследователям. Важность данной книги обусловлена также и тем, что более 20% ее материала посвящено проблемам реформы центральных и местных органов управления, деятельности Уложенной комиссии и анализу Наказа Екатерины II, особенностям функционирования административных и судебных органов Прибалтийских губерний и Малороссии.

Следует отметить, что даже достаточно избирательное рассмотрение отдельных работ зарубежных исследователей свидетельствует о том, что они проявляют устойчивый научный интерес к истории государства и права России в целом, а также к развитию отдельных государственных институтов и судебных органов в частности. Рассмотренные вы-

ше работы показывают, что в отечественной историографии отсутствуют обобщающие работы, посвященные анализу зарубежной историографии развития судебной системы Российской империи.

Таким образом, анализ новейшей отечественной и зарубежной историографии позволяет нам констатировать, что в отечественной историографии до настоящего времени нет комплексного исследования, посвященного развитию судебной системы Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. В работе Н.Н.Ефремовой, хронологически охватывающей весь XVIII в. и первую половину XIX в., не все вопросы развития судебной системы нашли развернутое освещение. Книга Т.Л.Мигуновой посвящена судоустройству России во второй половине XVIII в. и написана на основе достаточно ограниченного круга источников и научных публикаций. Значительное число других работ, появившихся в последние годы, носят или общен исторический и историко-правовой характер, или посвящены отдельным, частным вопросам развития судебной системы России в исследуемый период. Требуют также специального рассмотрения проблемы критического анализа англо-американской, французской и немецкой историографии эволюции судебной системы Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Не получили еще необходимого освещения вопросы развития судебных органов и учреждений Сибири и Дальнего Востока, Кавказа и Поволжья, а также особенности развития судоустройства в Королевстве Польском и Великом княжестве Финляндском.

Список литературы

1. Бурова Т.Л., Зарипова З.Н. Правосознание российского общества второй половины XVIII века: (По материалам Уложенной комис. 1767—1768 гг.) / Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П.Гайдара. — Арзамас, 2000. — 101 с.
2. Бурова Т.Л., Кузнецова Е.В. Екатерининский «Наказ» и «просвещенная» Европа // Англия и Европа: Проблемы истории и историографии. — Арзамас, 2001. — С.168—174.
3. Власов В.И. История судебной власти в России: Книга первая (1019—1917). — М.: Спутник+, 2003. — 623 с.
4. Водарский Я.Е. Реформаторство Петра I и Екатерины II в контексте европейской истории // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н.Сахарова. — М., 2000. — С.168—184.

5. Воропанов В.А. Прокурорский надзор в системе сословных органов правосудия в 1775–1864 годах (на примере Оренбургской губернии) // Вестн. Челябин. ун-та. Сер. I, История. – Челябинск, 2001. – № 1. – С.24–33.
6. Галкин Ю.В., Воронихин А.В. Образование Министерства юстиции и органы правосудия Саратовской губернии (1802–1863 гг.) // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – М., 2002. – № 9. – С.96–105.
7. Еремян В., Федоров М. Развитие самоуправления в России в период абсолютизма в XVIII веке // Муницип. право. – Обнинск, 2000. – № 3. – С.55–78.
8. Ефремова Н.Н. Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в.: (Историко–правовое исследование). – М.: Наука, 1993. – 192 с.
9. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: Традиции, новации, проблемы // Государство и право. – М., 1996. – № 11. – С.85–91.
10. Жильцов С.В. К вопросу о приостановлении и отмене смертной казни в период «просвещенного абсолютизма» в России // Вестн. Волж. ун-та. – Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 2001. – Вып.16. – С.271–284.
11. Жильцов С.В. Смертная казнь в России до конца XVIII столетия: Социально-политические аспекты // Вестн. Волж. ун-та. – Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 2002. – Вып.19. – С.341–361.
12. Жильцов С.В., Малько А.В. Смертная казнь в истории России: историко-теоретическое исследование / Волж. ун-т им. В.Н.Татищева, Саратов. фил. Ин-та государства и права РАН. – Тольятти, 2001. – 459 с.
13. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России: Монография / МГУ им. М.В.Ломоносова. Юрид. фак.; Отв. ред. Комиссаров В.С. – М., 2002. – 460 с.
14. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Жизнь и деяния генерал-прокуроров России в сценах и зарисовках. – М., 2001. – 351 с.
15. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. – М., 2001. – 383 с.
16. Зиновьев А.В., Уткин Н.И. Взаимоотношения Российской империи с Великим княжеством Финляндским: историко-правовой анализ и современность // Правоведение. – СПб., 2000. – № 2. – С.73–82.
17. Зотов В. Императрица Екатерина II и ее «Наказ» // Вестн. Рос. Ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. – М., 2000. – № 2. – С.21–32.
18. Козлов А.И., Козлов А.А. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XVIII – начале XX в. // Казачество: Прошлое и настоящее. – Волгоград, 2000. – С.95–125.
19. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: Пер. с фр.: В 2 т. / Под общ. ред. Мильчиной В.; Коммент. Мильчиной В., Осповата А. – М., 2000. – Т.1–2.

20. Легкий Д.М. Судопроизводство накануне судебной реформы 1864 года в России // Право и политика: Междунар. науч. журнал. — М., 2002. — № 2. — С.103—110.
21. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой: Пер. с англ. — М., 2002. — 975 с.
22. Мигунова Т.Л. Российский суд во второй половине XVIII века / Науч. ред. Романовская В.Б.; Мин-во внутр. дел Рос. Федерации. Нижегород. акад. — Н.Новгород, 2001. — 271 с.
23. Мигунова Т.Л. Административные реформы Екатерины Великой: Ист. предпосылки и результаты / Науч. ред. Романовская В.Б.; Мин-во внутр. дел Рос. Федерации. Нижегород. акад. — Н.Новгород, 2001. — 148 с.
24. Мигунова Т.Л. Екатерининские надворные суды // Вопросы истории и права: Межвуз. сб. науч. тр. — Арзамас, 2002. — С.71—79.
25. Мигунова Т.Л. Пролог реформ Екатерины II: Деятельность Петра Ивановича Шувалова // Вопросы истории и права: Межвуз. сб. науч. тр. — Арзамас, 2002. — С.62—65.
26. Мигунова Т.Л. Развитие законодательной программы «просвещенного» абсолютизма // Вопросы истории и права: Межвуз. сб. науч. тр. — Арзамас, 2002. — С.112—123.
27. Мигунова Т.Л. Реализация губернской реформы Екатерины Великой: Финансы и штаты // Вопросы истории и права: Межвуз. сб. науч. тр. — Арзамас, 2002. — С.87—98.
28. Мигунова Т.Л. Жалованная грамота городам и «Устав благочиния» // Социальные и гуманитарные исследования: Традиции и реальность. — Саранск, 2002. — Вып.2. — С.60—69.
29. Министерство юстиции России за 200 лет / Мин-во юстиции РФ; Редкол.: Аболенцев В.А. и др.; Науч. ред.: Батова С.А., Рассолов М.М. — М., 2002. — 406 с.
30. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи / Пер. с исп.: Альперовича М.С. и др. — М., 2001. — 364 с.
31. Миранда Ф. де. Российский дневник: Москва — Санкт-Петербург / Пер. с исп.: Капанадзе В.А., Толстой Е.Ф. — М., 2000. — 219 с.
32. На службе закону и справедливости: Очерки об отечественных министрах юстиции (1802—2002) / Андрухович И.А., Вашкевич И.М., Гребнева Н.Е. и др.; Мин-во юстиции Рос. Федерации. — М., 2002. — 465 с.
33. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: Обычай, повинность, право // Отеч. история. — М., 2001. — № 2. — С.3—27.
34. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: Обычай, повинность, право // Отеч. история. — М., 2001. — № 3. — С.25—39.
35. Прокуратура Оренбуржья: История и современность / Прокуратура Оренб. обл.; Под ред. Чадова А.М.; Редкол.: Колокольцев Б.В. и др. — Оренбург, 2002. — 222 с.

36. Прокуратура Саратовской области: История и современность: Сб. материалов к 280-летию обл. прокуратуры / Сост.: Геллерт Н.П., Ваулин В.И. — Саратов, 2001. — 118 с.
37. Ружицкая И.В. Судебное законодательство Николая I. (Работа над Уголовным и Гражданским уложениями) // Отеч. история. — М., 2001. — № 4. — С.41–57.
38. Салмина С.Ю. Прокуратура Челябинской области: Очерки истории. — Челябинск, 2001. — 347 с.
39. Сысоев В.Д. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002 гг.): Факты, события, лица // Журнал российского права. — М., 2002. — № 9. — С.147–155.
40. Чайка Ю.Я. Роль Министерства юстиции в истории России // Вестник Российской правовой академии. — М., 2002. — № 1. — С.5–10.
41. Donnert E. Katharina die Grosse und ihre Zeit: Russland im Zeitalter der Aufklärung. — Leipzig, 1996. — 208 s.
42. Gareth Jones W. The spirit of the «Nakaz»: Catherine II's literary debt to Montesquieu // Slavonic a. East Europ. rev. — L., 1998. — Vol. 76, N 4. — P.658–671.
43. Hartley J.M. A social history of the Russian empire, 1650–1825. — L.; N.Y., 1999. — XI, 312 p.
44. Kusber J. Grenzen der Reform im Russland Katharinas II // Ztschr. Für hist. Forschung. — B., 1998. — Bd. 25, H. 4. — S.509–528.
45. Malia M. Russia under Western eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Masoleum. — Cambridge (Mass.), 1999. — XVI, 514 p.
46. Raeff M. Political ideas and institutions in imperial Russia. — Boulder etc., 1994. — XIII, 389 p.

И.П.Слободянюк

РЕФОРМА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В ПЕРИОД «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА»

В данном обзоре центральное место отводится рассмотрению проблем кодификации российского законодательства и проектов преобразования судебной системы, деятельности Сената как высшего административного и судебного органа страны, реформы административных и судебных органов в 1775 г.

Идеология «просвещенного абсолютизма», основанная на идеях западноевропейских мыслителей, связанных с вопросами развития естественного права, представительного правления, принципа разделения властей, правового государства и т.п., отражала потребность российского общества в совершенствовании законодательства. «Связь между законом и внутренней исторической жизнью народа так неразрывна, — отмечал профессор Московского университета И.Д.Беляев, — что ни изучение законодательства не может быть вполне понятно без изучения внутренней жизни народа, ни изучение внутренней жизни — без изучения законодательства». В начале XVIII в. предпринимались попытки осуществить кодификацию законодательства Российской империи, которые в силу ряда причин оказались неудачными. В 1754 г. начала работу Уложенная комиссия, учрежденная указом императрицы Елизаветы Петровны. Ее целями, наряду с кодификацией российского законодательства, были также переработка старой и создание новой системы права. В соответствии с указом Сената новое Уложение должно было состоять из четырех частей: 1) Судопроизводство и организация суда; 2) О правах

состояния; 3) Об имущественных правах (на движимую и недвижимую собственность); 4) Уголовное право (преступления и наказания).

Первая и четвертая части проекта нового Уложения были представлены комиссией Сенату в 1755 г. После совместного обсуждения с Синодом они были переданы на утверждение Елизавете Петровне. Но в связи с начавшейся в 1756 г. Семилетней войной, в которой принимала участие и Россия, работа Уложенной комиссии была приостановлена. Тем не менее в 1761 г. Сенат принял решение о созыве сословных представителей для утверждения проекта Уложения. Весной 1762 г. депутаты начали собираться в Петербурге, однако государственный переворот, в результате которого императрицей стала Екатерина II, способствовал фактическому прекращению заключительного этапа работы над проектом нового Уложения. Комиссия была переведена в Москву, а в начале 1763 г. она была распущена.

В середине XVIII в., когда начала формироваться политика «просвещенного абсолютизма», в Российской империи судебными полномочиями, наряду с императором, представлявшим верховную законодательную, исполнительную и судебную власть, обладали Сенат и примерно 60 правительственных учреждений. Местные органы суда были в основном представлены воеводскими и провинциальными канцеляриями, епархиальными правлениями, иногда губернаторами, а также специальными представителями или конторами центральных органов управления.

В.О.Ключевский писал, что в первые годы своего правления Екатерина II на основе анализа прошений, сенатских и коллежских дел «усмотрела, что ни о чем не установлено однообразных правил, а законы, изданные в разное время при различном расположении умов, многим казались противоречивыми, а потому все требовали и желали, чтобы законодательство было приведено в лучший порядок» (16, с.69).

Екатерина II стремилась укрепить принципы «просвещенного абсолютизма» и создать новую систему законодательства Российской империи. В декабре 1766 г. было объявлено о созыве депутатов для работы над проектом нового Уложения. Уложенная комиссия, приступившая к работе в 1767 г., имела сложную структуру. В ее состав, наряду с общей комиссией, входили три малые: дирекционная, экспедиционная и подготовительная комиссии. В своем «Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (3), подготовленном для передачи Екатерине II 30 февраля 1768 г., профессор права Московского университета С.Е.Десницкий подчеркивал:

«Законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение, сие три должности составляют три власти, то есть, законодательную, судительную и наказательную власть, от которых властей зависят все почти чиновположения и все главное правление в государствах» (3, с.3).

Идеи эволюции государства в сторону гражданского общества способствовали тому, что царское правительство определило ближайшей своей задачей формирование в Российской империи полноценных сословий, которые уже существовали в западноевропейских странах. В то же время, прежняя организация государственных учреждений и институтов, как и старые методы управления, требовала существенной реорганизации. Это касалось, в первую очередь, органов правосудия России, состояние которых отражало реальную роль законов в общественной жизни страны.

Возникла также необходимость в реализации в российском обществе идеи приоритета закона как источника права и особенно внедрении данного принципа в сознание чиновников с тем, чтобы сделать публикацию законодательных актов обязательной составляющей законотворческой процедуры.

Созыв Екатериной II в 1767 г. Уложенной комиссии и публикация «Наказа Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» (5) имели важное значение для осуществления кодификации законодательства России. Необходимо отметить, что основная часть текста Наказа была заимствована из трактатов Ш.Монтескье «О духе законов» и Ч.Беккариа «О преступлениях и наказаниях», а также из «Энциклопедии» Д.Дидро и Д'Аламбера.

Наказ Екатерины II состоял из 20 глав (526 статей), содержащих пять разделов. Так, например, общие принципы государственного устройства были сформулированы в ст.ст.1–38; основы законодательства и главные направления правовой политики – в ст.ст.39–79; ст.ст.80–250 были посвящены уголовному праву и судопроизводству; ст.ст.251–438 – основным принципам сословно-правовой организации; ст.ст.439–521 – проблемам юридической техники, теории законодательства и правовой реформе.

Наказ Екатерины II был переведен на основные европейские языки и разослан в зарубежные страны. Следует отметить, что данный законодательный проект получил в них положительную оценку, за исключением Франции. Французское руководство отвергло Наказ и приняло ме-

ры по прекращению его продажи в стране. Тем не менее известные французские мыслители высоко оценивали этот документ. Так, Вольтер писал 26 февраля 1769 г. Екатерине II: «Ликург и Солон одобрили бы Ваше творение, но не могли бы конечно сделать подобного. В нем все ясно, кратко, справедливо, исполнено твердости и человеколюбия» (26, с.483). После того как в Россию поступили известия о том, что во Франции запретили распространение Наказа, императрица спросила об этом Вольтера в одном из своих писем. На что Вольтер ответил: «Не знаю я, запретили ли в Париже и в Константинополе продавать Наказ Ваш; но знаю только то, что следует его скрыть от французов ради того, что оный служит постыдным для нас укором в рассуждении нашей старинной юриспруденции, наполненной варварством и глупостью» (45, с.79).

В целом положительный отклик представителей европейских стран на основополагающий проект Екатерины II объясняется тем, что ее Наказ был основан на идеях передовых мыслителей той эпохи Ш.Монтескье, Ч.Беккариа и др. В нем уравнивались перед законом представители различных сословий, предполагалось смягчить уголовное законодательство, признавалась ответственность власти перед гражданами, в том числе за образование и медицинское обслуживание населения. Кроме того, провозглашался принцип религиозной терпимости и толерантности.

Тем не менее проблемам обновления судебной системы и судебного права в России в Наказе было уделено меньше внимания по сравнению с вопросами общей политической доктрины, основными принципами развития законодательства и сословно-правовой политики. Екатерина II выделяла в существовавшей судебной практике лишь два несовершенства: 1) заключение в тюрьму до завершения расследования и до суда («начинать с наказания, а затем уж вести следствие»); 2) существование экстраординарной и негласной юстиции («преступление и рассмотрение дела должны быть сделаны публичными») (6, с.618–619).

Проблемы реформирования судебной системы страны были предметом специального рассмотрения в работе Большого собрания депутатов «Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». Так, 18 февраля 1768 г. в Большое собрание депутатов было внесено предложение о переходе к обсуждению юридических проблем в соответствии с общей схемой порядка обсуждения вопросов в Собрании депутатов. В целом депутаты на 77 заседаниях заслушали и обсудили около 200 законов и указов, изданных в 1649–1766 гг., которые были посвящены проблемам

судоустройства страны, формам судопроизводства и некоторым вопросам правоприменения (39). Депутаты высказались за упрощение формы судопроизводства и сложного канцелярского порядка с тем, чтобы особенно многочисленные судебные дела с малыми суммами иска подвергались простому и быстрому рассмотрению. Кроме того, некоторые депутаты предложили учредить земские дворянские суды, допуская частичную или полную выборность судей.

Стремление депутатов усовершенствовать существовавшую в России судебную систему в сжатой форме выразил в своем выступлении депутат В.Неклюдов: «1) люди худова поведения не думали бы, что в суде проволочат дело лет 20 и правосудия не сыщут; 2) ввести столь строгое взыскание за обиду ближнего, чтоб в скором времени без наказания не осталось; 3) все правосудие отправлялось при тех местах, где жительства люди и не езда за тысячу верст получали свое удовольствие, и довести до того, чтоб каждый дворянин, как имеющий первое достоинство, имел попечение о правосудии и старался бедного защитить и ожидали друг от друга помощи обществом...» (35).

Следует отметить, что после начала обсуждения на заседаниях Большого собрания вопросов по исполнению судебных решений по искам, связанным с крепостными отношениями, обсуждение проблем преобразования судебной системы перешло на второй план.

Вопросы реформы судебной системы страны занимали центральное место в работе частной Комиссии о правосудии, которая была создана в сентябре 1767 г. и первоначально называлась специальной «юстицкой» Комиссией. Важнейшей задачей данной комиссии было «представлять особому рассмотрению», как это указано в «Наставлении Дирекционной комиссии», все, что связано с порядком деятельности суда и правосудием вообще (36).

В соответствии с «Наставлением всем частным комиссиям» (37) частной Комиссии о правосудии предлагалось разработать «целое учреждение судебных мест», подчеркивая, что до этого существовали следующие судебные учреждения: Юстиц-коллегия, Судный приказ и Вотчинная коллегия. Что касается других коллегий, губернских и воеводских канцелярий, магистратов и ратуш, то они все без исключения занимались государственными и судебными делами, вопросами местного управления. В «Наставлении...» подчеркивается, что «большая часть государства составляющих губерний, что до правосудия надлежит, равнообразны, то всемерно надобно, чтоб и судебные места, и даваемой

оним для отправления правосудия обряд равнообразен был, и сие как для главной части государства служащие узаконения почитались, именовались общими и государственными». Приводя примеры Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерний составители «Наставления...» в то же самое время указывают, что «...невозможно, чтоб башкирцы и мешеряки такими ж судьями и таким же образом судились, как в Москве дворяне, но будут и в Москве нижние и словесные суды, следовательно, разность суда в Башкирии и в Московской губернии не так велика...» (38). Как видим, хотя и допускались некоторые различия в построении новой судебной системы с учетом особенностей национальных окраин, в целом она должна была существовать отдельно и самостоятельно от государственных органов управления.

3 октября 1767 г. частная Комиссия о правосудии представила в Дирекционную комиссию план законов, согласно которым предлагалось раздельное судопроизводство на рассмотрение уголовных и гражданских дел: «План порядку суда уголовного» и «План порядку суда гражданского».

В проекте устава гражданского судопроизводства, содержащем 38 глав, предлагалось в целом сохранить существовавшие ранее «формы суда», но более детально регламентировать все этапы рассмотрения дела. Кроме того, предлагалось по малозначительным делам привлекать словесные суды.

Таким образом, первые проекты уставов уголовного и гражданского судопроизводства, подготовленные частной Комиссией о правосудии в 1767 г., отражали в основном предложения правительства по совершенствованию судопроизводства предшествовавшего десятилетия и практически не содержали тех новшеств, которые были представлены в многочисленных наказах и материалах Комиссии, учрежденной для подготовки нового Уложения. Принципиально новые предложения должны были войти в другой планпроект, работу над которым Комиссия продолжала в течение почти 50 заседаний. Но так как не были подготовлены выписки из протоколов заседаний и оформлены другие документы, Комиссия о правосудии вынуждена была приостановить данную работу и 28 июля 1769 г. перейти к работе над «криминальными главами».

Важное место в работе частной Комиссии о порядке государства в силе общего права занимали проблемы совершенствования судебной системы России. Комиссию возглавлял граф А.Шувалов, который был одним из руководителей и основной «Комиссии о сочинении проекта но-

вого Уложения». С апреля 1768 по октябрь 1771 г. Комиссия провела 248 заседаний, на которых рассматривались вопросы создания нового административно-территориального деления и структуры государственного управления России.

Особое место в работе Комиссии занимали принципиальные вопросы преобразования судебной системы страны. Так, члены Комиссии предложили, как это видно из протокола заседания от 14 мая 1769 г., разделить судебные и административные функции между различными государственными органами. По мнению членов Комиссии, необходимо было перенести большинство рассматриваемых дел в губернские судебные учреждения. В связи с чем они предлагали следующую структуру судебной системы, включавшую четыре инстанции: 1) уездные судные приказы; 2) провинциальные судные приказы; 3) губернские апелляционные надворные суды; 4) Сенат, который должен был стать высшей практически апелляционной инстанцией. Члены Комиссии указали при этом на необходимость сохранения в городах магистратов, соподчинив уездные и губернские городские органы, а Главный магистрат подлежал, по их мнению, ликвидации.

Необходимо отметить, что многие предложения, подготовленные частной Комиссией о порядке государства в силе общего права, способствовали проведению губернской реформы 1775 г. и реформы коллегий в 1784–1786 гг., содействовали созданию новой концепции судебной политики Российского государства.

Екатерина II принимала самое активное участие в подготовке проектов преобразования судебной системы. Она была сторонницей запрещения судебных расследований с применением пыток. Екатерина II рассматривала подготовку проекта нового процессуального устава как одну из главных задач в работе по совершенствованию законодательства Российской империи.

При разработке уголовного законодательства значительное место уделялось проблеме применения смертной казни. Как отмечает С.В.Жильцов, Екатерина II «была противницей применения смертной казни и придерживалась мнения о более полезной для общества изоляции преступника, который своим трудом мог принести еще обществу пользу» (11, с.276).

Именно в мерах по преобразованию судебной системы страны, предпринятых царским правительством, в первую очередь и проявились черты «просвещенного абсолютизма». Еще Петр Великий, «проводя сре-

ди прочего преобразования в сфере судебных учреждений, пытался, — как отмечает Т.Л.Мигунова, — создать сословный суд, отделив его по европейскому «народному» принципу от угнетавшей силы политической власти и предоставив довольно широкое поле деятельности» (19, с.9). Екатерина Великая «также стремилась демократизировать суд, шагая след в след своему гениальному предшественнику» (там же).

Рассматривая проблему укрепления законности суда в России XVIII в., О.А.Омельченко подчеркивает, что «единственным путем для государственной политики “просвещенного абсолютизма” в реформе суда, в рамках определяющих принципов социальной политики в целом, было установление строго сословных судов и внутрисословной подсудности — своего рода политический паллиатив, согласующий идейно-правовую декларацию и социальную реальность» (22, с.80).

Таким образом, хотя и не удалось создать во второй половине XVIII в. в России новое Уложение, отмечалось стремление, особенно во время правления Екатерины II, добиться базирования права на систематизированном законодательстве. Были подготовлены нормативные документы по основным отраслям права, Жалованные грамоты на права и выгоды российскому дворянству и городам, Учреждения по управлению губерниями и др.

Сенат, учрежденный 22 февраля 1711 г., являлся высшим государственным органом для надзора за высшей и центральной администрацией в период отсутствия Петра I. «Сенат есть место в Империи, которому подчинены все Присутственные места», а его власть «ограничивается единою властью Императорского величества, иной же власти он над собою не имеет» (17, с.1). 22 октября 1721 г. после принятия Петром I титула императора Сенат был лишен права издавать государственные законы от своего имени во время отсутствия императора. С 12 января 1722 г. возглавлял работу Сената генерал-прокурор, который имел право законодательной инициативы и возможность оказывать решающее влияние на сенатские приговоры.

Однако после смерти Петра I представители знатных фамилий Голициных, Долгоруких и Трубецких попытались значительно расширить полномочия Сената с тем, чтобы ограничить власть императрицы Екатерины I. Меншикову удалось добиться создания в феврале 1726 г. Верховного тайного совета, который получил законодательную власть. Сенат стал именоваться Высоким и превратился фактически в исполнительный орган. 12 февраля 1726 г. Верховный тайный совет направил

Сенату указ, в котором предписывалось Сенату писать донесения в Совет. Но в связи с тем, что названный указ не был подписан Екатериной I, члены Сената высказали возражение против такого унижения. Однако уже на следующий день императрица подтвердила данный указ Верховного тайного совета. К тому же, 7 марта 1726 г. она подписала указ «О должности Сената», в котором отчетливо просматривалась тенденция к превращению Сената во второстепенный государственный орган. Во второй статье данного указа это подтверждалось: «Надлежит Сенату для исправления дел съезжаться и сидеть по вся дни, кроме воскресных и праздничных дней, и отправлять оныя со всяким прилежанием и ревностию по указам, Уложению и государственным правам; разве такое дело случится, на которое нет ясных указов или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему решению подлежит, о таком доносить нам в Верховном тайном совете, представя свое мнение и требовать резолюции» (40, с.150). Как видно из данной статьи, Сенат становится ежедневно заседающим органом в отличие от Верховного тайного совета, который заседал только по средам и пятницам. Кроме того, ограничивались полномочия Сената относительно важных дел, которые прежде он передавал непосредственно императору, а теперь Верховному тайному совету.

После упразднения 4 марта 1730 г. Верховного тайного совета законодательные функции Сената, который стал именоваться Правительствующим, были в полной мере восстановлены. Тем не менее после создания 10 ноября 1731 г. Кабинета министров во главе с Остерманом Сенат потерял свою самостоятельность. С 9 июня 1735 г. он был полностью подчинен Кабинету министров, который получил законодательные полномочия. Подписей трех министров достаточно было для замены подписи императрицы Анны Иоанновны.

12 декабря 1741 г. Указом императрицы Елизаветы Петровны была восстановлена роль Сената как законосовещательного органа и он получил право издавать законы от своего имени. Был также восстановлен институт прокуратуры. Генерал-прокурором был назначен князь Н.Ю.Трубецкой, а обер-прокурором И.О.Брылкин.

Был установлен новый порядок обжалования по инстанциям, в соответствии с которым жалобы на решения Сената могли передаваться непосредственно императрице. Это объяснялось прежде всего неспособностью судов различных инстанций решать дела на основе принципа правосудия, и большой поток жалоб направлялся на имя монарха. Импе-

ратрица Елизавета Петровна лично рассматривала значительное число дел о наследовании. В связи с тем, что в российском законодательстве того периода отсутствовала четкая регламентация различных вопросов наследственного права, она часто принимала решение, основываясь не только на законе, но и на необходимости соблюдения интересов государства.

Вследствие того, что жалобы в массовом порядке направлялись прямо императрице или в Сенат, минуя низшие судебные инстанции, 5 декабря 1744 г. был издан Указ, в котором были уточнены функции Сената. В соответствии с этим Указом Сенат не имел права принимать к своему рассмотрению дела, которые не прошли соответствующие процедуры в судах низших инстанций. Это решение способствовало некоторому ускорению процесса рассмотрения дел в Сенате. Однако этому препятствовал также существовавший принцип единогласия при принятии решения по конкретным делам.

После учреждения Конференции при высочайшем дворе (5 октября 1756 г.) Сенат снова был лишен права издавать законы. Судебные функции Сената выдвигались, таким образом, на первый план. Большие требования предъявлялись к сенаторам, на которых возлагались обязанности обеспечивать соблюдение законов в процессе судопроизводства.

28 января 1762 г. Указом Петра III была упразднена Конференция при высочайшем дворе и все ее функции были переданы в Сенат и Иностранную коллегию. Но уже на следующий день был образован Апелляционный департамент, в который подавались жалобы на все судебные учреждения Российской империи, кроме Сената.

Таким образом, период 1725–1762 гг., называемый в истории России эпохой дворцовых переворотов и характеризовавшийся политической нестабильностью, оказывал и соответствующее влияние на деятельность и функции Сената. В целом имела также место неразделенность административных и судебных функций Сената, что являлось основной причиной не всегда удовлетворительного отправления правосудия. Кроме того, существовавший практически до начала 60-х годов XVIII в. принцип «кормления от дел» способствовал процветанию взяточничества в административно-судебном аппарате Сената. Поступало огромное количество жалоб. Отрывок одной из челобитных приводит в своем фундаментальном издании С.М.Соловьев: «В Сенате добрых людей всячески мучат и разоряют, сенаторы вора помогают... в государстве чинится разорение и людям неповинным убийство (от) воровские се-

наторов самовластные власти» (43, с.656). Дошло до того, что даже генерал-прокурор Сената А.И.Глебов был обвинен в мздоимстве (2, с.94).

Преобразования, произошедшие в Сенате после 15 декабря 1763 г., способствовали упорядочению делопроизводства. Екатерина II считала, что Сенат должен был стать одним из важнейших органов системы государственной власти в Российской империи. Для устранения причин, мешающих это осуществить, наряду со структурными преобразованиями в Сенате, важное значение уделялось также порядку регистрации документов, поступавших в это учреждение. «Все вступающие в Регистратуру по вышеизложенному порядку бумаги, по помете их Регистратором, вносятся в общую входящих бумаг книгу, и из них доношения и рапорты, с препровождением подлинных апелляционных дел, записываются, — отмечается в “Описании канцелярского порядка...”, — в настольные реестры: по Вотчинным делам в реестры Вотчинных; а по Вексельным в реестры Вексельных; ведения ж Департаментов Сената, апелляционные жалобы, прошения, разные доношения, рапорты и ведомости в книгу частных, или текущих дел» (25, с.26–27).

Учитывая достаточно низкий образовательный уровень чиновников Сената и низкую заработную плату, правительство страны вынуждено было принять соответствующие меры в этой сфере. Одновременно с Манифестом о разделении Сената на департаменты был издан другой Манифест, связанный с решением названных выше проблем. В соответствии с новым штатным расписанием значительные преимущества получили служащие петербургских канцелярий Сената. Так, например, оклад сенатского секретаря в С.-Петербурге составлял 750 руб. в год, тогда как в Москве он равнялся только 600 руб.; протоколист в С.-Петербурге получал 450 руб. в год, а в Москве — 375 руб.; переводчик в С.-Петербурге — 375 руб., в коллегиях — от 255 до 300 руб.; канцелярист в С.-Петербурге — 300 руб., в коллегиях — от 150 до 200 руб. и т.д. (29, т.XVI, с.59, 62).

Следует отметить, что после установления новых окладов в Сенате и подведомственных ему учреждениях в течение 60-х годов XVIII в. выпускники Петербургского и Московского университетов, представители разночинной интеллигенции охотно шли служить в Сенат, занимаясь при этом культурно-просветительской деятельностью. Тем не менее дворяне не особо жаловали Сенат и другие государственные учреждения, предпочитая гражданской службе военную. Поэтому когда в 1765 г. после смерти М.В.Ломоносова из университета начали отчислять его уче-

ников, генерал-прокурор Сената А.А.Вяземский подписал распоряжение, согласно которому предписывалось «уволненных из Академического университета студентов определить к делам в правительствующий Сенат», первоначально оставляя, тем не менее, их только «на копиистских местах» (31).

Таким образом, в 1763 г. все функции Сената были распределены между шестью департаментами, возглавляли которые обер-прокуроры. «Хотя Сенат и разделен на шесть Департаментов, однако один пред другим никакого преимущества не имеет, — как отмечается в Манифесте от 15 декабря 1763 г., — и остаются все в равной силе и достоинстве» (17, с.34).

Во главе первого департамента находился генерал-прокурор (с 1771 г. — обер-прокурор). Рассмотрение спорных вопросов выносилось на общие собрания департаментов. Наряду с тем, что Сенат в России являлся «хранилищем законов» (42, с.12), как это определено в Наказе, данном императрицей Екатериной II «Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», он превратился в высшее административно-судебное учреждение. Говоря о необходимости исполнения законов и обеспечении при этом свободы и безопасности граждан, Екатерина II подчеркивала: «Для сего Петр Великий премудро учредил Сенат, коллегии и нижния правительства, которые должны давать суд именем Государя и по законам: для сего и перенос дел к самому Государю учинен толь трудным; закон, который недолжен быть никогда нарушен» (42, с.19).

Сенат состоял из шести департаментов: первый ведал государственными финансами и секретным делопроизводством; второй — судебными делами (надзором, обобщением практики, подбором кадров, рассмотрением дел); третий — административными и финансовыми делами провинций; четвертый — военными делами; пятый — местной администрацией; шестой — местными судами. Как видим, судебные функции выполняли только второй, шестой и отчасти третий департаменты. Вторым департаментом, в частности, занимался апелляционный делами, поступавшими из экспедиции Сената, из Юстиц- и Вотчинной коллегий; делами из Рекетмейстерской конторы; всеми следственными делами, а также делами, относящимися к генеральному межеванию, судному Приказу, розыскным экспедициям по сыщиковым делам и др. Третий департамент, наряду с функциями по управлению Малороссией, Остзейскими провинциями и Выборгской губернией, ведал делами по университетскому

управлению и апелляции. Шестой департамент должен был рассматривать различные апелляционные дела.

Генерал-прокурор, возглавлявший Сенат, имел право приостанавливать принятое единогласно или большинством голосов решение по определенному делу и требовать его рассмотрения в Общих собраниях. Если же генерал-прокурор не согласен с решением Общих собраний Сената, то дело передавалось на рассмотрение императора. Причем, данное дело представляли генерал-прокурор и два несогласных с ним сенатора (17, с.9).

Некоторые дела направлялись генерал-прокурором на рассмотрение непосредственно монарху, а затем, с его резолюцией, окончательно решались в одном из Общих собраний Сената. К ним относились следующие: 1) дела, требовавшие принятия нового закона или пояснения и дополнения уже существующего; 2) дела, в которых Сенат ходатайствовал о смягчении наказания или помиловании; 3) дела по приговорам о лишении дворянства, чести, жизни; 4) дела подсудимых, дворянство которых было сомнительно; 5) дела о возведении в дворянское достоинство и о производстве по гражданской службе; 6) дела о пожаловании титулов, о перемене фамилий; 7) дела, требовавшие повсеместного предписания для единогласного исполнения или совместного с другими государственными учреждениями решения. В нормативном документе «Описание канцелярского порядка, наблюдаемого в Правительствующем Сенате...», в частности, отмечалось: «Дозволяется Сенату, если по общим государственным делам существовал Указ, который был бы сопряжен с великими неудобствами в исполнении, или по частным делам не согласен с прочими узаконениями, или же не ясен, представлять о том Императорскому Величеству; но когда по таковому представлению не будет учинено перемены, то остается он в своей силе» (25, с.11). Естественно, что генерал-губернатор один не в состоянии был контролировать работу всех департаментов. Поэтому он должен был следить за своевременным рассмотрением важнейших исходя из государственных интересов дел. К таковым относятся секретные дела, относительно которых указывалось: «Секретные дела по Департаментам или по Общему Собранию, какого бы рода ни были, зависят все непосредственно от Генерал-Прокурора, разве он сам из оных какое-либо дело разсудить поручит Ober-Прокурорам, тогда они имеют только участие в тех делах» (17, с.38).

Рассмотрим процесс подготовки и обсуждения в Сенате «Указа Ея Императорскаго Величества самодержицы Всероссийской, из Прави-

тельствующего Сената, объявляется во всенародное известие» (32). В нем шла речь о праве помещиков отправлять неугодных им крестьян на каторжные работы. Инициатором данного указа была Адмиралтейская коллегия, обратившаяся 26 октября 1764 г. в Сенат с просьбой принять решение о том, что помещики могут направлять в Адмиралтейство провинившихся крестьян на каторжные работы, получая за каждого из них по 1 рублю в месяц. Этот вопрос был рассмотрен четвертым департаментом Сената, который счел его обоснованным и выгодным, как «для казны, так и для партикулярных людей ко удержанию их служителей от продерзостей полезным, но так как на оное точных указов нет, то определил предложить об оном к разсуждению в общем собрании» (33).

8 декабря 1764 г. после обсуждения данного вопроса на общем собрании петербургских департаментов Сената было принято решение направить императрице Екатерине II доклад, в котором была признана необходимость использования на каторжных работах особо провинившихся крепостных крестьян, но ничего не платить за них помещикам. Свою позицию по вопросу оплаты помещикам за каторжный труд крестьян Сенат обосновал тем, что некоторые помещики могут направлять на каторгу и невинных людей в случае получения за это определенной платы. 8 января 1765 г. Екатерина II утвердила все положения указа, предложенного Сенатом в докладе. 14 января на общем собрании Сената было принято решение подготовить указ и направить его в Адмиралтейскую коллегия, а также широко распространить печатные тексты данного указа.

17 января 1765 г. указ был напечатан в петербургской типографии и отправлен во все департаменты Сената, в Синод, Адмиралтейскую и другие коллегии, в губернии и провинции. Фонд 248 Российского Государственного архива древних актов содержит «Реестр посланным в нижеписанные места о принятии помещиковых людей за продерзости в каторжную работу указам» (34), согласно которому копии данного указа в количестве 1590 экземпляров были направлены в 142 адреса. Таким образом, данный указ был подготовлен без особой волокиты в довольно короткий срок (менее трех месяцев). Кроме того, среди законодательных актов второй половины XVIII в. он занимал особое место, так как теперь помещики, не обремененные нормами материального и процессуального права, без решения суда, как это было до 1765 г., могли по своему усмотрению направлять на каторжные работы крестьян и дворовых.

Следует отметить, что делопроизводство департаментов Сената вели канцелярии, которыми руководили обер-прокуроры, распределяв-

шие дела между отделениями или экспедициями для подготовки их к слушанию в присутствии департамента. Здесь обычно дело решалось окончательно при полном согласии сенаторов или большинством голосов (простым или в 2/3 голосов). В сложных случаях проект решения представлялся генерал-прокурором в Государственный совет, а затем непосредственно императору. После этого с высочайшей резолюцией он возвращался в одно из Общих собраний Сената для принятия окончательного решения.

Обер-прокурор одного из департаментов, входящих в Общее собрание Сената, обеспечивал контроль за производством дел, за прохождением приговора или определения по решенному в департаменте делу, за его соответствием существующему закону. Если же для решения рассматриваемого дела требовалась высочайшая резолюция или необходимо было согласие другого государственного учреждения, а также была необходима разработка нового закона или изменение уже существовавшего, обер-прокурор должен был обратиться к генерал-прокурору для представления дела монарху.

Большое внимание уделялось оформлению рассматриваемых в Сенате дел. Так, в Указе от 11 декабря 1767 г. указывалось: «Чтобы сила решения судейского на всякое дело в журналах видна была, и чтобы данные резолюции подчиненные, которые протокол сочиняют, не только собою отменить, но и в случае от забвения оной другого рассуждения полагать, и в сочиняемые приговоры вносить не могли, а паче для правосудия; во всех Присутственных местах, не только во вседневных журналах, но и в докладных реестрах, которые отмечаются судейскими руками, силу приказания писать именно и так ясно, чтобы при сочинении приговора оставалось сочинителю подкрепить только обстоятельством дела и указными резонами» (17, с.36–37).

Екатерина II считала Сенат высшим исполнительным органом управления и суда, а генерал-прокурора — первым и единственным министром. Законодательные же функции Сената в период ее правления были фактически сведены к устранению мелких пробелов в отдельных законах. «В ходе последующей реформы областной административной и судебной системы Сенат практически лишился, — как отмечает Н.Н.Ефремова, — надзорной функции, которая была передана генерал-губернаторам, однако на долгие годы приобрел значение высшего суда империи» (9, с.96). Тем не менее сложная процедура прохождения дел в Сенате и связанная с этим волокита не могли содействовать эффектив-

ной работе этого важнейшего учреждения Российской империи. «В Сенате все зависит, — отмечается в книге “О суде по совести”, — от приложения закона к делу; но прилагает никто как разум, а сего учинить он не может доколе наперед не рассудит и о деле и о законе; и в обоих случаях он видится быть один судьей» (21, с.204).

Несмотря на попытки оттеснить Сенат от власти при помощи создававшихся при Елизавете Петровне, Петре III и Екатерине II Конференции при высочайшем дворе и Советов, необходимо подчеркнуть, что в исследуемый период Сенат был одним из самым устойчивых из высших коллегиальных государственных органов Российской империи.

Преобразования, произошедшие в Сенате в 1763 г., создали необходимые предпосылки для реорганизации системы административной и судебной власти на местах. Главным документом, регламентировавшим новую систему органов местного управления и суда, порядок их функционирования, стало «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», утвержденное императрицей в 1775 г. Уже во введении указывается на отрицательные последствия отказа от продолжения петровских реформ в предшествующий период: «С одной стороны, медленность, упущения и волокита — суть естественные последствия такового неудобного и недостаточного положения, где дело одно другое останавливает и где опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярию множество различного существа возложенных дел служить может иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисpravление должности, и быть поводом страстному производству. С другой стороны, от медлительного производства возрастают своевольство и ябеда общие со многими пороками, ибо возмездие за преступления и пороки производится не с такою поспешностью, как бы надлежало для укрощения и в страх предерзнутым» (29, т.20, с.230).

«Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» состояло из двух частей, первая из которых была издана 7 ноября 1775 г., а вторая — 4 января 1780 г. В них достаточно подробно рассматриваются вопросы судебного права на местах. Вторая часть данного документа является логическим продолжением первой.

До 1775 г. территория России разделялась на 23 губернии, 66 провинций и около 180 уездов. В соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» число губерний было увеличено до 40, во главе которых были поставлены генерал-губернаторы или губернаторы, назначавшиеся монархом и обладавшие широкими полномо-

чениями. Кроме того, создавалось губернское правление в качестве совещательного органа при генерал-губернаторе. В него входили генерал-губернатор, два губернских советника, прокурор и руководители важнейших губернских учреждений. Губернскому правлению подчинялись все учреждения, расположенные на территории губернии. Оно обладало также правом на подопечной территории «посылать указы и от оных мест принимать рапорты и доношения» (29, т.20, с.287).

Главой уездного управления был земский исправник или капитан, осуществлявший свои полномочия вместе с нижним земским судом, ведавшим местной администрацией и полицией. Следует отметить, что земский исправник и судебные заседатели избирались местным дворянством, но утверждались в должности правительством.

Таким образом, в результате реформы органов местного управления в губерниях вводились элементы самоуправления, а дворяне имели право непосредственно принимать участие в делах губернии и уезда.

Новая же судебная система на местах создавалась как самостоятельная, параллельно существующая в губернии система управления. В губернии устанавливались две судебные инстанции: высшая — в главном губернском городе; низшая — в уезде. В состав судов, которые были преимущественно сословными, избирали представителей местных организаций и обществ. В то же время в губерниях стали создаваться палаты гражданского и уголовного суда, т.е. общие судебные органы, при формировании которых не соблюдался сословный принцип.

В целом в соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» учреждалась следующая система судебных органов на местах: 1) *губернские* — Палата уголовного суда, Палата гражданского суда, Верхний земский суд, Верхняя расправа, Совестьный суд, Губернский магистрат, Сиротский суд, городовые старосты и судьи словесного суда губернского народа; 2) *уездные* — Уездный суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд, городовые старосты, судьи словесного суда уездного города, Городовой магистрат или Ратуша, Городовой сиротский суд. Кроме того, в соответствии с сохранившимся сословным принципом формирования суда в губерниях и уездах специально для дворян учреждались Верхний и Уездный земские суды. К тому же, в Санкт-Петербурге и Москве создавались Верхний и Нижний надворные суды.

Палата уголовного суда и Палата гражданского суда занимали особое положение в судебной системе страны. Вышестоящей по отношению к ним инстанцией был Сенат. Палаты фактически стали выполнять

функции центральных административных и судебных органов — коллегий, возглавив в то же время местную судебную систему. Каждая из них состояла из председателя, двух советников и двух ассессоров, которые назначались Сенатом, а председателя палаты утверждал в должности император. Палаты имели право окончательного решения дел, цена иска по которым не превышала 500 руб. Остальные же дела могли быть пересмотрены в апелляционном порядке Сенатом.

Палата уголовного суда рассматривала дела, связанные с должностными преступлениями. Она также решала в качестве суда второй инстанции дела по наиболее тяжким преступлениям, которые до этого рассматривались сословными судами губернии. Причем, она рассматривала их не как кассационная или апелляционная, а как ревизионная инстанция с правом окончательного решения дела и вынесения приговора (29, т.20, с.105–107, 109). Право утверждать приговор имел губернатор. В спорных или вызывающих сомнения случаях он должен был докладывать об этом Сенату или императору.

В деятельности Палаты гражданского суда важное место занимали дела, связанные с земельными спорами. Поэтому она по сути своих функций заменила Вотчинную и Юстиц-коллегию. Кроме того, в компетенцию Палаты гражданского суда входила апелляция для ревизии гражданских дел на Верхний земский суд, Губернский магистрат и Верхнюю расправу.

Верхний земский суд являлся апелляционной и ревизионной инстанциями по отношению к Уездному суду. Как правило, Верхний земский суд состоял из двух председателей, которые назначались монархом по предложению Сената из представленных на рассмотрение кандидатов, и десяти заседателей, избравшихся на три года губернским дворянством. Верхний земский суд включал департамент уголовных и департамент гражданских дел, в каждом из которых состояла половина членов общего присутствия. В том случае, если один из департаментов был перегружен делами, то они могли быть переданы в другой. Кроме того, при суде состояли: прокурор, стряпчий казенных и стряпчий уголовных дел.

В подчинении Верхнего земского суда находились уездные суды, Дворянские опеки, земские суды его округа. В соответствии с данной иерархией в него направлялись дела по апелляции на решения перечисленных нижестоящих судебных органов, а также гражданские и уголовные, исковые дела, тяжбы и жалобы дворян и на дворян, дела, касав-

шиеся вотчин, завещаний, права наследования и привилегий. В Верхний земский суд направлялись также дела, связанные с разночинцами.

Следует подчеркнуть, что по всем перечисленным выше делам Верхний земский суд мог принимать окончательные решения лишь в том случае, если цена иска не превышала 100 руб. Остальные же дела направлялись в вышестоящую судебную инстанцию — Палату гражданского суда, а все уголовные дела — Палату уголовного суда.

К судьям, избираемым в губернские суды, предъявлялись соответствующие требования. Они, в частности, были изложены в речи В.Новикова, подготовленной в 1786 г. к собранию дворянства Калужской губернии, приуроченного к избранию судей. От дворян губернии зависит, подчеркивал В.Новиков, избрание «в законо-исполнители особ достойнейших и способных по своим знаниям, опытности и добрым свойствам содержать весы правосудия в точнейшем наблюдении, дабы в противном случае не пожертвовать нашим спокойствием» (20, с.13).

Для горожан и жителей посада были созданы две судебные инстанции: городской магистрат и губернский магистрат. Магистрат формировался в каждом городе и включал в свой состав двух бургомистров и четырех ратманов. Купечество и мещанство города избирало городской магистрат один раз в три года.

Ратуши создавались, как правило, в посадах. Причем число членов Ратуши напрямую зависело от количества населения в посаде. Так, например, если в посаде проживало менее 500 жителей, то избирался один бургомистр и два ратмана. В крупных посадах состав ратуши равнялся составу городского магистрата. Члены ратуши избирались также на три года.

В компетенции городских магистратов и ратуш входили уголовные и гражданские дела купцов и мещан города или посада. Окончательному решению подлежали только те гражданские дела, цена иска которых была ниже 25 руб. Уголовные дела решались также окончательно, за исключением тех, подсудимые по которым получали наказания в виде смертной казни, лишения чести или торговой казни.

Заседания городских магистратов и ратуш проходили практически постоянно в течение года. Их компетенция распространялась только на жителей, приписанных к городу или посаду, и ограничивалась данной территорией.

При каждом городском магистрате учреждался сиротский суд для рассмотрения дел вдов и малолетних сирот. В его состав включались

городской голова (председатель), два члена городского магистрата и городской староста. Городской голова избирался жителями города сроком на три года, а староста — на один год. Кроме того, учреждалась, как отмечает Л.Ф.Писарькова, — «дворянская опека во главе с уездным предводителем дворянства» (28, с.26).

Сиротский суд рассматривал дела, связанные с малолетними сиротами, имениями, оставшимися после смерти владельцев, и вдовами. Он имел право назначать опекунов малолетним сиротам и имениям. В случае возникновения при решении этих дел спорных ситуаций, они направлялись в Губернский магистрат.

Губернский магистрат был главной апелляционной и ревизионной инстанциями для городских судов и ратуш. В крупных губерниях создавались несколько губернских магистратов. Губернский магистрат состоял из двух председателей и шести заседателей. Председателей назначал Сенат по предложению губернского правления, а заседатели избирались жителями губернского города один раз в три года из местных купцов и мещан. Избранные заседатели должны были пройти процедуру утверждения в должности губернатором.

Губернский магистрат состоял из двух департаментов: гражданских и уголовных дел. Причем, в случае большой перегрузки делами одного департамента их разрешалось рассматривать другому. При Губернском магистрате состояли также прокурор, стряпчий казенных и стряпчий уголовных дел. К тому же Губернскому магистрату подчинялись городские магистраты, сиротские суды и ратуши. Он рассматривал дела спорных владений и привилегий; дела, возбужденные стряпчими, а также апелляционные дела из городских магистратов, сиротских судов и ратуш.

Губернский магистрат имел право решать окончательно гражданские дела, цена иска по которым не превышала 100 руб. Остальные дела могли направляться для окончательного решения в качестве апелляционных в Палату гражданского суда. Решения, принятые Губернским магистратом по уголовным делам, направлялись на ревизию в Палату уголовного суда.

Подсудность Губернского магистрата ограничивалась территорией данной губернии. Порядок его взаимоотношений с другими административными и судебными органами складывался следующим образом: он получал указы от губернского правления палат уголовного и гражданского суда, направляя в свою очередь указы в суды низшей инстанции.

Являясь судом низшей инстанции, Уездный суд состоял из уездного судьи и двух заседателей, которые избирались дворянами уезда и утверждались губернатором. Уездный суд занимался рассмотрением гражданских и уголовных дел, имевших место в данном уезде. Он занимался решением поземельных споров.

Уездный суд не имел права инициировать возбуждение уголовного или гражданского дела. Как правило, судебное разбирательство начиналось лишь на основании жалобы или иска частного лица, стряпчих либо по требованию другого судебного или административного органа высшей инстанции. Уездный суд располагал правом окончательного решения только тех гражданских дел, цена иска по которым была ниже 25 руб. Остальные же дела надлежало рассматривать в вышестоящем Верхнем земском суде. Что касается уголовных дел, то Уездному суду разрешалось рассматривать все дела с правом их окончательного решения, исключая лишь дела, по которым подсудимые получали наказания в виде смертной казни, лишения чести или торговой казни.

Полномочия Уездного суда ограничивались, как правило, территорией уезда. Полное его присутствие собиралось не менее трех раз в год. Порядок его отношений с другими административными и судебными органами был следующим: Уездный суд получал от губернского правления, Палат уголовного и гражданского суда и Верхнего земского суда указы. К ним же он обращался с рапортами. Нижнему земскому суду он направлял указы, а городничим — сообщения.

Нижняя и Верхняя расправы учреждались для осуществления суда над свободными крестьянами в уездах и губерниях. Нижние расправы создавались в городах и округах по усмотрению губернатора там, где проживали черносошные и государственные крестьяне, ямщики, дворцовые и приписанные к заводам крестьяне, другие служилые люди. Заседания Нижней расправы проходили не менее трех раз в год. Подсудность одной Нижней расправы распространялась, как правило, на район, где проживало от 10 до 30 тыс. человек.

Нижняя расправа включала расправного судью и восемь заседателей. Заседателей избирали из различных слоев населения, а расправного судью назначало наместничье правление из местных чиновников. Всех их утверждал в должности губернатор.

В случаях, когда нижний земский или совестной суд рассматривали дела, касавшиеся жителей селений, которые избирали заседателей

Нижней расправы, то она должна была делегировать на эти процессы двух своих заседателей.

Нижняя расправа рассматривала гражданские и уголовные дела своего округа. Причем, инициаторами их возбуждения были жалобщики, истцы, стряпчие, другие суды, наместническое правление, Палаты уголовного и гражданского суда, Верхняя расправа. Жалобы на решения Нижней расправы направлялись в Верхнюю расправу, но при этом необходимо было внести в Нижнюю расправу 25 руб. залога. Если же речь шла о деле, стоимость иска по которому была ниже 25 руб., то оно решалось окончательно в Нижней расправе. Здесь же регистрировались купчие на землю. Если в течение двух лет по ним не возникало спорных проблем, купленная земля окончательно утверждалась за покупателем.

Верхняя расправа являлась апелляционной и ревизионной инстанцией для Нижней расправы. Она состояла из двух председателей и десяти заседателей, которые определялись на должности таким же порядком, как и члены Нижней расправы. Верхняя расправа включала два департамента: уголовных и гражданских дел. Причем члены расправы равномерно распределялись между департаментами, которые могли принимать, в случае необходимости, дела другого департамента. При Верхней расправе, как и при Нижней расправе, состояли: прокурор, стряпчий казенных и стряпчий уголовных дел.

В подчинении Верхней расправы находились Нижняя расправа, Нижний земский суд (в том случае, если в данной губернии не было Верхнего земского суда).

Верхняя расправа могла окончательно решать гражданские дела, стоимость иска по которым не превышала 100 руб., а остальные могли быть обжалованы в Палате гражданского суда. Уголовные дела в период после принятия решения и до начала исполнения приговора направлялись для ревизии в Палату уголовного суда.

Подсудность Верхней расправы распространялась только на территорию данной губернии. Заседания ее проходили не реже трех раз в год. В случае необходимости назначались внеочередные заседания.

В крестьянских селениях, приписанных к казенному ведомству, в которых насчитывалось более 1000 дворов, начиная с 1787 г. для выполнения административных и судебных функций утверждались в должности сельские старосты, а в каждой части из 500 дворов учреждался сельский староста и два выборных или словесных разборщика. В селениях, насчитывавших от 500 до 1000 дворов, вводились должности сельского

старшины, старосты и трех выборных; в селениях, где имелось от 200 до 500 дворов, — старшины, старосты и двоих выборных. В селах, состоявших из 50, 100 или 200 дворов, утверждались в должности по одному старшине, старосте и выборному; в населенных пунктах, насчитывавших 15–20 дворов, имелся один староста, а те поселения, где было менее 15 дворов, объединялись с более крупными, и на них распространялась юрисдикция функционировавших в последних административных и судебных органов. В связи с чем в состав соответствующих органов местного управления от небольших населенных пунктов дополнительно вводились десятские.

Низшие сельские суды в составе выборных решали только незначительные споры между крестьянами. Если же возникали разногласия, к решению данного дела подключались староста и старшина. Кроме того, допускалась возможность для сторон, недовольных решением сельского суда, избрать для участия в его рассмотрении посредников из данного селения. В случаях, когда не устраивало решение низшего сельского суда, апелляция направлялась в Низшую расправу (44, с.297–298).

Особое место в судебной системе на местах занимал сословный суд. Следует отметить, что в каждой губернии существовало по две судебные инстанции (губернской и уездной) для трех сословий. Губернским общесословным судебным органом в качестве третьей инстанции для каждой категории местных сословных судов были Палата уголовного и Палата гражданского суда, так как они в сфере суда по существу заменили собой коллегии, которые были затем упразднены после введения в действие «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи». Так, в 1784 г. был упразднен Третий департамент Юстиц-коллегии, а в 1786 г. все дела данной коллегии были переданы губернским Палатам гражданского суда. В этом же году были закрыты Юстиц-коллегии и Вотчинная коллегия.

Следует подчеркнуть, что введение в действие «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» было достаточно длительным процессом. Для его реализации потребовалось более десяти лет. Так, в 1783 г. еще не были созданы Нижние расправы в Астраханской, Азовской, Выборгской, Новороссийской, Иркутской, Рижской и Ревельской губерниях. В целом в 1783 г. были сформированы в губерниях 232 Нижние расправы. Так, например, Челябинский нижний земский суд, сформированный только в 1782 г., «подчинялся, — как отмечает С.Ю.Салмина, — Оренбургскому губернскому правлению и губернатору,

исполнял их распоряжения и указания, а также приговоры вышестоящих судов» (41, с.17).

Наряду с сословными и всесословными судами в судебной системе Российской империи были созданы суды особенные. К ним относился прежде всего совестный суд, который находился за рамками общей системы судебных инстанций в России. В его состав входили назначаемые генерал-губернатором судьи и избиравшиеся по двое от каждого сословия шесть заседателей. Судьи совестного суда выдвигались судебными органами губернии и представлялись на утверждение губернатора. Необходимо подчеркнуть, что судебные заседатели могли участвовать лишь в рассмотрении дел, касавшихся тех сословий, к которым они принадлежали. Они избирались на трехлетний срок и должны были быть добросовестными и образованными людьми.

Совестный суд по своим полномочиям приравнивался к Палатам гражданского и уголовного суда, Верхнему суду и губернскому магистрату. Вышестоящей его инстанцией должен был стать Высший совестный суд, который так и не был создан. Тем не менее, как и для других судов, высшей инстанцией для совестного суда были Сенат и император.

Пределы подсудности совестного суда были определены недостаточно четко. Он, как правило, занимался рассмотрением тех гражданских дел, которые не предусматривались законом. К таковым можно отнести дела, связанные с колдовством и т.п.

В статье 401 «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» указывалось, что всякий подданный в случае его задержания и содержания под стражей более трех дней без предъявления ему обвинения и проведения допроса имел право обратиться в совестный суд. Если он не подозревался в оскорблении монарха, измене, убийстве, разбое или воровстве, то его должны были отправить в совестный суд с подробным описанием обстоятельств дела. Совестный суд имел право освободить подозреваемого «на поруки», если тот не обвинялся в названных выше преступлениях.

Таким образом совестный суд сочетал в себе функции судебной инстанции по незначительным делам, третейского суда и в некоторой степени прокуратуры. Он мог в своих решениях, в отличие от других судов, руководствоваться не только положениями закона, но и принципами справедливости.

Однако, если стороны были недовольны решением суда, они имели право привлечь посредников с каждой стороны к рассмотрению своего

дела вместе с совестным судом. Если и после этого стороны не могли добиться примирения, то они имели право обратиться в обычный суд. Недовольные решением совестного суда могли обжаловать его в высшей судебной инстанции, в качестве которой выступал специально созданный суд посредников, которых персонально назначал император.

Совестный суд располагал относительной независимостью, так как он подчинялся непосредственно императору, Сенату и Высшему совестному суду. Однако принципы гуманности и справедливости, провозглашенные при учреждении совестных судов, не были в полной мере реализованы. Дела в них не решались, как и в других судебных инстанциях, иногда в течение десятилетий.

В Российской империи существовали и особые судебные инстанции — Верхний и Нижний надворные суды, подсудность которых распространялась только на Санкт-Петербург и Москву.

В составе Верхнего надворного суда были два председателя, два советника и четыре ассессора. Как и при других судах, при нем состояли также: прокурор, стряпчий казенных и стряпчий уголовных дел. Два департамента, на которые был подразделен Верхний надворный суд, имели функции, аналогичные функциям департаментов других губернских судов. Следует отметить, что председатели суда утверждались в должности монархом по представлению Сената, а советники, стряпчие и ассессоры назначались Сенатом.

Верхний надворный суд был апелляционной инстанцией для Нижнего надворного суда, который создавался в той же столице и подчинялся соответственно Верхнему надворному суду.

Нижний надворный суд включал судью и двух заседателей, которых назначал Сенат. По своим функциональным обязанностям Нижний надворный суд был равен уездному суду, городовому магистрату или ратуше, сиротскому суду и Нижней расправе.

В компетенции Верхнего и Нижнего надворных судов находились дела граждан, которые прибывали в Москву по долгу придворной, военной или гражданской службы, а также по частным вопросам, кроме дел, связанных с должностными преступлениями. Уголовные дела, рассматривавшиеся Надворными судами, должны были обязательно направляться на ревизию в Палату уголовного суда.

Верхний надворный суд имел право принимать окончательное решение по гражданским делам, стоимость иска которых не превышала 100 руб., а Нижний надворный суд — 25 руб.

В 1780 г. С.-Петербургский Нижний надворный суд был подразделен на два департамента, одному из которых было поручено рассматривать уголовные дела, а другому — гражданские. Следует отметить, что до середины 90-х годов XVIII в. в его структуре было образовано еще два департамента с аналогичным составом суда. После чего рассматриваемые дела распределялись между ними следующим образом: первый департамент занимался уголовными и следственными делами; второй — вотчинными; третий — вексельными; четвертый — судебными делами и прошениями. В 1785 г. в составе Московского Нижнего надворного суда также появился еще один департамент.

В 1782 г. в системе городских судебных органов были созданы управы благочиния. Управа благочиния включала городничего, пристава уголовных дел, пристава гражданских дел и двух ратманов. Управа кроме ведения основных полицейских дел рассматривала малозначительные уголовные и гражданские дела, цена иска по которым была менее 20 руб., а также занималась производством следственных действий.

8 апреля 1782 г. был утвержден «Устав благочиния, или полицейский», который стал главным законом, регламентировавшим организацию и деятельность управы благочиния. Устав благочиния содержит 14 глав, состоящих из 274 статей. Он включает раздел «Наказ управе благочиния», в котором изложены морально-нравственные принципы, рекомендованные для членов управы. В частности, руководителей управы должны были характеризовать следующие качества: «1) здравый рассудок; 2) добрая воля в отправлении порученного; 3) человеколюбие; 4) верность к службе императорского величества; 5) усердие к общему добру; 6) радение о должности; 7) честность и безкорыстие» (40, с.334).

В Уставе указывалось: «Управа благочиния не имеет определенного в году времени для заседания, но во всякое время собирается в городе, когда сведает, что беспорядок учинился» (там же, с.332). Следует отметить, что в Уставе благочиния целый раздел «О суждях словесного суда» (ст.161—178) посвящен месту и роли словесного суда, обязанностям судей, порядку рассмотрения дел и т.д. (там же, с.358—261). «Словесный суд словесно судит, — подчеркивается в Уставе, — по уложению, по указам и по учреждениям для управления губерний где находится» (там же, с.359). Что касается сроков прохождения дел в словесном суде, то они были жестко регламентированы и предусмотрены за их нарушение соответствующие санкции. «Словесный суд должен всякое дело по словесной прозбе окончить в один день, когда ответчик явится, а буде и

справки потребны, далее однакож трех дней не продолжать под опасением вычета из жалованья за месяц в пользу приказа общественного призрения» (там же, с.359–360).

Параллельно с образованием новых судебных органов на местах в соответствии с «Учреждениями для управления губерниями Всероссийской империи» была реорганизована прокуратура как один из важных институтов судебной системы страны. Прокуроры учреждались при губернском правлении, Верхнем земском суде, губернском магистрате и Верхней расправе. Так, например, «в Оренбургской губернии были введены должности губернского прокурора, войскового прокурора Уральского казачьего войска, двух губернских, двенадцати уездных стряпчих и утверждены Указом Правительствующего Сената от 7 ноября 1775 года» (30, с.23).

Губернский прокурор подчинялся генерал-прокурору и генерал-губернатору. Кроме того, он обязан был принимать «участие в Дворянских собраниях и заседаниях Присутственных мест. На них он давал заключения о новых законах в губернском правлении и в палатах, члены которых должны были эти заключения выслушивать» (там же, с.24, 27).

Губернскому прокурору подчинялись все прокуроры, учрежденные при местных судах. Осуществлять надзор за судами прокурору помогали стряпчие уголовных дел. Кроме того, при сословных губернских судах состояли стряпчие уголовных и казенных дел, а в уездах уездные стряпчие, осуществлявшие надзор за уездной администрацией и судом. Наряду с судебным надзором, на прокуроров возлагался и общий надзор, и надзор за местами лишения свободы. Прокуроры имели право налагать штрафы за нарушение порядка в суде и использовать часть полученных средств для развития прокуратуры. Однако подчинение прокурора и прокуратуры губернатору ограничивало их значение на местах и способствовало превращению прокуратуры в ширму законности, прикрывавшую зачастую произвол местных властей. Прокурорский надзор частично переплетался с функциями местного административного аппарата, а это нередко мешало нормальному функционированию прокуратуры.

Российская судебная система второй половины XVIII в. включала и системы нерусских областей и регионов, которые имели свои особенности и отличия от общеимперской. Так, например, на Украине до 1782 г. существовала особая судебная система, во главе которой стоял гетман, а генеральный судья помогал ему в осуществлении правосудия. Гетман рассматривал лишь важные дела, а также дела должностных лиц

казацкого войска. Остальные же дела решались полковниками и полковым старшиной, исключая совсем незначительные, за решение которых несли ответственность сотники. Решения гетмана и генерального судьи обжаловались в Малороссийской коллегии, подчинявшейся непосредственно Сенату. Следует сказать, что некоторые украинские города пользовались правом самоуправления на основании магдебургского права, сохранив его и после вхождения в состав России до 1835 г.

После введения в действие в 1783 г. на территории Прибалтики норм «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» во всех уездах сохранялись существовавшие до этого местные суды. Судьями в них назначались только дворяне и представители других сословий немецкого населения. Высшим судебным органом там являлся Надворный суд (гофгерихт). Практически на территории всей Прибалтики в то время существовала судебная система, созданная на основе шведского права. Местные суды Прибалтики находились в подчинении коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, которая была ответственна перед Сенатом.

После вхождения в состав Российской империи двух казахских жузов их высший административный и судебный орган находился в Оренбурге в составе пограничного суда, в который входили царские чиновники и представители казахской знати. Кроме того, рассмотрением гражданских и уголовных дел занимались также расправы, состоявшие из родовых старшин.

Особое место в судебной системе России занимало правосудие в отношении крепостного крестьянства. Помещик единолично обладал правом суда над крестьянами, за исключением особо тяжких преступлений. Помещик в своих имениях мог создавать так называемые локальные системы управления и суда: 1) приказчик (бурмистр) или староста, назначаемый помещиком; 2) орган мирского самоуправления — староста и целовальники, избираемые крестьянами.

В целом в результате преобразования судебной системы в соответствии с «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи» был более последовательно, чем в предшествующий период, осуществлен принцип отделения судебной власти от административной. Это обеспечивалось прежде всего созданием параллельно существовавших местных судебных и административных органов власти. Тем не менее обладание губернатором правом надзора за судом с возможностью

приостановления судебных решений в значительной степени ограничивало самостоятельность судебной власти на местах.

В губерниях были введены единообразные судебные органы, что позволило организовать общий порядок делопроизводства и достаточно четкую иерархию судебных инстанций. Однако сохранялась возможность осуществления правосудия административными органами управления. Деятельность судебных учреждений России в этот период характеризовалась, как отмечает Н.Н.Ефремова, «волокитей, взяточничеством, низким умственным и моральным уровнем судей, беспечной жестокостью карательных мер, отсутствием строгой законности в деле отправления правосудия, что в значительной мере определялось и существующей организацией суда» (7, с.105).

Реформы 1775—1785 гг. способствовали упрочению сословной судебной системы. Созданные в этот период новые судебные органы отражали в первую очередь интересы дворян, так как они обладали правом осуществлять общее руководство судами и определять руководителей судебных учреждений на местах. «Засилие дворянского элемента в губерниях и уездах лишь в малой степени компенсировалось, — полагает Т.Л.Мигунова, “городовым” самоуправлением как социально-административной деятельностью приказа общественного презрения, так и социально-судебными действиями сиротских городских судов» (19, с.179).

В целом преобразования последней четверти XVIII в. способствовали продолжению модернизационных процессов в Российской империи. Законодательная политика царского правительства определялась господством в правотворчестве «просвещенного абсолютизма» идей правового государства и гражданского общества, выбор путей реализации которых ограничивался политическими интересами самодержавия и был обусловлен этническим, правовым, культурным многообразием народов России. Главное место в правоприменительном и правоохранительном механизме Российской империи отводилось сословным учреждениям, являвшимся в то время средством регулирования общественных взаимоотношений. В результате проведения реформы местных органов управления в стране были созданы общие суды трех крупнейших категорий населения и положено начало складыванию региональных судебных подсистем, в которых нашли отражение особенности местного сословного размежевания. Пределы подсудности местных судов зависели от юриди-

ческого статуса социальных групп, что несомненно отражалось на персональном составе судей.

Губернская реформа 1775 г., отражавшая в целом предложения и пожелания дворянского сословия, способствовала совершенствованию органов местного управления, включая и судебные органы. Тем не менее деятельность местных судов по-прежнему характеризовалась волокитой, взяточничеством, низким образовательным уровнем судей, неоправданной зачастую жестокостью карательных мер, недостаточным соблюдением законности в деле отправления правосудия и т.д. «В учреждениях, установленных при Екатерине II, эти новые начала получили скорее, — как отмечает А.А. Кизеветтер, — принципиальное признание, чем практическое осуществление» (15, с.154—155).

Во время правления Павла I реформы судебных органов проводились в рамках преобразования всей системы государственной власти и главной их целью были бюрократизация и централизация государственного аппарата. Однако они не смогли не только улучшить сложившуюся при Екатерине II судебную систему, а наоборот, новые судебные органы на местах не везде создавались вовремя. Там же, где они формировались, при ослабленном контроле местных органов власти и Сената, они оказывались неэффективными.

Список литературы

1. Беляев И.Д. История русского законодательства: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по юрид. спец. / МВД России. С.-Петерб. ун-т. — СПб.: Лань, 1999. — 639 с.
2. Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: Ист.-юрид. исслед. (Период 28 июня 1762 г. — 7 ноября 1775 г.). — СПб., 1901. — IV, 345 с.
3. Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. — СПб., 1905. — 45 с.
4. Екатерина II, имп. Благодетелейшая самодержавнейшая великая государыня императрицы Екатерины Вторья учреждения для управления губерний Всероссийския империи, в коих столицы. — СПб., 1780. — 238 с.

5. Екатерина II, имп. Наказ ее имп. вел. Екатерины Второй самодержицы Всероссийский, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1770. — 403 с.
6. Екатерина II. Сочинения. — СПб., 1907. — Т. XII. — Ч. 2.
7. Ефремова Н.Н. Основные этапы развития судебной системы в России в XVIII в. // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. — М., 1986. — С. 94—105.
8. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: Традиции, новации, проблемы // Государство и право. — М., 1996. — № 11. — С. 85—91.
9. Ефремова Н.Н. Судостроительство России в XVIII — первой половине XIX в.: (Ист.-правовое исслед.). Монография / РАН. Ин-т государства и права. — М.: Наука, 1993. — 192 с.
10. Ефремова Н.Н. Судостроительство Российской империи XVIII — начала XX в.: Учеб. пособие / Гос. акад. упр. им. С.Орджоникидзе; Ин-т гос. и муницип. упр. — М., 1996. — 99 с.
11. Жильцов С.В. К вопросу о приостановлении и отмене смертной казни в период «просвещенного абсолютизма» в России // Вестн. Волж. ун-та. — Сер.: Юриспруденция. — Тольятти, 2001. — Вып. 16. — С. 271—284.
12. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России: Монография / МГУ им. М.В.Ломоносова. Юрид. фак.; Отв. ред. Комиссаров В.С. — М., 2002. — 460 с.
13. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Предисл., подгот. текста Пивоварова Ю.С. — М.: Наука, 1991. — 127 с.
14. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. — М., 1909. — X, 473 с.
15. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX—XIX ст.: Исторический очерк. — М., 1910. — III, 155 с.
16. Ключевский В.О. Курс русской истории: В 9 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 5. — 478 с.
17. Краткий свод законов, определяющих должность и права: 1. Сената; 2. Сенаторов; 3. Генерал-прокурора или министра юстиции. — Б.м. и г. — 47 с.
18. Мигунова Т.Л. Административные реформы Екатерины Великой: Ист. предпосылки и результаты / Науч. ред. Романовская В.Б.; Мин-во внутр. дел Рос. Федерации. Нижегород. акад. — Н.Новгород, 2001. — 148 с.
19. Мигунова Т.Л. Российский суд во второй половине XVIII века / Науч. ред. Романовская В.Б.; Мин-во внутр. дел Рос. Федерации. Нижегород. акад. — Н.Новгород, 2001. — 271 с.
20. Новиков В. Речь, сочиненная на случай собрания Калужского дворянства для выборов судей на 1786 год и по нем следующие, и содержащая в себе изъявления благодарности

- к премудрым подвигам великия Екатерины блаженство россиян составляющим... — СПб., 1786. — 16 с.
21. О суде по совести. — СПб., 1816. — 215 с.
22. Омельченко О.А. К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве. — М., 1989. — С.68–98.
23. Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века): Учеб. пособие / Гос. ком. СССР по нар. образованию. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. — М., 1989. — 151 с.
24. Омельченко О.А. Конституция «Просвещенного абсолютизма» в России // Сов. государство и право. — М., 1989. — № 8. — С.136–142.
25. Описание канцелярского порядка, наблюдаемого в правительствующем Сенате при производстве и решении гражданских и уголовных дел, как по департаментам, так и по общему собранию / Изд. Васильев С. — М., 1824. — 87 с.
26. Переписка Екатерины Великой с Вольтером / Пер. Подлисецкого А. — М., 1803. — Ч.1–2.
27. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отеч. история. — М., 2001. — № 2. — С.3–27.
28. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отеч. история. — М., 2001. — № 3. — С.25–39.
29. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. С 1649 по 12 дек. 1825 года. — СПб., 1830 — Т.14–20.
30. Прокуратура Оренбуржья: История и современность / Прокуратура Оренб. обл.; Под ред. Чадова А.М.; Редкол: Колокольцев Б.В. и др. — Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002. — 222 с.
31. РГАДА. Ф. Сената. Кн.6449. Л.43.
32. РГАДА. Ф.248. Оп.67. Д.5961. Л.979.
33. РГАДА. Ф.248. Оп.67. Д.5961. Л.969.
34. РГАДА. Ф.248. Оп.67. Д.5961. Л.980–992.
35. РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.257. Л.220 об.
36. РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.142. Кн.1. Л.10 об.
37. РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.142. Кн.1. Л. 1–25.
38. РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.142. Кн.1. Л. 10–12 об.
39. РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.227. Ч.2. Л.43–229 (Протоколы заседаний Большого собрания депутатов, февраль-июль 1768 г.).
40. Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. / Под общ. ред. Чистякова О.И. — М.: Юрид. лит., 1987. — Т.5. — 527 с.

41. Салмина С.Ю. Прокуратура Челябинской области: Очерки истории. — Челябинск, 2001. — 347 с.
42. Сборник русских законодательных памятников XVIII столетия. Пособие при изучении истории русского права императорского периода / Сост. Грибовский В.М. — СПб., 1900. — Вып.2 (Эпоха Петра III и Екатерины Великой). — 87 с.
43. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М.: Соцэкгиз, 1964. — Кн.12 (Т.23—24). — Гл.IV—V.
44. Троцина К. История судебных учреждений в России. — СПб., 1851. — VII, 387 с.
45. Философская и политическая переписка императрицы Екатерины II с г.Вольтером/ Пер. Сопикова В. — М., 1802. — Ч.1—2.

И.П.Слободянюк

**ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И ПОДГОТОВКА
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ**

Развитие судебной системы Российской империи проходило на фоне сложнейших политических и социально-экономических процессов, имевших место в российском обществе в первой половине XIX в. Вопросы разработки проектов преобразования судостроительства и судопроизводства нашли отражение в многочисленных работах общего историко-правового характера (1; 4; 6–7; 9; 11; 13; 15; 17–18) и специальных исследованиях (2–3; 5; 8; 10; 12; 14; 16; 19–23; 26).

Еще в 1803 г. М.М.Сперанский предложил проект преобразования судебной системы, который так и не был рассмотрен. Необходимо отметить, что он впоследствии вошел в качестве составной части его «Плана государственного преобразования» (24). Затем в 1821 и 1826 гг. М.М.Сперанский предложил объединить палаты уголовного суда и палаты гражданского суда в единый губернский суд. Кроме того, председатель Государственного совета В.П.Кочубей высказал предложение о необходимости создания «мирных судов», которые рассматривали бы имущественные споры, руководствуясь совестью и здравым рассудком, а не только формами судопроизводства. Причем решения этих судов должны были быть обязательными.

Значительный интерес для исследователей представляет проект статс-секретаря М.А.Балугьянского «Рассуждение об учреждении губерний», подготовленный в 1827 г. Балугьянский предложил план созда-

ния новой судебной системы в России, во главе с Сенатом, или Верховным судом, состав которого должен был утверждаться монархом из председателей судебных палат. Функциями такого судебного органа должны были стать: рассмотрение апелляций на приговоры нижестоящих судов; разрешение споров о подсудности и рассмотрение уголовных дел по обвинению в посягательстве на императора. Сенат должен был, по мнению Балугьянского, состоять из трех департаментов: гражданских дел, уголовных дел и прошений.

Следующей за Сенатом инстанцией должны были стать судные палаты, которые должны были учреждаться по одной на две губернии, иметь в своем составе два департамента — уголовного и гражданского суда. Члены судных палат должны были назначаться пожизненно царем. Затем в проекте Балугьянского следовал уездный суд, создававшийся на один, два или три уезда. В состав уездного суда входили два департамента — тяжёбных и уголовных дел. Члены уездного суда должны были избираться на дворянских и чиновнических собраниях уезда пожизненно и утверждаться монархом.

Балугьянский предлагал создать в городах магистратские суды, которые состояли бы из председателя, назначаемого министром юстиции по представлению судной палаты, и заседателей. Последних предлагалось избирать на неопределенный срок из состава жителей, внесенных в городскую книгу без учета их сословной принадлежности.

В проекте Балугьянского было предусмотрено также создание специальных судов для крестьян, как казенных, так и помещичьих. Такой суд должен был возглавлять председатель, избираемый дворянами. Состав суда должен был включать трех или четверых заседателей, избравшихся крестьянами.

В целом проект Балугьянского при сохранении прежнего сословного принципа устройства судебной системы являлся значительным шагом вперед по сравнению с существовавшей в тот период судебной системой. Об этом свидетельствовало и значительное сокращение судебных инстанций, так как дела в сущности предлагалось рассматривать только двумя инстанциями. Кроме того, в проекте подчеркивалась необходимость установления независимости судей. В связи с чем Балугьянский предлагал ввести принцип пожизненного назначения судей. Однако проект Балугьянского, который мог бы значительно повысить эффективность судебной системы, вызвал ряд решительных возражений со стороны ближайшего окружения Николая I и был отвергнут (26, с.617).

Тем не менее необходимость реформирования судебной системы страны была очевидной. Поэтому после завершения работ по подготовке Полного собрания законов и Свода законов II Отделение Собственной его императорского величества канцелярии под непосредственным руководством М.М.Сперанского начало разработку проекта «Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам», который дорабатывала затем комиссия во главе с Д.Н.Блудовым.

Следует заметить, что работа по составлению проекта этого устава проходила одновременно с работой над «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» (25).

В 1834 г. министром внутренних дел Д.Н.Блудовым были представлены предложения о совершенствовании процесса расследования, в которых также не было значительных изменений существовавшего тогда законодательства. Данный проект по существу носил характер рекомендаций для правильного применения судебными чиновниками юридических норм, а также для ограничения их произвола. В проекте предлагалось добиться установления ответственности судебных чиновников за несправедливые приговоры, назначаемые обвиняемым в форме телесных наказаний. Кроме того, вносилось предложение о сокращении времени судебного разбирательства и установлении сроков для каждого процессуального деяния. В проекте также предлагалось создать специальные полицейские суды первой и второй степени, предназначенные для рассмотрения незначительных преступлений. Данные суды должны были рассматривать дела крестьян и городских низов. Важным предложением в проекте Блудова было предоставление возможности подсудимому в процессе следствия и суда избирать себе защитника.

Наличие некоторых новых положений в проекте Блудова не повлияло в целом на основную суть инквизиционного порядка, который оставался прежним как при расследовании, так и при рассмотрении дела в суде. Данный проект не был принят.

В 1836 г. II Отделением и Министерством юстиции был разработан «Проект о следствии», предусматривавший введение нового порядка расследования. В действительности же он практически не затрагивал существовавший прежде инквизиционный порядок расследования и формальную систему оценки доказательств. В соответствии с этим проектом устанавливалось, что в случаях обвинения помещиками своих крепостных крестьян, жалоб родителей на детей, доносов о преступлениях против самодержавия следствие могло осуществляться и без явных доказа-

тельств. Кроме того, запрещалось принимать к рассмотрению жалобы крепостных крестьян на помещиков, детей на родителей и взаимные жалобы супругов.

В проекте был довольно тщательно определен порядок расследования должностных преступлений, которым была посвящена почти половина статей, содержащихся в данном документе. Расследование, в соответствии с существовавшим в то время законодательством, делилось на две части: предварительное следствие и следствие формальное. Кроме того, в проекте вводилась еще и ревизия следствия.

Таким образом, «Проект о следствии» фактически сохранял существовавший ранее инквизиционный порядок расследования и полную зависимость суда и следствия от администрации, хотя формально он несколько отличался от действовавшего в то время законодательства. Тем не менее данный проект также не был утвержден.

Поражение России в Крымской войне 1853—1856 гг. и обострение социального положения народных масс обусловили в очередной раз постановку вопроса о необходимости проведения реформ в стране и в их контексте совершенствования деятельности судебных и следственных органов.

М.А.Филиппов отмечал большой вклад в законотворческую деятельность графа Блудова, подготовившего до 1857 г. «14 проектов, обнимавших всё судоустройство и судопроизводство, совокупность которых послужила материалом к основным положениям судебной реформы в России» (26, с.4). Указывая на медлительность процесса подготовки законопроектов, М.А.Филиппов считал, что она была обусловлена противоречиями, возникавшими между Д.Н.Блудовым и Н.И.Паниным во взглядах на предстоящую судебную реформу. «Этот антагонизм главных законодательных деятелей по судебной реформе был причиною, — писал он, — что проект гражданского судопроизводства, внесенный графом Блудовым в Государственный совет еще в 1852 году, был в том же году подвергнут рассмотрению особого комитета и окончательно внесен в Государственный совет только в 1859 году». Д.Н.Блудов возглавил комиссию по разработке «Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам», который должен был стать дополнением к «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. именно в процессуальной сфере. Следует заметить, что данный Устав судопроизводства, подготовленный в 1860 г., в значительной степени повторял основные положения «Проекта о следствии» 1837

г., хотя в этом проекте и были предложения о необходимости применения состязательного процесса в ходе судебного разбирательства.

По данному проекту следствие делилось на два этапа. Первый этап должен был предшествовать принятию решения о возможности и целесообразности продолжения расследования с учетом имевшихся доказательств. Второй начинался уже после принятия такого решения. На первом этапе должны были допрашивать находившегося под подозрением и заниматься сбором доказательств, представляемых затем уездному суду. Второй этап начинался с заседания уездного суда, в ходе которого необходимо было ознакомиться со всеми собранными доказательствами и материалами. Затем должен был выступить с докладом следователь и представить свое предложение прокурор. И наконец, уездный суд должен был рассмотреть вопрос о целесообразности продолжения данного расследования с учетом того, что предполагалось установить предельный срок содержания находившегося под стражей не более восьми суток.

В проекте предлагалось первоначальное следствие (первый этап) возложить на полицию, а второй этап поручить судебным следователям. По существу имела место попытка отделить фактически дознание, осуществляемое полицией, от предварительного расследования, которое должно было проводиться судебными органами.

В соответствии с проектом комиссии Блудова все уголовное судопроизводство было представлено следующим образом: 1) предварительное следствие, производившееся полицией; 2) собирание и рассмотрение улик (осуществляемое судебными следователями; 3) судебное следствие на основании собранных улик и доказательств.

«Важным положением, противоречившим действующему законодательству, было, — как указывает Б.В.Виленский, — предоставление обвиняемому права в завершающей стадии предварительного расследования приглашать защитника, а также и родственников, при желании последних» (3, с.71).

Сама процедура рассмотрения дела в суде по проекту Блудова практически не изменялась. При этом полностью сохранялся инквизиционный порядок прохождения дела в суде. К тому же этап предания суду не был отражен в проекте, а само судебное следствие было непосредственно связано с предварительным расследованием. Кроме того, в проекте Блудова преобладали принципы письменного оформления и формальная система оценки доказательств, что полностью соответствовало существовавшему в то время законодательству.

Таким образом, процесс рассмотрения дела в суде должен был состоять из чтения доклада, получения объяснения обвиняемого, заключения прокурора и вынесения приговора, который оглашался при закрытых дверях.

Особое место в данном проекте занимала система доказательств, включавшая: собственное признание подсудимого; показания сведущих людей (экспертов); показания свидетелей; письменные документы и совокупность улик. Как видим, классификация доказательств практически соответствовала установленной в «Своде законов Российской империи». Хотя было и некоторое различие в вопросе оценки доказательств, заключавшееся в том, что при различных точках зрения сведущих лиц (экспертов) суд был обязан принять ту точку зрения, которая была в пользу подсудимого.

В проекте было также уделено значительное внимание обстоятельствам, на основании которых обвиняемый мог обратиться в вышестоящую апелляционную инстанцию с жалобой. Прежде всего среди них выделялись: 1) утверждение приговора при явном нарушении законов; 2) в случаях, когда приговор принимался в результате преступных деяний судей, совершенных ими умышленно; 3) существенные нарушения процедуры судопроизводства.

В целом данный проект «Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам» практически не привносил ничего принципиально нового в судебное законодательство, существовавшее во второй четверти XIX в. в России, и отражал взгляды господствовавшего класса.

Практически одновременно с проектом «Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам» готовился проект судоустройства, работа над которым была завершена в конце 1859 г. В нем, в частности, предлагалось ввести в России следующую судебную систему: 1) уездные суды в составе не менее трех постоянных судей; 2) палаты, включавшие не менее пяти судей; 3) Сенат. Кроме того, для рассмотрения незначительных гражданских и уголовных дел предусматривалось создание особых мировых судов.

В пояснительной записке к данному проекту Блудов подчеркивал, что готовящееся освобождение крестьян от крепостничества повлечет за собой передачу большого количества мелких дел, решавшихся до этого помещиками, в специально созданные мировые суды.

Важно отметить, что в проекте было указано на неудовлетворительное состояние надзора, который осуществлялся Министерством юстиции. В связи с чем предлагалось функции надзора поручить особому чиновнику.

Следует особо подчеркнуть, что данный проект, хотя и не был утвержден, он в значительной степени отличался от представленных выше. Прежде всего тем, что в нем уже просматривались основные контуры готовившейся судебной реформы.

«Основные положения судебного преобразования» были утверждены императором Александром II 29 сентября 1862 г. и направлены в соответствующие учреждения для обсуждения. В результате чего было получено большое число замечаний, 446 из которых были учтены. После этого проекты Судебных уставов были доработаны комиссиями, во главе которых стояли Н.А.Буцковский, С.И.Зарудный и А.М.Плавский, и в декабре 1863 г. были переданы на рассмотрение в Государственный Совет. «Составленные проекты, — как признавалось, — «законодательный и вместе с тем умственный памятник, который должен служить в отдаленном потомстве величайшей честью нашего времени» (что мы можем с удовлетворением признать в XXI в.)» (21, с.8), — пишет Н.В.Радутная.

Что касается развития судебной системы страны, то она практически сохранялась в том виде, в каком она сложилась еще в конце XVIII — начале XIX в. Особенно наглядно это отражено на местах, на уровне уездов и губерний. Главами административных органов в губернии были губернаторы, опиравшиеся в своей деятельности на губернские правления.

В соответствии с законом 1845 г. губернское правление состояло из общего присутствия и канцелярии. Председательствовал на общем присутствии губернатор, а оно само включало вице-губернатора, советников и ассессоров. Возглавляли губернии губернаторы, а на окраинах страны главами губерний обычно назначали генерал-губернатора.

В начале 30-х годов XIX в. были в 2 раза увеличены сроки пребывания на выборных должностях в судебных учреждениях. «Закон 1831 г. для выборных должностей вводил, — пишет В.Бочкарев, — по судебному ведомству шестилетний срок, взамен прежнего трехлетнего, и вместе с тем уравнивал выборную службу с правительственной» (1, с.209). К тому же в Манифесте от 6 декабря 1831 г. вводилась выборная система для председателей губернских судебных палат, которые ранее назначались на эти должности. При этом подчеркивалось, что избираться они непременно должны дворянством (там же).

Очевидно, такими мерами царское правительство пыталось привлечь к работе в органах управления видных представителей местного дворянства. Однако, как указывает В.Бочкарев, «на судебные должности преимущественно попадали представители мелкопоместного дворянства, все же, что было в губернии покрупнее и позначительнее, или совсем не служило, или старалось сделать блестящую карьеру в столице, в высших правительственных учреждениях» (там же).

В уезде функционировал, как и прежде, нижний земский суд, который возглавлял руководитель уезда капитан-исправник. Правда, в 1837 г. местная судебная система была незначительно преобразована. Земский суд теперь включал исправника, неперменного заседателя и двух сельских заседателей.

Во главе волостей были волостные правления (волостной голова, заседатели и писарь), станами руководили приставы.

Рассуждая об образовательном уровне судей, В.Бочкарев указывал, что «образовательного ценза для судей закон не устанавливал, и каждый дворянин, имеющий какой-нибудь чин, или купец, приписанный к гильдии, мог быть избран на любую должность в местных судебных установлениях...», вследствие чего «в судах первой инстанции неграмотные или малограмотные составляли большинство» (1, с.211). Даже Сенат не всегда был укомплектован достаточно образованными чиновниками. Так, «в 1841 г., например, в семи петербургских департаментах Сената и двух общих собраниях, имевших отдельные канцелярии, было всего только шесть человек с высшим образованием» (там же).

Однако «главной язвой, разъедавшей старые суды, было, — подчеркивает В.Бочкарев, — поголовное взяточничество, в котором повинны были решительно все, от мелкой приказной сошки до сильных высокопоставленных чиновников министерства юстиции» (1, с.213). О повсеместном распространении взяточничества в судебных учреждениях красноречиво свидетельствует тот факт, «что сам министр юстиции, граф Панин, составляя рядную запись в пользу своей дочери в петербургском уездном суде, вынужден был, в силу обычая, дать, правда, не лично, а через директора департамента Топильского, 100 рублей надсмотрщику, в руках которого находилось это дело» (1, с.216).

Волокита была в то время характерна практически для всех судебных учреждений, включая и Сенат. «Дела иногда в одной первой инстанции залеживались по 10—15 лет, а по известному делу Шидловских, — как указывает В.Бочкарев, — в течение семи лет Сенатом было издано

до 12 противоречивых указов; и только через 20 лет решен был формальный вопрос о порядке направления этого дела; по существу же оно ни разу не разбиралось в течение всего этого времени» (1, с.229).

В целом «в старых судах во всем решительно господствовала, — как указывает В.Бочкарев, — канцелярия, и секретарь, как знаток бумажного крючкотворства, играл в ней первенствующую роль. Заседатели являлись простыми статистами, а в большинстве случаев просто отсутствовали во время разбора тех или иных дел» (1, с.213).

Известный историк О.В.Ключевский, касаясь характера правления императора Николая I, подчеркивал, что он «определился не 14 декабря; оно было прямым продолжением последнего десятилетия царствования Александра...», что за первую половину XIX столетия Россия «немного сделала шагов вперед: отодвинуться некуда было» (9, с.257). Тем не менее к концу царствования Николая I в органах местного управления появились тенденции к сближению представителей различных сословий и совместной их деятельности с центральными властями.

Наиболее яркой характерной чертой, отразившейся в политике Николая I в области государственного устройства России, было то, что Собственная его императорского величества канцелярия фактически по своему функциональному значению была выше всего государственного аппарата управления. Причем небольшая группа высших чиновников из ближайшего окружения императора принимала решения по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. Во время правления Николая I в структуре данной канцелярии было образовано шесть отделений, которые по своему функциональному назначению практически не отличались от действовавших в то время министерств. Особое место в деятельности канцелярии занимало II отделение, осуществившее большую работу по завершению кодификации российского законодательства и участвовавшее в подготовке различных проектов по совершенствованию аппарата управления, в том числе и судебных учреждений страны.

В целом судебная система второй четверти XIX в. мало чем отличалась от структуры судостроительства последней четверти XVIII в. В нее входили особые суды для дворян, горожан, крестьян, специальные коммерческие, совестные, межевые и т.д. Кроме того, имели право выполнять судебные функции и такие административные органы, как губернские правления, управления полиции и др. В частности, «к концу первой половины XIX в. оказалась подробно разработана, — отмечает Л.И.Земцов, — структура крестьянского самоуправления (на примере

казенных деревень), частью которой были судебные функции, в том числе и с правом суда по мелким проступкам в крестьянской среде» (7, с.74).

Таким образом, можно вполне согласиться с утверждением Н.Н.Ефремовой о том, что изменения в судебной системе «проводились в основном по следующим направлениям: 1) ограничение числа инстанций; 2) изменение правил делопроизводства с целью его ускорения; 3) декларирование ограничения вмешательства администрации в отправление правосудия; 4) повышение образовательного уровня кадрового состава судебного ведомства» (6, с.191). Но даже эти незначительные перемены осуществлялись зачастую медленно и недостаточно эффективно, не затрагивая саму структуру и принципы организации судебной системы России.

Судебные учреждения находились под сильным влиянием административных органов. Полиция осуществляла проведение следствия и исполнение приговора. Она также нередко брала на себя и судебные функции по незначительным делам. Рассмотрение дел в суде происходило при закрытых дверях. К тому же в судебных учреждениях процветали повсеместное взяточничество и волокита. Все это свидетельствовало о серьезном кризисе судебной системы России, практически не претерпевшей существенных изменений со времени «Учреждения для управления губерний» 1775 г., и о насущной необходимости ее реформирования. —июле 1862 года основные начала судебной реформы были выработаны, — как отмечает В.И.Власов, — Государственной канцелярией во главе с В.П.Бутковым и его главным сотрудником Сергеем Ивановичем Зарудным (1821—1887), при деятельном участии прикомандированных видных юристов Николая Андреевича Буцковского (1811—1873), Дмитрия Александровича Ровинского (1824—1895), Константина Петровича Победоносцева (1827—1907), Николая Ивановича Стояновского (1820—1900), А.М.Плавского и чинов Государственной канцелярии: П.Н.Даневского, С.П.Шубина и А.П.Валинбахова, а затем рассмотрены соединенными департаментами Государственного Совета» (4, с.437).

Таким образом, в подготовке проектов судебной реформы принимали участие видные государственные деятели и юристы России. Необходимо также иметь в виду, что подготовленные проекты основывались во многом на прешествующих законодательных актах. Как отмечается в третьем томе шеститомного издания «Судебная власть в России: История, документы», «многие уголовно-процессуальные нормы Свода зако-

нов “плавно” перетекли в Устав уголовного судопроизводства, где стало восприниматься в качестве органически присущих именно “пореформенному” процессу» (13, с.286—287).

Очень высокую оценку проектов, связанных с подготовкой судебной реформы 1864 г. в России, дал известный юрист А.Ф.Кони: «Эти Уставы были плодом возвышенного труда, проникнутого сознанием ответственности составителей их пред Россией, жаждавшей правосудия в его действительном значении и проявлении» (10, с.33).

Следует также в полной мере согласиться с утверждением автора вступительной статьи к новому изданию работы Г.А.Джаншиева «Основы судебной реформы» С.В.Марасановой: «Анализируя предпосылки реформ XIX и XX вв., можно лишь вслед за Г.А.Джаншиевым признать: там, где суд защищает власть, а не право, и устроен так, чтобы наилучшим образом делать это, там трансформации неизбежны, что весьма убедительно подтверждается ходом реформ» (5, с.8).

Список литературы

1. Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа. — М., 1915. — Т.1. — С.205—241.
2. Валиханов Ч. Записка о судебной реформе / Высшая школа права «Еділет»; Вступ. ст. и прим. Ударцева С.Ф. — Алматы, 1999. — 98 с.
3. Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. — Саратов, 1963. — 147 с.
4. Власов В.И. История судебной власти в России. Книга первая (1019 — 1917). — М.: Спутник+, 2003. — 623 с.
5. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: Сборник статей. — М.: Статут; РАП, 2004. — 316 с.
6. Ефремова Н.Н. Судостроительство России в XVIII — первой половине XIX в.: (Ист.-правовое исслед.). — М.: Наука, 1993. — 192 с.
7. Земцов Л.И. Законодательные акты о крестьянском самосуде (вторая половина XVIII — первая половина XIX века) // Исторические записки. — Воронеж, 2002. — Вып.8. — С.64—75.
8. Золотарев В.В. К вопросу о судебной реформе и контрреформе в России в 1850 — 1880 годы / Рос. акад. естеств. наук. Отд-ние военной истории, культуры и права. — М.: Междунар. благотвор. обществ. фонд «Победа — 1945 год», 2001. — 179 с.
9. Ключевский В.О. Сочинения. — М.: Госполитиздат, 1958. — Т.V. — 503 с.

10. Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных уставов. — М.: Статут; РАП, 2003. — 352 с.
11. Конституционные проекты в России (XVIII — начало XX в.) / Отв. ред.: Бертолисси, Сахаров А.Н. — М., 2000. — 816 с.
12. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. — 185 с.
13. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы: В 6 т. — М.: Мысль, 2003. — Т. III. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / Отв. ред. Наумов А.В. — 829 с.
14. Масалимов А.С. Судебная реформа 1864 года: историко-правовой экскурс // Вестн. Вост. ин-та экономики, гуманитар. наук, упр. и права. — Уфа, 2000. — № 12/13. — С.106–115.
15. Никишенков А.А. Крестьянство в судебной системе Российского государства // Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX — начале XX века. — М., 2003. — С.37–68.
16. Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. — М., 2003. — № 2. — С.161–182.
17. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: Обычай, повинность, право // Отеч. история. — М., 2001. — № 2. — С.3–27.
18. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: Обычай, повинность, право // Отеч. история. — М., 2001. — № 3. — С.25–39.
19. Подосенов О.П. К истории разработки судебной реформы России 1864 года // Вопросы теории и истории государства и права: Сб. науч. ст. — Красноярск, 1999. — С.36–42.
20. Попова А.Д. Судебная реформа 1864 года // Вестн. Акад. права и упр. — М., 2001. — № 1. — С.44–51.
21. Радутная Н.В. «Жизнь в правосудии и правосудие в жизни»: Вступительная статья// Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных Уставов. — М., 2003. — С.7–30.
22. Смыкалин А. От реформ Екатерины II к судебной реформе 1864 года // Рос. юстиция. — М., 2001. — № 3. — С.39–42.
23. Смыкалин А. Судебная реформа 1864 года // Рос. юстиция. — М., 2001. — № 7. — С.39–43.
24. Сперанский М.М. План государственного преобразования гр. М.М.Сперанского. — М., 1905. — VI, 359 с.
25. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X — XX веков. — М., 1988. — Т.6. — С.174–309.
26. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. — СПб., 1871. — Т.1. — Ч.1 — 622 с.

II. РЕФЕРАТЫ

ИСТОРИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ, IX – НАЧАЛО XX в. (Реферативный обзор)

1. Власов В.И. История судебной власти в России: Книга первая (1019–1917). – М.: Спутник+, 2003. – 623 с.
2. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы: В 6 т. / Науч. консультант проекта Скрипилев Е.А. – М.: Мысль, 2003.
Т. I. Начала формирования судебной власти / Отв. ред. Золотухина Н.М. – 701 с.
Т. II. Период абсолютизма / Отв. ред. Колунтаев С.А. – 848 с.
Т. III. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / Отв. ред. Наумов А.В. – 829 с.
Т. IV. На рубеже веков: Эпоха войн и революций / Отв. ред. Исаев И.А. – 677 с.
3. Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. – М., 2003. – № 2. – С.161–182.
4. Судебная система России: История и современность: Материалы региональной научной конференции (25–26 сентября 2001 г.). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 188 с.
5. Эдельман О. Следствие и суд в дореформенной России // Отечественные записки. – М., 2003. – № 2. – С.188–195.

В обзоре рассматриваются вопросы становления и развития судебной власти в России в IX – начале XX в., нашедшие отражение в научных публикациях, предпринятых в последние годы. Важно отметить, что отдельным проблемам развития судебных органов России, их преоб-

разованию на различных этапах развития нашей страны посвящено значительное число работ. К ним следует отнести прежде всего исследования С.Пашина (3) и О.Эдельман (5), а также сборник «Судебная система России: История и современность» (4). Особенно много публикаций затрагивают вопросы проведения судебной реформы 1864 г. в России, введения суда присяжных, института мировых судей и др. Однако данный комплекс проблем требует специального рассмотрения.

В работе С.Пашина дается краткий обзор развития системы правосудия в России XI–XVIII вв. «В эпоху царя Алексея Михайловича принимается Соборное уложение 1649 года и широкое распространение приобретает, — пишет автор, — роковая формула розыскного процесса по делам о государственных преступлениях “слово и дело”; практически любое дело, начатое по частной инициативе в рамках обвинительного процесса, могло по усмотрению царских чиновников превратиться в “розыск”» (3, с.161). В статье С.Пашина значительное место занимают вопросы, связанные с реформой судебных учреждений в эпохи Петра I и Екатерины II, особенно отдельные проблемы подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. в России. Рассматривая важнейшие результаты этой реформы, автор отмечает, что «наиболее ярким и памятным достижением Александра II было учреждение равного для всех сословий суда с участием присяжных заседателей» (3, с.163).

Подводя итоги судебных реформ и контрреформ в России, С.Пашин выделяет несколько уроков: 1) «для реформ нужна политическая воля верховной власти»; 2) «реформы не могут осуществить привыкшие к другим формам деятельности ведомства и прежние сановники; должны быть выдвинуты, поддержаны и защищены новые кадры»; 3) «силы торможения реформ не уходят с арены, а ждут своего часа, чтобы, воспользовавшись политической ситуацией либо замешательством реформаторов, скомкать и свести на нет реформы»; 4) «даже царской власти в огромной России недостаточно, чтобы провести преобразования единомоментно и повсеместно»; 5) «наблюдается не раз отмеченная ранее картина: наряду с правовыми ординарными судебными учреждениями действуют механизмы огульного произвола» (3, с.166–167).

В статье О.Эдельман рассматриваются вопросы деятельности судебных органов и организации процесса в дореформенной России. В ней уделяется значительное место проблемам организации судебного разбирательства дела декабристов. «Декабристское следствие было во многом архаично и подчинено, — пишет автор, — традициям предшествовавшего

века», так как «оно не знало подразделения на обвиняемых и свидетелей» (5, с.194). Характеризуя кодификацию российского законодательства как важное достижение в развитии права, О.Эдельман в то же время отмечает, «что сознание, ориентированное на нормы обычного права, мыслит категориями не Закона, а Справедливости, понимаемой на уровне простого здравого смысла» (5, с.195).

В сборник «Судебная система России: История и современность» (4) включены материалы региональной научной конференции, в которых нашли отражение вопросы истории российского судоустройства и судопроизводства в условиях административно–территориальных образований Северного Кавказа. Большая часть сборника посвящена проблемам реформирования региональных судебных органов в соответствии с Судебными уставами 1864 г. Следует назвать статью Д.П.Геворкьяна, в которой рассматриваются особенности судебной системы Дагестанской области во второй половине XIX в. (4, с.8–14), две работы И.В.Зозули, посвященные институту суда присяжных на примере Кубанской и Ставропольской губерний и специфике рассмотрения уголовных дел в Екатеринодарском и Владикавказском окружных судах на рубеже XIX–XX вв. (4, с.14–38), статью Г.Н.Малаховой, главное внимание в которой уделяется проблемам реформирования судопроизводства у горцев Терской области в 60 – 70-е годы XIX в. (4, с.50–54) и др.

Центральное место в освещении данной темы занимают несомненно монография В.И.Власова (1) и шеститомное фундаментальное издание О.Е.Кутафина, В.М.Лебедева и Г.Ю.Семигина, материалы четырех томов которого отражены в обзоре (2).

Монография В.И.Власова, состоящая из трех частей (шесть глав), посвящена проблемам развития отечественного судоустройства и судопроизводства в период с 1019 по 1917 г. В ней уделяется также большое внимание общим вопросам теории судебной власти, структуре судебных органов и изменявшейся правовой регламентации их деятельности. В.И.Власов предлагает следующую периодизацию становления и развития системы судоустройства и судопроизводства в России:

«I. Предыстория возникновения судебной деятельности (до IX века).

II. Собственно история судоустройства и судопроизводства:

- 1) княжеского периода (IX–XV вв.);
- 2) периода централизованного государства (XV–XVII вв.);
- 3) периода империи (начало XVIII – первая половина XIX в.);

4) пореформенного периода (1864–1917);

5) советского времени (1917–1993);

III. Постистория (после 1993 г.)» (1, с.21).

В первой части работы рассматриваются проблемы философско-правовой природы судебной власти. Указывая на ее важность и значение, автор подчеркивает, что «конституционное законодательство закрепило за судебной властью компетенцию разрешения спорных вопросов и конфликтов как между гражданином и государством, государством и гражданином, так и между различными ветвями власти» (1, с.79).

Вторая часть монографии В.И.Власова посвящена вопросам становления и развития судоустройства и судопроизводства в период с IX в. до судебной реформы 1864 г. Характеризуя преобразование судебных органов в годы правления Екатерины II, автор отмечает, что данная «система судов, с позднейшими изменениями, была закреплена Сводом законов 1832 года и просуществовала до 1864 года» (1, с.434).

В третьей части рассматриваются проекты подготовки судебной реформы, характеризуются судоустройство и судопроизводство по Судебным уставам 1864 г., значительное внимание уделяется введению института мировых судей и их деятельности. Касаясь периода контрреформ, В.И.Власов отмечает, что «попытки реакционных помещичьих кругов добиться отмены Судебных уставов 1864 года не увенчались успехом, и не могли увенчаться, ибо шла исторически предопределенная перестройка феодального правосудия в соответствии с теорией разделения власти и началами буржуазного уголовно-процессуального права» (1, с.605).

Следует особо отметить, что каждый том шеститомного издания О.Е.Кутафина, В.М.Лебедева и Г.Ю.Семигина содержит достаточно обширные исторические и историографические очерки, а также важные источники права и законодательные акты, регламентировавшие деятельность судебных органов и порядок организации процесса. Авторы данного издания предлагают следующую периодизацию истории судебной власти в России: «Возникновение и развитие государственности и судебной системы в период XI–XVII вв.; судебная власть в период становления абсолютной монархии; время совершенствования правовой системы от Свода законов до Реформы 1864 г.; послереформенный период развития судебной власти на рубеже XIX–XX столетий до октября 1917 г.; период советского государства и, наконец, состояние судебной власти в современной России до наших дней» (2, Т.I, с.7).

Первый том охватывает большой хронологический период, начиная с формирования судебных органов в Древней Руси и до конца XVII в. В нем характеризуется «развитие общественных отношений от добровольного соблюдения обычаев и традиций до обеспечения их выполнения принудительными средствами через законы и суд» (там же). Центральное место отводится вопросам возникновения судебных органов в Древней Руси, анализу первых письменных источников права о судоустройстве и судопроизводстве, развития судебных органов в период образования централизованного русского государства и формирования сословно-представительной монархии.

«В Киевской Руси судебная власть формировалась, — указывается в первом томе, — в основном посредством княжеских грамот, и ее организация получила наиболее полное отображение в Русской Правде, в составлении которой первенствующая роль принадлежала великим князьям киевским: Ярославу Мудрому, его сыновьям — Святославу, Изяславу и Всеволоду и Владимиру Мономаху» (2, Т. I, с. 54). Характеризуя источники права Древнерусского государства авторы отмечают, что «содержание Псковской судной грамоты и дополняющих ее вышеозначенных договоров со всей очевидностью свидетельствует о том, что судоустройство и судопроизводство Новгородской и Псковской республик имели существенные отличия от судебной системы, сложившейся как в Киевской Руси, так и в других государствах-княжествах, образовавшихся на ее территории в результате феодальной раздробленности» (там же, с. 79).

Рассматривая основные положения Судебников 1497 и 1550 гг., регламентировавших деятельность судебных органов Московского государства, авторы подчеркивают, что «по уровню юридического мышления и разработке ряда правовых институтов Судебник 1589 г.» значительно их превосходил (там же, с. 156).

Представление о судебном процессе дают следующие опубликованные в томе документы, которые оформлялись в течение рассмотрения дела в соответствующем судебном органе: «челобитные, поручные записи, приговор Земского суда; запись расспросных речей; протокол розыска лица, обвиненного в оскорблении царя; дело об освобождении из тюрьмы неправомерно оговоренного лица» (там же, с. 245).

Рассматривая развитие судопроизводства во второй половине XVII в., авторы отмечают, что оно характеризовалось прежде всего частичным изъятием «лиц духовного сана из-под государственного суда,

которому они были подчинены по Уложению 1649 г., с передачей их совместно с мирскими лицами, принадлежащими церкви, включая монастыри, церковным инстанциям в лице епархиальных архиереев и патриарха» (там же, с.337). В целом же происходит значительная либерализация порядка судопроизводства и системы наказаний.

Пятая глава первого тома посвящена истории церковного суда России в X–XVII вв. «Наиболее ранними законодательными памятниками на Руси, определившими юрисдикцию церковного суда и установившими круг лиц, подведомственных церковному суду, а также права и обязанности церковной и светской власти в области судопроизводства, были, — отмечается в главе, — Уставы великих князей Киевских Владимира Святославича, Ярослава Мудрого и Уставы удельных князей: новгородского князя Всеволода Святославича, смоленского князя Ростислава Мстиславича и некоторые другие» (там же, с.518). Характеризуя церковное судопроизводство в России XVI–XVII вв., авторы подчеркивают, что в значительной степени оно «было сходно с гражданским и уголовным процессом, применяемым в светских судах» (там же, с.540).

Во втором томе рассматриваются развитие судебной системы России с 1676 до 1832 г., проблемы преобразования судебных органов в годы правления Петра I и Екатерины II, попытки их реформирования в начале XIX в., вопросы влияния европейской правовой культуры на российское законодательство и порядок судопроизводства. «Характерной особенностью рассматриваемого периода являлось то, — отмечают авторы, — что основным действующим сводом законов было Соборное уложение 1649 г.» (2, Т.II, с.11). Авторы подразделяют представленную в томе историческую эпоху на пять хронологических периодов: 1) 1676–1696 гг.; 2) 1696–1725 гг.; 3) 1725–1762 гг.; 4) 1762–1801 гг.; 5) 1801–1832 гг. Характеризуя первый период, авторы указывают, что «в судебную систему не вносятся серьезные изменения, но все более проявляется сословный характер ее организации в силу укрепления правового статуса сословий» (там же, с.13). В течение второго периода происходит, пишут авторы, юридическое оформление абсолютной власти монарха и «закрепляются основные институты абсолютистского государства», вводится коллегиальный принцип в деятельности административных и судебных органов, «создается особая церковная судебно-административная система, как часть государственной, существенно ограничившая независимость церковной власти от светской», формируются учреждения военной юстиции (там же). Во время третьего периода (1725–1762) предпринимаются попытки отказаться от некоторых пет-

ровских преобразований. Так, в сфере судоустройства «произошел отказ от созданных в первую четверть XVIII в. местных судебных органов, их судебные функции были переданы губернаторам и воеводам, т.е. представителям правительственной власти на местах» (2, Т. II, с. 14). На четвертый период (1762–1801) «приходится пик развития абсолютной монархии», создаются сословные суды, осуществляется определенная либерализация общественных отношений, нашедшая «отражение в уголовном и процессуальном законодательстве» (там же). Пятый период (1801–1832) характеризуется авторами как начало кризиса абсолютистского государства. В этот период в условиях дальнейшей бюрократизации государственного аппарата удалось осуществить систематизацию российского законодательства. Тем не менее «это не привело, — полагают авторы, — к существенным изменениям в судебной системе» (там же).

Третий том охватывает достаточно короткий хронологический период (с 1832 г. до конца XIX в.), в течение которого была осуществлена подготовка и проведена судебная реформа 1864 г., было создано одно из самых прогрессивных законодательств о судоустройстве и судопроизводстве. Хотя в историческом очерке, с которого начинается данный том, указаны конкретные хронологические рамки (1832–1864), в содержание тома включены документы и материалы, касающиеся проблем реализации судебных уставов 1864 г. и совершенствования уголовного и процессуального законодательства. Так, например, в том включены отчеты Министерства юстиции России за 1866 и 1867 гг. (2, Т. III, с. 561–570), «Результаты деятельности мировых судей (1866–1890)» (там же, с. 558–560), «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» в редакции 1885 г. (там же, с. 748–756), другие материалы и публикации, характеризующие нормативную базу дореформенной судебной системы, авторы подчеркивают, что ее основу составляли «в первую очередь законодательные акты Свода законов 1832 г.: Свод законов уголовных, законодательство о судебной системе и судоустройстве, о гражданском судопроизводстве, об уголовном судопроизводстве», а также законодательные акты, принятые в последующие годы: «Военно-уголовный устав Свода военных постановлений 1839 г., нормы о военном уголовно-процессуальном законодательстве (также по Своду военных постановлений 1839 г.), Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» (там же, с. 9). Большое внимание уделяется также материалам, связанным с подготовкой проектов судебной реформы 1864 г. Авторы указывают важнейшие принципы судебной реформы, закрепленные в «Ос-

новых положениях» 1862 г., «основными из которых С.И.Зарудный считал: 1) отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной, а в гражданском судопроизводстве — отделение власти судебной от обвинительной; 2) принцип гласности; 3) несменяемость судей; 4) устройство самостоятельной мировой юстиции для дел маловажных отдельно от общих судов; 5) устройство прокурорского надзора; 6) введение присяжных поверенных и их советов; 7) учреждение присяжных заседателей; 8) отмена в уголовном судопроизводстве теории формальных доказательств; 9) учреждение кассационного суда; 10) создание нотариата» (там же, с.15).

Судебные уставы — «Учреждение судебных установлений», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав уголовного судопроизводства» и «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», — утвержденные императором Александром II, составили основное содержание судебной реформы. «Судебную реформу готовили, — отмечают авторы, — яркие специалисты в области права и правосудия, большая заслуга принадлежит и тем, кто претворял идеи этой Реформы на практике» (там же, с.22). Авторы разделяют точку зрения известного русского юриста А.Ф.Кони, который к «отцам» судебной реформы относил Д.А.Ровинского, С.И.Зарудного, Н.И.Стояновского и Н.А.Буцковского, а «детьми» судебной реформы он считал прежде всего «известнейших российских адвокатов, присяжных поверенных — В.Д.Спасовича, К.И.Арсеньева, Ф.Н.Плевако, А.И.Урусова, практически воплотивших в своей деятельности основные принципы Судебной реформы и давших образцы судебного ораторского искусства в России» (там же, с.22–23).

В четвертом томе отражены изменения, произошедшие в судебной системе России в конце XIX — начале XX в. Они проходили в контексте модернизации страны и сочетались с довольно быстрым развитием новых отраслей права и существованием ряда полуфеодальных пережитков, что несомненно способствовало формированию противоречивого характера судебной системы и ее значительной политизации. Несмотря на то, что четвертый том имеет название «На рубеже веков: Эпоха войн и революций», значительная часть исторического и историографического очерков посвящена проблемам реализации судебных уставов во второй половине 60-х — 90-е годы XIX в. Авторы уделяют значительное внимание проблемам, связанным с сохранением некоторых сословных элементов, вошедших в новую судебную систему: образование общих и местных судов, последние из которых «по своей юрисдикции были явно ориенти-

рованы на крестьянскую массу» (2, Т.IV, с.8). Кроме того, в отличие от окружных судов в судебных палатах вместо присяжных заседателей принимали участие сословные представители от помещиков, мещан и крестьянства, сохранялись также «волостные крестьянские суды, по сути своей, процедурам и компетенции суды сословные» (там же). После убийства императора Александра II были приняты чрезвычайные меры, пишут авторы, которые «заметно усилили влияние политической и административной власти, соответственно приведя к ограничению и сворачиванию сферы судебной власти» (2, Т.IV, с.11–12). «Так, в 1882 г. были увеличены, — указывают авторы, — размеры наказаний (заключение в тюрьму), назначаемых мировыми судьями, а в 1889 г. резко сокращено число дел, подведомственных суду присяжных» (там же, с.18).

В четвертом томе значительное внимание уделяется работе комиссии под председательством министра юстиции Н.В.Муравьева, учрежденной в апреле 1894 г., главной целью которой было совершенствование основных принципов судостроительства и судопроизводства применительно к новым политическим и социальным условиям. В 1899 г. работа данной комиссии была завершена. Итогами ее деятельности стали внесение изменений в 4500 статей «Учреждения судебных установлений», «Устава гражданского судопроизводства», «Волостного устава» и подготовка ряда проектов, материалов и записок (там же, с.19). Авторы отмечают, что все «комиссии, работавшие над совершенствованием судебных уставов в период с 1894 по 1904 г., пытались приспособить уставы к современным условиям», внося изменения в систему организации и деятельности судебной власти одновременно «с изменениями в сфере материально-го права, прежде всего уголовного» (там же, с.20).

В условиях революции 1905–1907 гг. государство ответило, как отмечается в томе, на «революционный террор» усилением «уголовно-репрессивной деятельности, в значительной мере осуществлявшейся через систему судебных учреждений» (там же, с.21). Так, в августе 1906 г. были созданы военно-полевые суды, которые просуществовали менее года. Однако «жестокость и краткость процедуры расследования, особый порядок обвинения, защиты и исполнения наказания, крайне малые сроки, отведенные для обжалования решений, делали эти суды грозным оружием в руках правительства» (там же, с.22).

В начале Первой мировой войны «были восстановлены некоторые принципы судостроительства и судопроизводства, имевшие место в период революции 1905 г.» (там же). Следует отметить, что военно-полевые

суды находились «под полным контролем военных властей» (2, Т.IV, с.23). Кроме того, им предоставлялось право рассматривать дела гражданских лиц, включая и иностранцев.

После Февральской рефолуции 1917 г. были созданы «специальная юридическая комиссия для согласования судебных уставов с происшедшими переменами в социальной, политической, государственной сферах», а также Высший дисциплинарный суд, главной задачей которого было решение кадровых и организационных вопросов в сфере юстиции (там же, с.25).

В период с февраля по октябрь 1917 г. «судебная власть подверглась, — как отмечают авторы, — широкой демократизации и вместе с тем вновь была существенно политизирована» (там же, с.27).

В.Н.Бабенко

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИИ В 1864–1917 гг. (Реферативный обзор)

1. Аяцков Д.Ф., Галкин Ю.В., Олесеюк Е.В. Отечественное правосудие в XIX в.: Практика и уроки реформирования // Социально-гуманитарные знания. – М., 2003. – С.241–257.
2. Демичев А.А. Деятельность российского суда присяжных в 1864–1917 гг.: Историко-социальные аспекты: (На материалах Московского судебного округа): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Н. Новгород, 1998. – 21 с.
3. Демичев А.А. Становление суда присяжных в Нижегородской губернии (60–70-е гг. XIX в.) // Исследования по истории России: Межвуз. сб. науч. трудов. – Н. Новгород, 1996. – С.106–113.
4. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: Традиции, новации, проблемы // Государство и право. – М., 1996. – № 14. – С.85–91.
5. Казанцев С.М. «Судебная республика» царской России // Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. – Л, 1991. – С.3–19.
6. Кононенко В.И. Мировой суд в России // Адвокат. – М., 1998. – С.102–106.
7. Лонская С.В. Мировой суд в судебной системе пореформенной России // Правоведение. – СПб., 1995. – № 3. – С.97–101.
8. Петрухин И.Л. Суд присяжных: Проблемы и перспективы // Государство и право. – М., 2001. – С.5–19.
9. Шаркова И.Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. – М., 1998. – № 9. – С.79–85.

В настоящем обзоре дана краткая характеристика судебной системы России в 1864–1917 гг., сделан акцент на сущности и функциях

суда присяжных и мирового суда, на основных направлениях судебной контрреформы.

Н.Н.Ефремова (4) отмечает, что судебная реформа, проводимая ныне в нашей стране, обострила интерес к истории становления национального правосудия, его генезису и основным этапам эволюции. Это вполне объяснимо: ее успех, а равным образом успех государственно-правовых реформ в целом, в известной мере связан, а возможно, и зависит от того, насколько их программы учитывают «отечественный исторический опыт и уроки прошлых кардинальных изменений политико-правовых институтов» (4, с. 85). Не стоит игнорировать также положительный мировой опыт, в первую очередь, западноевропейский.

Вместе с тем, та же история учит, что слепое, механическое заимствование иноземных образцов, моделей, попытки их внедрения при проведении реформ, направленных на модернизацию политической и общественной жизни, не были эффективными и, как правило, приводили к скорым контрреформам. Поэтому помимо учета социально-политической обстановки реформатору необходимо учитывать и национальную специфику и менталитет народа. Это положение достаточно иллюстрирует опыт судебной реформы 1864 г., законодательной основой которой были утвержденные 20 ноября 1864 г. Судебные уставы. Официальное наименование составивших их актов — «Устав Уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Учреждение судебных установлений» и «Устав о наказаниях уголовных и исправительных, налагаемых мировыми судьями». Они определили новые демократические принципы судостроительства и процесса. Провозглашалось отделение судебной власти от административной, независимость и несменяемость судей, отменялся сословный принцип организации суда, сокращалось число судебных инстанций (с 14, составлявших дореформенную судебную систему, до трех: окружной суд, судебная палата, Сенат).

Цели судебной реформы были выражены в Указе, утверждавшем Судебные уставы. Мировой суд был выборным, состав же общих судов назначался императором по представлению министра юстиции. Сочетание принципов выборности и назначения при комплектовании судейского корпуса является традиционным для российской юстиции. Организации правосудия в России традиционно присуще также сочетание суда коронного, профессионального, или субъекта государственной власти, и суда общественного, народного, например, в лице присяжных заседателей,

созданного в ходе судебной реформы 1864 г., либо их исторических аналогов — народных заседателей в советском суде, сословных заседателей в дореволюционных судебных палатах, расправах, городских, магистратах и земских судах. Суд присяжных стал выразителем общественного правосознания, народных представлений о справедливости и был призван охранять права человека.

«Отцы» судебной реформы, разработавшие новые основы судебного права, учитывали как отечественный, так и зарубежный опыт. Свидетельство тому — содержание 74 томов «Дела по преобразованию судебной части в России», собранных С.И.Зарудным (4, с. 86). Этот плодотворный метод помог создать выдающиеся акты эпохи — Судебные уставы 1864 г., основанные на прогрессивных принципах, хотя и не вполне соответствовавших политической системе самодержавной России. В результате судебная реформа была обречена на поэтапный метод проведения, а в скором времени и на изменение ее основополагающих правовых принципов.

В частности, суд присяжных — одно из достижений судебной реформы — с трудом укоренился в России. Тем не менее его создание представляло собой уникальный и смелый опыт решения жизненно важных вопросов человеческого бытия. Это было принципиальное, демократическое нововведение, призванное решительно покончить с судебским произволом дореформенной юстиции. Дополнение «коронного», профессионального окружного судьи коллегией присяжных заседателей воплощало соединение двух начал: публично-правового и народного, или государственного и общественного. Этот дуализм не является специфически российским, он свойствен многим правовым системам.

В ходе российской реформы XIX в. была выбрана модель суда присяжных, сходная в известной степени с английской. Однако народное представительство в российском суде имеет и свои глубокие исторические корни. Участие непрофессионального, народного элемента в отправлении правосудия традиционно в различных формах сохранялось в России в течение всего феодального периода, подвергаясь постепенно последовательной модификации.

В созданном в ходе судебной реформы 1864 г. окружном суде с участием присяжных заседателей публичное начало в лице коронного судьи было призвано обеспечивать общий интерес всех подданных в каждом конкретном деле. Народное же начало — присяжные — обеспечивало юстиции демократическую форму реализации власти. Представите-

ли народа могли внести в суд свежесть, живой реалистический взгляд на действительность.

Касаясь собственно юридических проблем организации суда при- сяжных, автор отмечает, что одна из них всегда порождала дискуссии правоведов: допустимо ли отдавать на решение непрофессионалов, «людей с улицы», вопрос о вине подсудимого. Известно, что институт участия общественности в суде при своем зарождении был нацелен лишь на решение вопроса о факте. Данная проблема неизбежно встает и сейчас.

Еще одна проблема, которая обуславливает успех современной судебной реформы, заключается в степени ее связанности и взаимодействия с другими реформами: конституционной, правовой и др., и, в частности, с реформой местного самоуправления. Органы местного самоуправления в России традиционно участвовали в организации правосудия, в комплектовании выборного элемента суда. В свою очередь, суд может стать известным гарантом самостоятельности местного самоуправления. Подтверждение тому — богатейшая кассационная практика Правительствующего Сената по земским и городским делам.

Судебная власть основывается в первую очередь на двух принципах: независимости и несменяемости судей. Первый является гарантом реальности судебной власти. Подлинная независимость суда — идеал, стремлением к достижению которого были проникнуты и судебные реформы прошлого. В частности, сам термин «судебная власть» был законодательно закреплён Судебными уставами, положившими начало конституционному принципу разделения властей в России. Наряду с независимостью суда Судебные уставы вводили и несменяемость судей, которая, в свою очередь, была определенным гарантом независимости суда. Говоря о принципе несменяемости судей, мы сталкиваемся с еще одной проблемой — с кадровой. Судейский корпус должен был комплектоваться лицами, отвечавшими необходимым требованиям: положительные моральные качества, а главное — высокий профессионализм. Эти задачи и пыталось решить Министерство юстиции, являвшееся проводником реформы в жизнь. Недостаток образованных юристов в стране был одной из причин поэтапного проведения судебной реформы, затянувшейся на 35 лет. Это, в свою очередь, породило отступление от духа и буквы Судебных уставов, проявившееся в законодательстве о суде, и в процессе в 70 — 80-е гг. XIX в., охарактеризованном как «контрреформы».

Опыт проведения государственно-правовых реформ в России показывает, что наибольший эффект в обновлении форм и сущности ин-

ституты достигался в том случае, когда реформы проводились в комплексе, взаимозависимости, когда изменениям скоординированно подвергались различные сферы государственной и общественной жизни: социальной, духовной, экономической, культурной, политической. Необходимое условие для реализации реформ — установление конституционной законности. Для жизнеспособности и эффективности деятельности новых, создаваемых в ходе реформ институтов необходимы как минимум, три рода гарантий: юридические, экономические, идеологические.

Сегодняшний ход реформ вполне традиционен для России — поэтапность введения суда присяжных и других новых элементов организации правосудия. Вполне привычны проблемы становления новых форм суда: отсутствие достаточных финансовых средств, достаточного числа высококвалифицированных юридических кадров, неравномерность социально-экономического и политического развития субъектов Федерации. В этой связи перед законодателем вновь стоит сложная задача определения степени единства судебной организации. Эта трудность не была преодолена и в ходе судебной реформы XIX в. Созданная тогда судебная система не стала единой. Существенные отступления от общеимперской модели были допущены в национально-окраинных районах, а в Великом Княжестве Финляндском она вообще не проводилась.

Вместе с тем в выборе форм участия общественности в отправлении правосудия современный законодатель также вполне традиционен. Об этом свидетельствует наличие в судебной палате обеих моделей — суда шеффенов (заседателей, составляющих единую коллегию с профессиональным судьей) и судей присяжных. Как тот, так и другой вариант не лишен положительных и негативных черт. Не является также новостью коллизия между законодательной и исполнительной властью, с одной стороны, и судебной — с другой, в степени их участия в комплектовании судейского корпуса и контроле за его деятельностью.

Программа обновления организации современного российского правосудия должна «соответствовать основной цели — приближения ее к цивилизованной демократической модели, соответствующей требованиям международных конвенций о правах человека. Однако, учитывая менталитет российского народа, опыт реформ прошлого, по-видимому, не следует пытаться в одночасье разрушить старую систему и на “чистом” месте создать новую» (4, с.91). Этот сложный процесс требует учета сложившихся реалий в правовой и иных сферах обществен-

ной жизни. «Определенный оптимизм внушает то, что почти на каждом этапе отечественной истории реформы достигали определенного положительного результата, являлись очередным шагом в освоении общезначимых политико-правовых ценностей» (4, с.91).

Во вступительной статье к сборнику материалов о суде присяжных (5) составитель сборника С.М.Казанцев дает краткое изложение судебной системы России второй половины XIX – начала XX в. По мнению и современников, и исследователей судебной реформы 1864 г., она была самой демократической из всех реформ, проведенных правительством Александра II. Даже М.Н.Катков в 1860-е годы писал, что это «не столько реформа, сколько создание судебной власти» (5, с.4).

Судебными уставами 1864 г. создавалась оригинальная и эффективная система правосудия. Она имела две ветви, которые объединял высший судебный орган – Сенат: общие суды и мировые суды. Кроме того, существовали суды особой подсудности: военные, волостные, коммерческие и другие, создание которых предусматривалось иными законодательными актами. Проведение судебной реформы продолжалось до конца XIX в. Первые общие суды открылись только в 1866 г., они распространили свою деятельность лишь на десять губерний Центральной России. На остальной же территории страны продолжали действовать прежние суды.

Административно-территориальное и судебно-территориальное деление империи после реформы не совпадали. Уезды и города были разделены на участки мировых судей. Территория, подведомственная окружным судам, охватывала несколько уездов, округа судебных палат – несколько губерний. Окружные суды были судами первой инстанции общих судов, судебные палаты – судами второй инстанции. В начале XX в. в империи было 106 окружных судов и 14 судебных палат (5, с.5). «Отцы» судебной реформы объясняли такую судебно-территориальную структуру сочетанием мировой и общей юстиции, а также недостатком квалифицированных юристов для создания общих судов в каждом уезде. Но сегодня мы видим преимущества такой организации правосудия в большей изоляции судебных и административных органов. При такой структуре все уездное начальство не только по табели о рангах, но и по реальному статусу было лишено возможности оказывать на судей какое-либо влияние. Соответственно, и судьи второй инстанции избавлялись от давления на них со стороны губернской бюрократии.

Еще более значительной гарантией независимости судов стал принцип несменяемости судей, закрепленный ст.243 «Учреждения судебных установлений». Согласно этой статье, председатели и члены окружных судов и судебных палат не могли быть уволены или переведены с одной должности на другую без их согласия, кроме как по приговору суда. Для назначения на должности члена окружного суда необходимо было иметь высшее юридическое образование и стаж работы в суде или прокуратуре не менее трех лет (в звании присяжного поверенного — десять лет). Для более высоких должностей стаж увеличивался.

Окружные суды состояли из одного или нескольких отделений по уголовным и гражданским делам. Они разбирали большинство дел, причем все гражданские и значительная часть уголовных рассматривались коронными судьями. Для рассмотрения дел о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения прав состояния, привлекались присяжные заседатели. Как правило, лишение прав состояния сопровождалось другими наказаниями (каторжными работами, ссылкой, тюрьмой) и назначалось за тяжкие преступления. Суд присяжных являлся не самостоятельным учреждением, а особым присутствием окружного суда.

Русский суд присяжных стал новым шагом в развитии европейской правовой культуры. Создатели русского суда присяжных подчеркивали его отличие от европейских аналогов, состоящее в аполитичности. К его подсудности не были отнесены дела о государственных преступлениях, а также значительная часть должностных преступлений и некоторые другие. Еще одним изобретением российского законодателя стало введение служебного ценза. Независимо от уровня дохода или жалования в списки присяжных заседателей включались все гражданские чиновники с V по XIV класс, все выборные служащие городских и дворянских учреждений и крестьяне, занимавшие не менее трех лет выборные должности сельских старост, старшин и др.

Присяжными заседателями могли быть только мужчины в возрасте от 25 до 70 лет, русские подданные. Для них были установлены ценз оседлости (два года) и имущественный ценз. Не подлежали включению в списки присяжных священнослужители и монашествующие, лица, занимавшие генеральские должности, работники суда и прокуратуры, чиновники полиции, военно-служащие, учителя и др.

На основе списков присяжных заседателей специальная комиссия составляла очередные списки, которые публиковались в газетах. В оче-

редные списки вносились лица, подлежащие призыву в суд в течение следующего года. Так, например, в 1908 г. в С.-Петербурге в очередные списки было включено 4200 лиц (5, с.8). Никто не мог быть призван в качестве присяжного чаще одного раза в два года. В суд к открытию сессии приглашались 30 присяжных заседателей. Обвинение и подсудимые имели право мотивированного и немотивированного отвода шести присяжных. После отвода путем жеребьевки из оставшегося числа выбиралась коллегия присяжных судей из двенадцати основных и двух запасных заседателей, которая и участвовала в рассмотрении дел. Присяжные избирали своего старшину.

Присяжные в зале судебных заседаний располагались отдельно от состава коронных судей. Они имели право на осмотр следов преступления и других вещественных доказательств, а также право задавать вопросы допрашиваемым лицам через председателя суда. Они могли просить у председателя суда разъяснений по всем обстоятельствам дела и «вообще всего для них непонятого» (5, с.9). Присяжным запрещалось во время судебного заседания общаться с кем бы то ни было, кроме членов суда, под угрозой штрафа. Они должны были сохранять тайну совещательной комнаты, а за обнародование итогов голосования также подвергались штрафу. По окончании прений сторон председательствующий обращался к присяжным с напутственной речью (резюме) и вручал их старшине вопросный лист для вынесения вердикта, который состоял из ответов на поставленные судом вопросы, после этого присяжные заседатели удалялись в совещательную комнату. Закон призывал присяжных к единогласному решению, но если его достичь не удавалось, то вопросы ставились на голосование. Если голоса разделялись поровну, то вопрос решался в пользу подсудимого. Присяжные могли дополнить свои ответы только указанием на то, что подсудимый заслуживает снисхождения. Если суд единогласно признавал, что решением присяжных осужден невиновный, то он мог передать дело на рассмотрение нового состава присяжных. На основании вердикта присяжных коронные судьи выносили соответственно оправдательный или обвинительный приговор. Приговоры суда с участием присяжных заседателей подлежали обжалованию только в кассационном порядке в Сенат.

Второй инстанцией в системе общих судов являлась судебная палата. В ней в апелляционном порядке рассматривались дела по жалобам на приговоры и решения окружных судов, вынесенные без присяжных заседателей. Кроме того, к ее подсудности были отнесены дела об особо

опасных преступлений — государственных и должностных. Эти дела должны были рассматриваться коронным судом с сословными представителями, по одному от каждого сословия: губернский (или уездный) предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина. В отличие от суда присяжных особое присутствие судебной палаты представляло собой единую коллегию коронных судей и народных представителей, причем права всех членов присутствия были равны и в процессе судебного следствия, и при вынесении приговора. Но это формальное равенство не приводило к повышению их роли по сравнению с присяжными заседателями. Число оправдательных приговоров особых присутствий с участием сословных представителей было немногим меньше, чем в судах с присяжными заседателями. Так, в 1889—1891 гг. число обвинительных приговоров судебных палат составляло 68 %, против 65 % в судах присяжных (5, с.10).

Не менее демократичным, чем суд присяжных, и столь же независимым элементом судебной системы был мировой суд. Мировые суды имели две инстанции: участковый мировой судья и уездный (городской) съезд мировых судей. Мировые судьи решали дела единолично. Они избирались земскими собраниями на три года. К их компетенции были отнесены такого рода дела, которые почти ежедневно возникают между людьми, не знающими законодательства и не терпящими формализма и волокиты судебных обрядов, предпочитающими суд скорый и справедливый, основанный не столько на законе, сколько на правосознании. Главнейшим показателем качества работы мирового судьи и его целью являлось примирение сторон (5, с.11). Съезд мировых судей рассматривал жалобы на решения судей, и его постановления являлись окончательными, они могли быть обжалованы только в кассационном порядке в Сенат.

Сенат в процессе судебной реформы также претерпел изменения. Он превратился в единственный в стране кассационный суд. Основное отличие кассационного порядка обжалования судебных решений и приговоров от апелляционного в России состояло в том, что поводом для кассации являлись процессуальные правонарушения.

Большое значение для независимости суда и упрочения принципа законности в уголовном и гражданском процессах дореволюционной России имело создание адвокатуры и реорганизация прокуратуры.

Особое значение для утверждения новых демократических принципов судопроизводства имела реорганизация прокуратуры. После судебной реформы прокуратура освобождалась от функций общего надзо-

ра, ее деятельность ограничивалась только судебной сферой. Если до судебной реформы прокурор должен был выступать в суде «как взыскатель наказания и вместе с тем защитник невинности», то теперь главной его задачей становился надзор за дознанием и следствием и поддержание государственного обвинения в суде. Новая прокуратура создавалась при судах. Организация прокуратуры строилась на принципах строгой иерархичности, единоначалия и взаимозаменяемости в процессе. Прокурорский надзор осуществлялся под высшим руководством министра юстиции как генерал-прокурора. Обер-прокуроры Сената и прокуроры судебных палат непосредственно подчинялись генерал-прокурору. Прокуроры окружных судов действовали под руководством прокуроров судебных палат. Число товарищей прокурора и распределение их обязанностей зависели от размеров судебного округа. Прокуроры находились в большей зависимости от правительства и в силу их прямого подчинения министру юстиции, и потому, что на них не распространялся принцип несменяемости. Но не следует преувеличивать эту зависимость. Попытки местной администрации обойти и нарушить закон они пресекали смело и решительно. Даже если это приводило к столкновениям с губернским начальством. Они не только не были зависимы от полиции и жандармерии, но, наоборот, рассматривали себя в качестве начальства по отношению к ним. Как правило, из числа прокуроров подбирались руководящие кадры не только Министерства юстиции, но и Министерства внутренних дел. Прокуратура ни в первые годы своего существования, ни впоследствии не была подвержена коррупции. Отчасти это объясняется достаточно высокими окладами (5, с.13).

Таким образом, судебная реформа создала не только новый суд, но и новую систему правоохранительных органов, более того, новое понимание и представление о законности и правосудии. Губернатор уже не мог, как раньше, арестовать судью за не соответствующий его представлению о законе приговор, а подсудимые и потерпевшие, истцы и ответчики были избавлены от необходимости задабривать судебных чиновников. Избираемые мировые судьи пришли на смену полицейским чиновникам. Вину подсудимого нужно было доказывать гласно, а не келейно, в борьбе с адвокатурой перед лицом представителей населения — присяжных заседателей. Суд присяжных оказал мощное благотворное влияние на всю судебную систему и даже в некоторой мере на политическую систему России.

Серьезной угрозой суду присяжных стала реакция на процесс В.Засулич. Он, как никакой другой, продемонстрировал не только перед страной, но даже перед всем миром независимость русского суда присяжных от давления не только со стороны министров, но даже и самого императора. После этого процесса указом 9 мая 1878 г. из подсудности присяжных были изъяты дела не только террористов, но и все преступления против должностных лиц и все должностные преступления.

Еще одна особенность суда присяжных, которая вызывала диаметрально противоположные оценки его противников и защитников: присяжные заседатели не имели возможности изучать материалы предварительного следствия. По единодушному мнению русских процессуалистов, «благодаря усвоенному судьями по бумажным данным взгляду, судебное, т.е. устное, следствие, прения сторон и пр. на суде коронном отодвигаются на второй план, и только при наличии присяжных установленные законом гарантии правильного суда, т.е. устность, состязательность, даже гласность, получают настоящий смысл и значение» (5, с.16). Защитники суда присяжных отмечали и другие его достоинства. Так, прогрессивный юрист Н.П.Тимофеев, обобщая материалы судебной практики, пришел к выводу, что суд присяжных оказывает благоприятное воздействие на общество, которое проявляется в искоренении взяточничества, уменьшении в некоторых местностях числа преступлений, особенно тех, на которые присяжные смотрят строже, увеличении числа подсудимых, сознающихся в совершенных преступлениях, повышении доверия народа к суду, повышении уровня правовой культуры народа, повышении профессионального уровня коронных судей. Суд присяжных и другие судебные органы были упразднены только декретом о суде 22 ноября 1917 г.

В автореферате А.А.Демичева рассматриваются историко-социальные аспекты деятельности российского суда присяжных в 1864–1917 гг. на материалах Московского судебного округа (2). Значительный интерес представляет и статья А.А.Демичева, посвященная становлению суда присяжных в Нижегородской губернии (3). Первые дела с участием присяжных заседателей, пишет он, были рассмотрены уже в мае 1869 г., а к концу года заседания Нижегородского окружного суда с участием присяжных заседателей проводились не только в Н. Новгороде, но и в уездных городах. А.Ф.Кони писал, что первое время существования суда «установленные законом временные комиссии действовали столь небрежно, что в общие списки присяжных, вопреки точному указанию за-

кона, заносились: сумасшедшие, умершие, слепые и глухие, состоящие под судом; не знающие русского языка, перешедшие 70-летний возраст и т.п.» (3, с.108). Нижегородская губерния не была в этом отношении исключением. Об этом свидетельствует «Свод замечаний по рассмотрению общего списка присяжных заседателей Нижегородским губернатором по 27 марта 1869 г.», где губернатор, пользуясь правом, предоставленным ему ст.93 «Устава уголовного судопроизводства», исключил из общего списка лиц, незаконно туда внесенных. Причем среди этих лиц оказались: 1) бывшие под судом по уголовным делам и подвергавшиеся по суду наказаниям; 2) должностные лица, освобожденные по закону от исполнения обязанностей присяжных; 3) лица, включенные в список с нарушением возрастного ценза; 4) лица, не отвечающие требованиям имущественного ценза, выдвигаемого ст.84 «Учреждения судебных установлений» (владение не менее 100 дес. земли или недвижимым имуществом от 500 руб., или получение жалования, дохода от капитала, занятия промыслом, ремеслом, не менее 200 руб. в год); 5) лица, не отвечающие требованиям ценза оседлости.

На уточнение списка отводилось 20 календарных дней, но это было нарушением закона, потому что «Учреждением судебных установлений» (ст.91–92) для этих целей устанавливался месячный срок. Поэтому ситуация в Нижегородском окружном суде оказалась довольно напряженной. Мало того, что списки присяжных были составлены с нарушениями, но и доставлялись они несвоевременно. В последующие годы проблема несвоевременного доставления списков присяжных в окружной суд больше не возникала. Однако сохранилась проблема неполноты и неточности составления списков очередных и запасных присяжных заседателей. Но уже к 1874 г. обстановка в Нижегородском окружном суде была намного благополучнее, чем в среднем по России.

Решение проблем, связанных с нарушением имущественного ценза, значительно облегчалось указом Сената от 9 августа 1872 г., разрешающего допущение «сложного имущественного ценза, который может быть составлен частью из недвижимого имущества, частью из жалования или дохода в тех случаях, когда это предоставляется удобным» (3, с.111). Целью этого указа было также увеличение числа лиц, которые могли стать присяжными заседателями.

Становление института присяжных заседателей завершилось в Нижегородской губернии к началу 1874 г. К этому времени заседания Нижегородского окружного суда проходили не только в Н. Новгороде, но и в уездных городах. Временные комиссии доставляли

описки очередных и запасных заседателей вовремя и без больших нарушений. Дела с участием присяжных слушались в установленные сроки и довольно полным составом заседателей. Некоторые нарушения оставались, но они не были такими грубыми, как в 1869–1872 гг.

В статье И.Л.Петрухина (8) отмечается, что суд присяжных в России имел огромную популярность. Тогда ушло в прошлое судейское мздоимство. Вырос уровень правовой культуры народа. Помещик и крестьянин, фабрикант и мастеровой, дворянин и купец, сидя рядом на скамье присяжных и пользуясь одинаковыми правами при вынесении вердикта, ощущали свою самооценку и социальное равноправие. Это способствовало смягчению напряженности в обществе. С 1866 по 1883 г. было образовано 59 судов присяжных. Указ о завершении судебной реформы был издан лишь в 1899 г. В некоторых губерниях Сибири и Средней Азии суд присяжных так и не был создан (8, с.5). Вместе с другими судебными установлениями он был ликвидирован Октябрьской революцией 1917 г. и отсутствовал 76 лет.

Основное преимущество суда присяжных состоит в том, что он минимизирует число судебных ошибок, исключает влияние судьи на вердикт присяжных и защищает граждан от необоснованного осуждения. Поэтому обвиняемые с каждым годом все чаще подают ходатайства о рассмотрении их дел с участием присяжных заседателей (8, с.6).

Суд присяжных подвергался и подвергается ожесточенной критике за либерализм, якобы мешающий борьбе с преступностью. После введения в действие Судебных уставов 1864 г. вплоть до конца XIX в. суды присяжных в России выносили до 40% оправдательных приговоров. Это ставило под сомнение эффективность работы следственных органов и государственного обвинения. Власти пытались провести контрреформу и прежде всего ликвидировать или хотя бы существенно реформировать суд присяжных.

В 1894–1899 гг. работала комиссия под председательством министра юстиции Н.В.Муравьева, имевшая задачей пересмотр Судебных уставов, в частности ликвидацию или коренное реформирование суда присяжных. Одновременно велась теоретическая дискуссия относительно либерализма суда присяжных и возможных путей его преодоления. Выдающиеся юристы того времени И.Я.Фойницкий, А.Ф.Кони и др., признавая отдельные дефекты общей конструкции суда присяжных, привели убедительные аргументы в защиту этого вида судопроизводства. Совещание высших судебных деятелей высказалось за сохранение суда

присяжных (18 голосов — «за» и только два — «против»). Комиссия Н.В.Муравьева завершила свою работу безрезультатно (если не считать кодификации 700 ранее принятых законодательных актов) (8, с.11). Суд присяжных в России устоял. Однако число оправдательных приговоров, выносимых им, к началу XX в. все же удалось снизить до 25 %.

Сторонников суда присяжных упрекают в «бездумном копировании иностранных образцов, унижительном выпрашивании советов у западных партнеров» (8, с.15). Но копирование английской модели суда присяжных произошло полтора столетия назад, так что можно сказать: суд присяжных — это и российская традиция. При этом и тогда, и теперь в регламентации суда присяжных обнаруживается российское своеобразие. Суд присяжных — «величайшее достижение мировой культуры, социальная ценность, от которой нам никак нельзя отказываться» (8, с.15).

В.И.Кононенко (6) подчеркивает, что в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» впервые в послеоктябрьский период вводится термин «мировой суд». Тема мировой юстиции, впрочем, как и другие вопросы организации и деятельности дореволюционной судебной системы, в советский период истории России мало исследовалась и публикаций в правовой литературе по этой проблеме почти не было.

В том или ином виде местные судебные учреждения существовали до 1864 г. В целом это были сословные неравные суды, далеко не демократичные по способу формирования и по сути своей деятельности. Поэтому перед составителями Судебных уставов стояла задача учредить выборные суды, близкие к населению, доступные всем слоям общества, простые по своему устройству и способные быстро рассматривать дела. Такие суды должны были рассматривать уголовно-наказуемые проступки и мелкие гражданские споры.

В основу единой судебной системы России закладывался общепринятый во всем мире принцип деления судов на виды в зависимости от степени тяжести грозящего наказания либо сложности подведомственных им дел. Наряду с мировыми судами учреждались окружные суды, в деятельности которых предусматривалось участие присяжных заседателей.

«Мировой суд считался краеугольным камнем в судебной системе России, а законодательство о нем, как отмечали современники, было отработано с такой точностью, что при практическом его применении почти не возникало каких-либо сомнений и недоразумений» (6, с.103).

Порядок формирования мирового суда регламентировался в пореформенный период законодательным актом, именуемым «Учреждением судебных установлений», порядок деятельности или процессуальная форма — уставами уголовного и гражданского судопроизводства.

Мировой суд России формировался на основе российской культуры, нравственных традиций, вместе с тем он включал в себя лучшие черты, заимствованные у мировой юстиции Англии и Франции. В частности, английское влияние выражалось не только в наименовании мирового суда, отражающем сущность его примирительной деятельности, но и в идее охраны земского мира. Будучи обособленными от общей юстиции (как в Англии), но вместе с тем обеспечивая интересы единства системы правосудия, российские мировые суды, как и мировые суды Франции, находились под контролем кассационного департамента Сената. Мировые судьи России, в отличие от мировых судей Франции и Англии, не назначались правительством, а избирались.

Мировые суды в России учреждались по уездам и городам, образуя мировой округ. Мировой округ подразделялся на мировые участки. В мировом округе могло быть несколько мировых судей, участковых и почетных. Все названные судьи избирались сроком на три года уездным земским собранием и городскими думами, а затем утверждались первым департаментом Правительствующего Сената. Кандидатом на должность мирового судьи мог быть только местный житель, кроме того, предусматривались возрастной, имущественный и образовательный цензы, кандидатам предъявлялись и требования нравственного порядка.

Надзор за мировыми судьями осуществлял мировой съезд, вышший надзор за мировыми судьями и съездом мировых судей — кассационный департамент Сената. «Нормативная база, регламентирующая процессуальную деятельность мирового суда по уголовным делам, составляла более 220 статей, что свидетельствует о высокой законодательной технике того времени и понимании необходимости детальной регламентации деятельности одной из самостоятельных ветвей государственной власти, наделенной столь ответственной функцией, как отправление правосудия» (6, с.103).

Мировые суды густой сетью охватывали всю территорию России. Особенно важна была их деятельность в сельской местности, где значение мировой власти было и будет совершенно иным, чем в городах, особенно больших. Мировая юстиция сохранилась до февраля 1917 г., когда попытку ее трансформации предприняло Временное правительство,

предусмотрев коллегиальный порядок рассмотрения дел в мировых судах.

С завоеванием власти большевиками институт мировой юстиции фактически был упразднен, хотя формально в соответствии с п.2 декрета о суде № 1 деятельность мировых судов не упразднялась, а приостанавливалась. На момент переворота в 1917 г. в России было примерно 12 755 мировых и волостных судов, что позволяло практически решить задачу приближения местного суда к населению, обеспечивая тем самым все слои общества равными правами на судебную защиту. В 1924 г. в России имелось всего 2555 участковых народных судов, т.е. почти в 5 раз меньше, чем в 1917 г. (6, с.105).

С.В.Лонская (7) пишет, что одна из заслуг судебной реформы 1864 г. — создание принципиально новой, упорядоченной судебной системы. Ряд отечественных авторов находят возможным классифицировать новые суды на общие и местные. Думается, полагает С.В.Лонская, что это логически не совсем корректно: не ясно основание деления — общие суды также обладали строго определенной территориальной подсудностью; вместе с мировыми к местным относят сословные волостные суды и в то же время оставляют вообще за рамками ряд других специальных судебных учреждений. Не совсем удачной представляется и классификация по способу формирования: с назначаемыми судьями и с избираемыми судьями, это основание вторично. В фундаменте российского судостроительства образца 1864 г. лежит подсудность, компетенция. Это следует из анализа ст.1 и ст.2 «Учреждения судебных установлений». Согласно им, судебная система России в целом представляла собой две самостоятельные ветви, сходящиеся в одной точке — Правительствующем Сенате. Одну ветвь составляли так называемые «общие судебные места» — окружные суды и судебные палаты, а вторую — мировые судьи и их съезды. Такое обособление мировой юстиции не имело аналогов в мире. В дополнение к основному каркасу особняком располагались сословно-специализированные суды: волостные (крестьянские), духовные, военные, коммерческие, инородческие. Принцип всесословности, провозглашенный в ст.2 «Учреждения судебных установлений», несколькими строками ниже ограничивался.

Главная особенность мирового суда — его компетенция. В юрисдикции мировых судей находятся малозначительные дела. Основная практическая задача мировой юстиции — разгрузить суды общей компе-

тенции, дать последним возможность сосредоточиться на сложных, объемных процессах.

Должность почетного мирового судьи вводилась, как утверждалось, «для облегчения исполнения многочисленных обязанностей участкового мирового судьи и, в особенности, для того, чтобы лица, заслуживающие полного доверия и уважения, не лишались возможности содействовать охране порядка и спокойствия, не оставляя своей основной службы» (7, с. 99).

Почетному мировому судье была подсудна территория всего округа, его процессуальное положение совпадало с участковым. Серьезное отличие состояло в другом: почетный мировой судья мог занимать любую другую должность по государственной или общественной службе, за исключением должностей прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции (весьма робкое ограничение для того, чтобы считать суд полностью отделенным от администрации). А.Ф.Кони оставил в своих воспоминаниях пример, когда в одном из уездов Харьковской губернии почетным мировым судьей был избран тульский губернатор.

Однако была в должности почетного мирового судьи и вынужденная, чисто техническая необходимость. В России ощущался необычайный дефицит квалифицированных кадров: с 1840 по 1863 г. юридическое образование получили лишь 3650 человек, а только мировых судей требовалось не менее 1320 (там же). Нехватка кадров повлекла за собой такую черту российской модели мировой юстиции, как полупрофессионализм. Очень часто в судьи избирались отставные офицеры, купцы, врачи, совершавшие грубейшие ошибки в судопроизводстве.

Непомерность имущественного ценза обескураживала современников — преодолеть поставленную планку было нелегко даже обеспеченным кандидатам в мировые судьи. Случалось, что в целом уезде не смогли избрать ни одного мирового судьи — не набирали ценза. За бортом оказывались и те редкие юристы-профессионалы, которые были. Вопрос о понижении ценза постоянно вставал в земских ходатайствах, в печати, но самодержавие не было заинтересовано в этом, ибо при утверждении избранных судей на вакантные места их назначал Сенат по представлению министра юстиции. Таким образом, считает С.В.Лонская, администрация свободно хозяйничала в судебном составе.

Статус мирового судьи среди прочих государственных должностей был достаточно высоким — V класс Табели о рангах. По объему должно-

стных прав и преимуществ мировые судьи приравнялись к членам общих судебных мест.

Первое время все производство в мировом суде было освобождено от судебных пошлин и сборов. Мировые учреждения были доступны каждому, что крайне важно для повышения доверия к судебной власти вообще. Но поскольку судьи практически полностью содержались за счет уездных бюджетов (и выборы, и жалование, и условия работы), в 1877 г. доступность была решительно уничтожена, а пошлины и сборы стали перечисляться в доход земства. Было ли это рукой помощи со стороны правительства или же между строк скрывалось желание сковать два пореформенных института тяжелыми финансовыми цепями? Если кто и мог почувствовать выгоду, то это были почетные мировые судьи: дела, обрабатываемые по желанию сторон на их разрешение, обложению пошлинами не подлежали.

Судебные уставы действовали без изъятий только в половине губерний Российской империи. В остальных — структура и компетенция мирового суда были несколько иными, судьи назначались министром юстиции. Вводились уставы постепенно: с 1866 по 1870 г. новыми судами обзавелись только 23 губернии, в остальных этот процесс закончился лишь в 1896 г., но к этому времени контрреформы 80-х годов практически уничтожили мировую юстицию: компетенция мировых судов сужалась, а в 1889 г. они везде прекратили существование, кроме Москвы, Санкт-Петербурга и Одессы, чтобы уже на закате самодержавия ненадолго воскреснуть в период 1912—1917 гг. в сильно искаленном виде. Наконец, Октябрьская революция окончательно упразднила мировой суд вместе со всей старой государственной машиной. В наши дни он переживает уже свое третье рождение.

Д.Ф.Аяцков, Ю.В.Галкин и Е.В.Олесюк (1) подчеркивают, что «в истории российского правосудия можно выделить три периода: министерства юстиции и перестройки системы правосудия, судебные уставы 1864 г. и так называемые контрреформы конца столетия» (1, с.243).

Буржуазные преобразования XIX в. были объективно обусловлены вступлением России на путь капиталистического развития. Конструкция судебной реформы 1864 г. аккумулировала теоретические доктрины о суде Монтескье, Бентама, Беккариа, Миттермайера, опыт судоустройства и судопроизводства в таких странах, как Франция, Италия, Германия, Бельгия, «общечеловеческие начала» суда, воплощенные в законодательстве стран Европы.

Казалось бы, все образовалось вполне по-европейски. Однако скоро выяснилось, что введенные по образу и подобию Запада новации в судопроизводстве с трудом прививались на неподготовленной почве и стали отторгаться русской жизнью. Потребовалась их адаптация, упорядочение чрезмерно радикальных нововведений, не принятых русской практикой. Эта деятельность получила в литературе название «контрреформы».

По мнению известного исследователя истории российского правосудия XIX в. М.В.Немытиной, термин «контрреформа» применительно к законодательству, принятому в дополнение Судебных уставов 1864 г., впервые встречается у А.А.Кизеветтера в книге, вышедшей накануне Октябрьской революции. «Мы же рискуем высказать предположение, что он (термин) стал побочным продуктом появившегося в то время политического плюрализма» (1, с.251). Позже этот термин безоговорочно был принят и советской историографией. Появилась даже своего рода теория маятника с амплитудой «реформа — контрреформа», призванная объяснить развитие юстиции в виде простого возвратно-поступательного движения.

Однако с накоплением практического опыта, особенно современного, эта «теория маятника» все более обнаруживает собственную недостаточность и приходит в противоречие с исторической действительностью, поскольку не в состоянии объяснить природу значительного прогресса отечественной юстиции в течение XIX в. Реформа, согласно такой теории, гасится контрреформой, оставляя в тени вопрос о развитии, его источнике и движущих силах.

На поверку вышло, что известные обратные шаги в области Судебных уставов были исправлением допущенных при реформировании излишеств и перегибов, достройкой системы сдержек и противовесов, обеспечивающих равновесие всей правовой системы в целом. Взять, к примеру, тот же породивший у нас поначалу ряд острых проблем принцип несменяемости судей в условиях отсутствия кадров высококвалифицированных и высокооплачиваемых судей-профессионалов, вышколенных веками в духе верности долгу и чести мундира, или суд присяжных заседателей при таком состоянии правосознания, когда «суд улицы» гарантировал оправдание тяжких государственных преступлений. И в этом смысле принятые в их корректировку меры могут рассматриваться как необходимое развитие реформы, адаптация заемных форм и принципов к сложившимся веками традициям и укладу русской жизни.

Особенность русского правосознания, определяемая ментальностью российского общества, покоящейся на православной этике, имеющей глубокие исторические корни и отражавшей основной конституирующий признак русской цивилизации, просто проигнорировали, упустили из виду при введении суда присяжных и других новаций, что не замедлило сказаться на практике судопроизводства. Ярким примером тому явился оправдательный вердикт суда присяжных под председательством А.Ф.Кони, вынесенный 31 марта 1878 г. по делу Веры Засулич и оправдательный приговор суда присяжных по делу организаторов известной Морозовской стачки (1, с. 253).

Провозглашение в соответствии с уставами от 20 ноября 1864 г. таких новых для России принципов и норм, как отделение суда от администрации и несменяемость судей, учреждение судов присяжных заседателей и адвокатуры, введение гласности суда, устности и состязательности судебного процесса, права обвиняемого на защиту, оценки доказательств по внутреннему убеждению судей и др., давно прижившихся в западном праве и считавшихся эталоном современного правосудия, явно не вписалось в систему русской государственности и права и породило новую полосу законодательства о суде. Так, начиная с Закона от 19 мая 1871 г., предоставившего членам корпуса жандармов широкие полномочия по расследованию государственных преступлений, и кончая «Положением о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г., власти пытаются обеспечить правопорядок и политическую стабильность в стране (защитить государство и население от экстремизма и терроризма, в современной лексике).

Обращаясь к делам современным, мы вправе утверждать, что и в наши дни нельзя не видеть объективной необходимости в обеспечении законности общественной безопасности. Но если это так, а это именно так, то сквозь призму современного знания можно более точно рассмотреть и правильно прочитать в прошлом то, что дано на скрижалях истории в неясном и вызывающем разночтения виде. «И вывод, который необходимо следует из этого наблюдения, не вызывает сомнений, что новая полоса преобразований, последовавшая за судебными уставами 1864 г., с точки зрения не общеполитической, но профессионально-правовой, представляла собой отнюдь не “реакционный курс” и не “контрреформу”, как пишут “все календари”, а естественное стремление правительства восстановить утраченную управляемость государственного механизма. Осознание властями необходимости укрепления правопорядка и политиче-

ской стабильности свидетельствовало об истинном прогрессе юстиции, соответствующем ее изначальному предназначению. Иными словами, то, что принято называть контрреформами, на деле было естественным продолжением реформы, причем наиболее конструктивным по отношению к деструктивным по преимуществу начальным ее этапам» (1, с. 254–255).

Конец XIX — начало XX в. отмечены активным усвоением, адаптацией заемных институтов, принципов и норм правосудия достаточно развитой русской правовой культурой. История так рассудила, что усилий властей не хватило для создания надежной системы защиты государственного строя и обеспечения необходимой стабильности в стране. Не вдаваясь здесь в политическую оценку свершившегося, можно утверждать, что правоохранительная система России оказалась не в состоянии противостоять напору оппозиционных и революционных сил и страна была ввергнута в бездну и хаос гражданской войны. Хотим мы того или нет, но, глядя исторически на пережитый в течение века процесс реформирования системы юстиции, приходится задумываться о действительной роли и месте его (реформирования) в причинно-следственной связи времен и событий.

В.М. Шевырин

Вортман Р.

РАЗВИТИЕ РУССКОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Wortman R.S.

**The development of a Russian legal consciousness. —
Chicago — London: Univ. of Chicago press, 1976. —
XI, 345 p. — Bibliogr.: p. 323—336.**

Автор отмечает, что история русских правовых учреждений и русской правовой службы есть во многом история судебной реформы 1864 г. В ходе осуществления этой реформы была создана весьма эффективная и прогрессивная судебная система, которая ограничила господство полиции в русском обществе.

Исследователи, говорит Р.Вортман, по сей день не дали удовлетворительного ответа на ключевой, по его мнению, вопрос: почему и каким образом «удалась» судебная реформа 1864 г.? Как в отсталом полицейско-деспотическом государстве не только прижились, но и проявили себя действенной и активной силой самые современные судебные учреждения? Настоящая работа есть попытка ответа на этот вопрос.

Основное внимание в монографии уделяется не структурным и процедурным реформам суда, а проблемам личного состава и профессиональной подготовки русской правовой службы. Решающим фактором, благодаря которому стала возможна судебная реформа, было появление в рядах царской администрации людей, способных подготовить и осуществить эту реформу, или, другими словами, группы высокопрофессиональных теоретиков и практиков-юристов. Поэтому судебную реформу 1864 г. следует рассматривать не как начало, а как завершение процесса серьезных изменений, происходивших в бюрократическом аппарате.

Появление в администрации группы профессиональных юристов означало крутой разрыв с институциональными традициями Российского государства. Для русской государственности характерны безусловное верховенство исполнительной власти, а также подчиненное и даже жалкое положение судебной власти. Не случайно бюрократия и дворянство в целом с презрением относились к праву и суду. Эти две социальные группы, обладавшие наибольшим влиянием в обществе, не умели и не желали ограничивать свои действия законом и тем более подчинять их ему. В эпоху реформ было принято говорить об отсутствии у крестьян уважения к праву. Однако отсутствие уважения к праву было свойственно и правящим кругам, и всему обществу.

Вера в верховенство исполнительной власти и недооценка судебной суть элементы традиционалистского типа институционального поведения. Эти черты Россия сохранила и пронесла сквозь периоды реформ, индустриализации и революции. Реформа 1864 г. породила острый конфликт между исполнительной и судебной властями, русские самодержцы с возрастающим беспокойством следили за деятельностью становящихся все более независимыми судов.

Русское государство, считает Р. Вортман, на протяжении всей своей истории было по преимуществу милитаристским. В системе моральных ценностей одно из первых мест занимала воинская доблесть. В то же время категории правосудия, справедливости, законности имели для русского общества периферийное значение. В результате в России отсутствовали традиции правового воспитания и обучения, а также сильные и обладающие широкими привилегиями корпорации юристов и судей. В этом отношении автор видит большое различие между Россией и Пруссией, милитаризму и абсолютизму которой русские монархи пытались подражать. Чиновники, получившие высшее юридическое образование, сдавшие сложные экзамены по окончании университета и при поступлении на службу, занимали ключевые посты в прусской администрации. Подобное положение сложилось в Пруссии в XVIII в. — Россия отстала более чем на столетие. До эпохи Николая I все юридическое образование в России сводилось к тому, что молодой чиновник овладевал премудростями письмоводителя и знатока канцелярских формальностей. Ни о каком правовом сознании и правовой ответственности чиновника не могло быть и речи. И тем не менее реформа 1864 г. своим осуществлением обязана, прежде всего, группе юристов-профессионалов, вышедшей из рядов николаевской бюрократии.

Р. Вортман полемизирует с современными западными исследователями М. Раевым и Г.-И. Торке, полагающими, что судебная реформа есть результат освобождения крестьян, недовольства общественного мнения и последствий поражения в Крымской войне. Эти специалисты утверждают, что «репрессивная администрация» Николая I находилась в состоянии стагнации и поэтому движущей силой каких-либо изменений в обществе быть не могла. Г.-И. Торке не обратил внимания на те значительные перемены, которые произошли в русской бюрократии в 40-е и 50-е годы XIX в.. Она же к началу царствования Александра II была во многом иной по сравнению с эпохой его отца. Ошибка Г.-И. Торке и других исследователей, пишет Р. Вортман, имеет своей причиной то, что их анализ и выводы основываются прежде всего на свидетельствах людей, живших при Николае I и видевших огромные недостатки и злоупотребления бюрократической системы. Весь свой литературный дар эти люди, как правило, отдавали делу обличения этой системы. Разумеется, строить концепцию на столь одностороннем материале в научном отношении и неправомерно, и некорректно.

*
* *

В XVIII столетии русское самодержавие приобрело иной облик. Оно проявило себя в жизни страны как динамичная и секулярная сила. Этот образ самодержавия одновременно стал новым источником легитимизации царской власти. Отныне царь не только «Помазанник Божий», но и гарант, опекун благосостояния нации. Он взял на себя ответственность за развитие экономики, нормальное функционирование институтов, моральную сферу жизни. При этом, согласно петровской идеологии, государство может достичь официально поставленной цели — «общей пользы» — лишь при условии, что правительство будет действовать в соответствии с законом. Петр Великий, по словам автора, полагал, что основой функционирования государства, учреждений, чиновничества должна быть законность. После Петра I защита законности стала одной из важнейших черт образа абсолютного монарха как гаранта благосостояния нации. Елизавета, Екатерина Великая, Александр I, Николай I — все они уделяли большое внимание проблеме законности и были озабочены неудовлетворительным состоянием судебной системы.

Отличительной особенностью самодержавия в России по сравнению с абсолютистскими монархиями Западной Европы являлось то, что оно не могло опираться на традиции частного права и корпорацию юристов. Это существенно ограничивало возможности самодержавия в деле укрепления законности. Кроме того, подобное положение вещей затрудняло русским монархам осуществление их целей в рамках правопорядка, т.е. законным путем. В результате непомерным влиянием в русском обществе пользовались институты исполнительной власти, и прежде всего карательные органы. Русское право было статутным; все же спорные вопросы, по которым суд не мог прийти к тому или иному решению, рассматривались в высших звеньях государственного аппарата. В целом вплоть до реформы 1864 г. соблюдение законности так и не стало краеугольным камнем русской судебной системы, а судебный прецедент не признавался источником права.

Следует подчеркнуть, пишет Р. Вортман, что русские самодержцы никогда полностью не принимали политико-правовые ценности западно-европейской абсолютистской монархии. Заимствуя западные формы, они проходили мимо содержания. Да и формы зачастую отбрасывались, если они каким-либо образом угрожали власти царя. В самодержавии сочеталось стремление к установлению законности и порядка в государстве с борьбой против законности и порядка, когда они могли ограничить волю автократа. Эта коренная амбивалентность русской политико-правовой культуры должна приниматься во внимание всеми теми, кто хочет в России на место господства людей поставить господство права.

Далее автор указывает: Петр Великий и его наследники приложили немало усилий для того, чтобы дворянство заняло ключевые позиции в судебной системе. Но этот курс привел к тому, что подавляющее большинство судей оказалось людьми с военным прошлым. Дело в том, что в XVIII столетии русские дворяне, как правило, начинали свой жизненный путь со службы в армии. И лишь после отставки (добровольной или вынужденной) они шли на гражданскую службу. Фундамент такого порядка заложил Петр I, который доверял лишь офицерам своей армии. Той армии, которую он создал ценой разорения России, выпестовал и привел к победе в Северной войне. Разумеется, бывшие офицеры приносили с собой на гражданскую службу, в том числе и в судебные учреждения, милитаристский дух.

Первую попытку привлечь российское дворянство к систематическому изучению права сделала императрица Елизавета. Она пригласила

в Россию юристов Фридриха Штрубе де Пьермонта и Филиппа Генриха Дильтея. Штрубе де Пьермонт стал сотрудником Академии наук, а Дильтей первым профессором права Московского университета. Оба преподавали римское и естественное право. С 1770 г. Дильтей читал курс русского права, составленный им на основе Морского и Воинского уставов. В своих лекциях он повторял тезис, выдвинутый Петром I: судьи столь же необходимы государству, сколь и военные. Но Дильтей пошел дальше, утверждая, что право есть наиболее эффективный инструмент государственной политики. Он доказывал: те страны, в которых правовые знания и таланты ценятся выше, чем военные, достигли на пути прогресса гораздо большего, нежели те, где предпочтение отдавалось военным доблестям и талантам.

Весьма много для развития правовой системы, правового образования и правовой мысли было сделано в период царствования Екатерины II. Автор подчеркивает, что Екатерина II, чьи права на престол и обладание российской короной с юридической точки зрения были более чем сомнительными, не без успеха использовала образ мудрого законодателя, величественно дарующего законы империи и во всех своих действиях руководствующегося законностью. Улучшение законов и защита прав человека были для нее средством установления прочной связи между тронem и подданными. Граф Никита Иванович Панин, один из активных участников свержения Петра III, подготовил проект реформы правительственных учреждений. Согласно панинскому проекту, государство должно было функционировать на основе зафиксированных и постоянно действующих законов. Екатерина II, хотя и не одобрила этот проект, тем не менее стремилась к достижению целей, сформулированных в нем. Все реформы ее царствования были направлены на расширение прав личности (разумеется, прежде всего, дворян) и упрочение гарантий ее независимости. Начиная с эпохи Екатерины II знание права стало необходимым элементом дворянского образования, без которого поступление на государственную службу было невозможным. Для того чтобы привлечь в Московский университет дворянство, по предложению его ректора М.М. Хераскова, в 1779 г. при университете были созданы специальные дворянские классы, в 1783 г. преобразованные в Благородный пансион. В пансионе профессорами права читались различные юридические курсы. Помимо университета право в XVIII в. преподавалось (с 1731 г.) в кадетских корпусах, которые до начала XIX столетия готовили юношей-дворян как к военной, так и гражданской службе. Кадеты изу-

чали юриспруденцию по учебникам Штрубе де Пьермонта и Владимира Золотницкого. Эти учебники были составлены на основе естественно-правовых теорий, прежде всего доктрины Пуффендорфа.

Наиболее выдающимся и активным проводником екатерининской политики «правового Просвещения», а также крупнейшим русским ученым-юристом второй половины XVIII в. был С.Е. Десницкий. Ученик Ф. Дильтея, он стал первым русским профессором права. Р. Вортман отмечает, что в своих публичных лекциях и выступлениях Десницкий призывал к реализации екатерининского курса «правового Просвещения». Он настаивал также на необходимости изучения юридической науки. По своим воззрениям Десницкому был близок Василий Новиков, автор первого русского учебника-пособия для судей — «Театр судоведения или чтение для судей и всех любителей юриспруденции, содержащее достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусствников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составить полезное и приятное времяпровождение» (Санкт-Петербург, 1790 г.). По убеждению В. Новикова, право должно играть в жизни людей ту же инструментальную и дидактическую роль, что и литература. За 11 лет до В. Новикова Ф. Дильтей издал в Москве первый русский учебник — комментарий законов Российской империи «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном».

Как уже указывалось, первый курс русского права читал в Московском университете Ф. Дильтей. Но его лекции, представлявшие собой комментарий — анализ Воинского и Морского уставов, каких-либо существенных практических знаний для будущей службы дать не могли. Для действительного понимания русской правовой жизни, законов, судопроизводства и т.п. нужны были лекции, составленные юристом с большим практическим опытом, т.е. просвещенным чиновником. Такой человек был найден. В 1786 г. ректор Московского университета Д.И. Фонвизин пригласил З.А. Горюшкина прочесть курс «практического законоискусства». Захарий Горюшкин был самоучкой, право изучал в канцелярии Московского губернатора и в юстиц-коллегии. Методика занятий Горюшкина заключалась в том, что он излагал законы, а затем показывал их возможное применение к тем или иным делам. Важной задачей Горюшкин считал научить студентов составлять «юридические бумаги». Но основную свою цель видел в том, чтобы привить студентам

понимание роли судьи в обществе как неподкупного и верного слуги закона. З.А. Горюшкина, безусловно, можно признать зачинателем русской науки о суде.

*
* *

Начало царствования Александра I было ознаменовано широкой подготовкой к реформам системы государственного управления. Воспитанный на идеалах и ценностях эпохи Просвещения, молодой монарх горячо стремился предстать перед своими подданными в образе легитимного защитника их интересов. Александр I пытался привить в России методы правления западноевропейского абсолютизма. Вместе с тем он ясно видел, что государственные институты России находятся в плачевном состоянии. Для них были характерны беспорядок, беззаконие, низкая эффективность, бумажная волокита и т.д. Александр I и его ближайшее окружение сознавали, что задачей первостепенной важности является рационализация организации власти и ее централизация. В сущности, необходимо, полагал император, создать новый аппарат государственного управления с качественно новыми чиновниками. Для этого же надо улучшить и расширить систему образования.

Александр I был также озабочен далеко не удовлетворительной деятельностью судебной системы и отсутствием свода законов, отвечающего условиям и духу современности. В 1801 г. была создана комиссия по кодификации законов во главе с графом П.В.Завадовским. Одновременно с этим указывалось на необходимость улучшения судопроизводства (Указ от 25.08.1801 г.). Однако, подобно своим предшественникам, Александр I считал, что решение проблемы государственного управления заключается, прежде всего, в усилении и совершенствовании органов исполнительной власти. В результате реформа судопроизводства была целиком поставлена в зависимость от проведения общей административной реформы, а затем и предана забвению. Следует обратить внимание, говорит автор, что М.М.Сперанский поддерживал и обосновывал подобный курс. Он утверждал, что реформа судебной системы должна быть проведена лишь после преобразования административных структур, полиции и организации хозяйственной жизни. По мнению Сперанского, причиной неудовлетворительного функционирования судебной системы являлись не плохие законы, а низкий профессиональный уро-

вень и моральная нечистоплотность судей и судейских чиновников. Но создать широкую группу образованных, просвещенных и нравственных юристов в короткие сроки нельзя. Здесь требуются годы и годы. Поэтому переустройство судопроизводства, полагал Сперанский, должно начаться только после общеадминистративных реформ и реформы системы образования, в том числе и правового.

Р. Вортман отмечает, что Россия петербургского периода ее истории заимствовала у Запада не только формы организации государственной власти, но и способы подготовки чиновничества. Создание Харьковского и Казанского университетов, а также Петербургского педагогического института (в 1819 г. преобразован в университет) суть не менее важные мероприятия начала царствования Александра I, чем министерская реформа. Главной целью новой системы образования провозглашалась подготовка юношества к государственной службе. Но дворянство в целом без воодушевления встретило весть об открытии новых университетов. И несмотря на то, что Указ императора от 24.01.1803 г. предписывал дворянам, решившим поступать на гражданскую службу, овладевать юридическими и прочими знаниями, они весьма неохотно шли в университеты. В конечном счете, благодаря настойчивости Сперанского был принят знаменитый Указ от 06.08.1809 г. о необходимости для занятия на гражданской службе должностей с VIII класса и выше либо университетского образования, либо сдачи специального экзамена, в котором важное место занимала юриспруденция.

Тот тип университетского образования, который Александр I стремился насадить в России, автор квалифицирует как общий и философский. Преимущественное внимание уделялось знаниям спекулятивного характера, специальные же предметы, в том числе и необходимые для судейской деятельности, почти не изучались. Так, например, правовые дисциплины преподавались на факультетах моральных и политических наук. Юридические факультеты в новых университетах созданы не были. Большинство университетских профессоров были сторонниками доктрины естественного права, что само по себе накладывало отпечаток на их лекции, на которых можно было почерпнуть много морально-правовых истин, но мало специальных юридических знаний. Среди профессоров права начала XIX в. Р. Вортман выделяет Льва Алексеевича Цветаева, читавшего в Московском университете курсы римского и естественного права. Существенное значение для русской правовой мысли и для организации правового образования в России имели творчество и

педагогическая деятельность первого ректора Петербургского университета М.А.Балугьянского. Он был выпускником юридического факультета Венского университета. Балугьянский оказал сильное влияние на формирование А.П.Куницына — выдающегося представителя русской правовой мысли первой половины XIX в.

Р.Вортман подчеркивает: практические правовые знания можно было приобрести только в Московском университете. Здесь Н.Н.Сандунов продолжил традицию З.А.Горюшкина. Он учил студентов конкретному пониманию судебного процесса. Сандунову принадлежит выражение: «Практика есть единственная наука». На его занятиях студенты разбирали сенатские дела, они должны были «освоить» все должности, связанные с судом, — от писаря до сенатора. Особое внимание Сандунов уделял умению профессионально произнести речь, четко и ясно составить деловую бумагу. Но, разумеется, самым главным в его деятельности было то, что он воспитывал будущих чиновников в духе уважения к закону и законности.

Практические занятия Сандунова, по отзывам современников, хорошо дополнялись высокотеоретическими лекциями Л.А.Цветаева. Вместе они давали неплохой запас знаний юноше, решившему посвятить себя гражданской службе.

Однако, несмотря на все усилия, предпринятые администрацией Александра I, дворяне неохотно шли в университеты. По-прежнему их более привлекала военная карьера и то положение, которое она давала в обществе. Перед правящими кругами России встала дилемма: либо персонал государственного аппарата по своему социальному составу будет недворянским и в конечном счете враждебным духовно-политическим ценностям самодержавия, либо царизм откажется от стремления создать эффективный и одновременно преданный государственный аппарат. Решение этой дилеммы явилось насущной проблемой Николая I и его администрации.

По словам Р.Вортмана, восстание декабристов — чуть ли не главная причина той гнетущей атмосферы, боязни новых идей, враждебности либерализму и т.п., которые характерны для эпохи Николая I. Символом его царствования стало господство политической полиции — Третьего отделения Собственной е.и.в. канцелярии. Однако восстание декабристов не только потрясло здание самодержавного государства, но и еще больше обострило основные противоречия российского абсолютизма. Идеалы Екатерины II были восприняты русским обществом, на них «от-

ветил» А.Н.Радищев своим описанием несправедливости и бесчеловечности, господствовавших в империи. Реформистские проекты Александра I получили свое логическое завершение в бунте гвардейских офицеров, полагавших, что самодержавие уже не в состоянии обеспечить нормальное развитие нации. Царствование Николая I было последней попыткой доказать жизнеспособность и перспективность самодержавия. Николай Павлович полагал, что удовлетворительное функционирование русского государства возможно лишь в условиях усиления власти, контроля за всеми звеньями администрации и общества, а также подлинного уважения к закону.

Для Николая I закон был сакральным проявлением личной воли самодержца. Незадолго до вступления на престол он говорил Балугьянскому, что хочет в основу системы государственного управления положить силу и строгость закона. Николай Павлович любил повторять, что примером, которому стремится следовать, является Петр Великий и его отношение к закону. В сущности этот император разделял негодование декабристов и других прогрессивных сил русского общества по поводу отечественного судопроизводства. Он не получил специального юридического образования, но на формирование его личности оказало большое воздействие царившее в правящих кругах России недовольство отсутствием четких и определенных законов, злоупотреблениями судебных чиновников и т.д. Николай был твердо убежден, что правосудие и законность суть фундамент любого государства.

Контроль за деятельностью основных сановников — таково было его решение проблемы государственного управления. После восшествия на престол он лично со всей тщательностью следил за работами по кодификации. Создав II Отделение, поставив во главе его Сперанского и Балугьянского, крупнейших юристов той эпохи, император внимательно наблюдал и контролировал подготовку Свода законов. Восстание декабристов показало Николаю I опасность абстрактно-всеобщих концепций справедливости, которые, кстати, наложили сильный отпечаток на начальные стадии работ по кодификации. В сущности он был сторонником исторической школы права, последователем Савиньи и Карамзина. Известно, пишет Р.Вортман, что теоретики исторической школы права утверждали: законы любой нации — это выражение особенностей ее исторического развития. На практике для России это означало оправдание самодержавия и отказ от структурных реформ. В этом духе и велись труды по кодификации.

*

*

Большое место в монографии уделяется анализу политико-правовых воззрений и практической деятельности одного из самых влиятельных чиновников царствования Николая I и первых лет эпохи Александра II — графа Дмитрия Николаевича Блудова. Автор подчеркивает, что успешная служебная карьера Д.Н.Блудова была во многом определена его родственными и дружескими связями. Его дядя, Г.Р.Державин, записал родившегося племянника в Измайловский гвардейский полк. В 1800 г. при поступлении на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел Блудов имел уже чин коллежского асессора, т.е. был чиновником VIII класса. Он получил прекрасное образование дома и в Московском университете. Ему покровительствовал Карамзин, его интимным другом был В.А.Жуковский, а из близких друзей можно назвать такие выдающиеся имена: К.Н.Батюшков, П.А.Вяземский, А.И. и Н.И.Тургеневы, С.С.Уваров, Д.В.Дашков. Он хорошо знал мадам де Сталь и был вхож в интеллектуальные круги французской эмиграции. Блудов являлся членом и одним из основателей Арзамасского братства. Современники отмечали его выдающийся ум, разностороннюю культуру, лояльный и живой характер.

Именно этот человек на протяжении почти четверти века официально возглавлял дело подготовки судебной реформы. В начале 1860-х годов Блудов олицетворял преемственность реформ Александра I и Александра II. Среди серой массы николаевских чиновников он выделялся как образованный и культурный человек, пользующийся уважением и у интеллектуальной элиты общества, и у правящих кругов. Блудов, пишет автор, был продуктом культуры начала XIX в. Он пытался, но так и не смог создать для себя модель «аристократа на гражданской службе». Его самосознание носило черты карамзинского сентиментализма: Блудов смотрел на себя сквозь призму литературы. Он не был бюрократом по духу, до глубокой старости оставаясь «литератором в мундире». Для понимания духовного облика Блудова важно помнить, что он был очень богатый помещик и то, что вырос в семье, пострадавшей от пугачевщины, сохранившей и культивировавшей страх перед ней. Р.Вортман указывает также, что Блудов был монархистом и человеком, горячо преданным Николаю I. Специальной юридической подготовки он не полу-

чил; в его библиотеке из книг по праву имелась лишь «О духе законов» Монтескье.

Одной из его исторических заслуг следует признать организацию газет в провинции (в бытность министром внутренних дел). Современники отмечали, что Блудов обладал способностью подготавливать доклады и законы, которые использовались Николаем I для укрепления центральной власти. Он умел обходить острые противоречия, сглаживать конфликты и сложности, создавая иллюзию каких-то позитивных изменений, которые совершенно не затрагивали основ господствовавшей системы. До своего назначения в 1839 г. на пост начальника II Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, он, начиная с 1828 г., много сделал для подчинения протестантской и униатской церквей царской администрации. В конечном счете ему удалось в 1839 г. полностью подчинить униатов Синоду.

Будучи министром внутренних дел, Блудов немало сил отдал делу реформы органов местной власти. Им были разработаны план реорганизации петербургской полиции, программа преобразования финансовых органов городского управления, а также проект улучшения деятельности городских больниц. Наиболее важной законодательной мерой Блудова автор считает Общую инструкцию гражданским губернаторам (1837), в которой была предпринята попытка прояснить запутанные губернской реформой 1775 г. и министерской реформой 1802 г. полномочия губернаторской власти. Блудовская инструкция сконцентрировала в руках губернатора всю власть над органами местного управления. В то же время инструкция ограничила свободу деятельности губернатора, что привело к еще большей концентрации власти в министерствах. Реформа Блудова, пишет Р.Вортман, создала простые, ясные и прочные формы полностью централизованного управления.

Наиболее важная часть инструкции была посвящена вопросам деопроизводства, реформа которого, по замыслу Николая I, должна была еще более укрепить центральную власть. Предполагалось ограничить количество ненужных бумаг и размеры корреспонденции. Но планы императора Блудову осуществить не удалось. В результате ограничения прерогатив местной власти относительно небольшая по объему корреспонденция в губерниях и уездах сократилась, но зато резко усилились два потока бумаг: в центр и из центра. Губернаторы роптали, жаловались. Но Блудов сумел представить Николаю I дело так, что будто бы инструкция достигла поставленной цели. Вторым негативным последст-

вием Блудовской инструкции было то, что еще более предавались забвению особенности местных условий. Строго централизованная власть, как правило, не входила в их рассмотрение. Потому нередко ее решения были безграмотными и неосуществимыми.

Несмотря на то, что Блудов был стопроцентным монархистом, обожал Николая I, все свои силы отдавал укреплению системы самодержавия, считал ее в высшей степени жизнеспособной, эффективной и пользующейся поддержкой народа, сам он был человеком, глубоко чуждым сути николаевского государства, николаевского духа и стиля. Блудов не был личностью милитаристско-бюрократического склада. Терпимость, мягкость, вальяжно-независимая манера поведения сделали Д.Н.Блудова очень непопулярной фигурой в III Отделении. А.Х.Бенкендорф подозревал его в «крайнем либерализме», а сотрудники III Отделения с большим вниманием следили за деятельностью «опасного человека».

Небезынтересно, что информация, собираемая III Отделением в обществе о Блудове (старательный, хороший чиновник, умелый исполнитель, но слабая воля, нет характера и широты кругозора государственного деятеля), совпадает с точкой зрения его друга молодости, князя П.А.Вяземского. Р.Вортман приводит слова Вяземского, который утверждал, что Блудов в сфере литературы рожден не творцом, а критиком, в государственной же сфере рожден для оппозиции. В оппозиции, писал Вяземский, он мог бы стать заметной фигурой, как государственный деятель — ничтожество. Автор дает Блудову еще более негативную оценку. По мнению Р.Вортмана, этот человек был не в состоянии разработать собственную политическую программу. И по своему характеру, темпераменту вряд ли бы стал членом оппозиции. Он имел талант находить слабые места в существующих институтах, при этом отнюдь не желая их фундаментального преобразования. И как никакая другая Блудову «подходила» должность начальника II Отделения, задачами которого прежде всего являлись подготовка судебной реформы и совершенствование Свода законов, однако не посредством кардинальных изменений, а путем постепенного улучшения.

М.М.Сперанский и Д.В.Дашков в 1836 г. пришли к выводу, что успешная реформа судебной системы может быть лишь при условии ее проведения по общему плану. Они отвергали путь частичных изменений — «сначала изменим это, а затем посмотрим, что получится». Николай I согласился с их мнением. В 1840 г. Блудов оказался тем человеком, ко-

торый должен был подготовить общий план реформы. Однако, занимаясь этим делом около двух десятилетий, считая себя хранителем завета Сперанского и Дашкова, он по сути придерживался противоположных взглядов на возможные способы преобразования правовой, в том числе и судебной, системы. Так, в 1859 г. следующим образом объяснял свою точку зрения. Улучшения в законодательстве, судебной системе и т.д., писал Блудов, могут быть полезными и плодотворными только тогда, когда они вытекают из потребностей общества и являются составной частью развития духа гражданственности и разума общества. Мудрость и любовь к человечеству — вот отправные пункты судебной реформы, а отнюдь не разработанный в недрах бюрократии какой-то общий план реформы. Таким образом, становится ясным, что Блудов был скорее гуманист-постепеновец, нежели чиновник, понимающий необходимость планирования для осуществления реформы.

Р.Вортман подчеркивает, что Блудов, возглавив II Отделение, изменил его состав согласно своим «аристократическим предрассудкам». Балугьянский и Сперанский стремились научить русскую бюрократию пониманию проблем управления страной, на ответственные места они назначали опытных администраторов, выпускников и профессоров университетов, причем, как правило, не дворянского происхождения. Блудов же предпочитал состоятельных, образованных, светских, рафинированных и литературно одаренных людей. Но такие дворяне, разумеется, не обладали административным и правовым опытом. Из 23 ближайших сотрудников Блудова лишь девяттеро имели за своими плечами службу во II Отделении, трое служили в Сенате или Министерстве юстиции, да и то не более чем по три года.

Наиболее значительным из всех блудовских проектов автор считает проект реформы гражданского процесса. Блудов полагал, что основы российского гражданского процесса наносят ущерб экономическим интересам дворянства, и хотел их видоизменить, не посягая на устои самодержавной власти. Он очень быстро разработал план проведения реформы (1840). Но министр юстиции В.Н.Панин заблокировал реформу. Лишь в 1848 г. Блудов по распоряжению Николая I вновь занялся ее разработкой. В январе 1849 г. он представил императору «Основные принципы», в которых выдвигалось требование радикальных изменений системы. И вновь на пути реформы встал Панин, не выдвинув при этом никакой альтернативы.

Блудовский проект предполагал введение в России ограниченной состязательной процедуры для гражданских тяжб, т.е. была сделана попытка приблизить российский гражданский процесс к западноевропейскому и восстановить роль сторон, которая была ограничена в XVII и XVIII столетиях. Стороны получали право выступать друг против друга, но суд еще долгое время должен был оставаться закрытым для общественности. Ее представлял на суде поверенный, который был государственным чиновником. В результате осуществления блудовской реформы гражданский процесс вышел бы из-под власти административных органов, а полиция полностью была бы устранена из гражданско-правовой сферы. Суд освободился бы от связей (вернее, зависимости) с полицией, и она бы больше не влияла на принятие судебных решений. По проекту, также сокращались сроки, которые ответчик получал для отвода обвинения, вводилась практика подачи письменных доказательств. Все это в целом сделало бы гражданское судопроизводство более эффективным. Правда, сохранялось административное наблюдение над ходом судебного разбирательства.

К разработке реформы уголовного процесса Блудов подошел с меньшим энтузиазмом. Работа началась лишь в конце 1840-х годов и была закончена в 1861 г. Причем этот проект имел явно консервативный облик. Он считал, что Россия еще не созрела для того, чтобы отказаться от инквизиционного процесса в судебных разбирательствах уголовных дел. Реформой гражданского процесса, пишет автор, Блудов стремился удовлетворить «интересы» института частной собственности посредством либерализации судебной системы, реформой уголовного процесса хотел улучшить эту систему, не подвергая собственность опасности. Но и в этом случае проведение блудовской реформы способствовало бы ограничению власти полиции.

Либеральные историки, например Г.А.Джаншиев, делают из Блудова присяжного сторонника радикального преобразования судебной системы. Однако какие бы «радикальные» изменения ни предполагались в блудовских проектах, вся его жизнь и деятельность свидетельствуют о том, что их основной целью не были самостоятельность и независимость суда. Для него верховенство власти самодержавия всегда оставалось незыблемым и главным принципом при подготовке проекта любой реформы; только соблюдение этого принципа, полагал он, является гарантией порядка и безопасности. На местном уровне, по мнению Блудова, высшей должна быть власть губернатора. Причем лишь полицейская

власть губернатора способна сохранить на местах общественный порядок и спокойствие. Политико-правовые воззрения Блудова, говорит автор, начисто исключали возможность признания им принципа разделения полицейской и судебной властей. Он резко выступал против введения независимой адвокатуры и публичного суда, которые бы ограничили власть государства над обществом. Это мнение Блудова оказало влияние на точку зрения Александра II, что затянуло осуществление реформы судебной системы. В целом он выступал за сохранение двух «столпов» дореформенного суда — подчинения исполнительной власти и сословности. Главную же цель Блудов видел в освобождении дворянских судов от засилья судебных чиновников. Именно на достижение этой цели и было направлено введение состязательного порядка в гражданском процессе. Судейские чиновники были для него олицетворением безнравственности, необразованности, взяточничества и т.д. Своей задачей он считал как можно более полную элиминацию их из судопроизводства. В этом духе и пытался (небезуспешно) воздействовать на Александра II.

В конечном счете, блудовские проекты были подвергнуты острой критике группой молодых бюрократов, обладавших серьезными правовыми знаниями и административным опытом. Причем проекты Блудова критиковались и за ненаучность, и за непрактичность, т.е. нереализуемость. Особенно досталось аристократическим предрассудкам Блудова, который хотел сохранить не только сословность суда, но и ограничить круг избираемых в судьи крупными землевладельцами. Судебная реформа 1864 г. имела мало общего с проектами Блудова. Граф Дмитрий Николаевич Блудов, пишет автор, представлял гуманную и просвещенную сторону самодержавия; в эпоху грубого и деспотического царствования Николая I он был связующим звеном между «высокими надеждами» эпохи Александра I и их осуществлением в годы царствования Александра II.

*

*

*

Деятельность русских судей в начале XIX столетия заключалась прежде всего в том, чтобы служить интересам социальной и политической элиты страны. Судьями, как правило, становились дворяне; это была награда за военную службу. Не имея судейского опыта, а также

интереса к правосудию, они мало занимались делами, оставляя фактическое осуществление своих функций армии мелких чиновников. Последние прославили себя умением заставить закон служить сильным мира сего. «Для нас судейство — служба, для них (секретарей) — профессия. Для них оно дело жизни» (с. 52), — писал М.А.Дмитриев, бывший сам судьей. Таким образом, правовая администрация была расколота: с одной стороны, судьи, наделенные властью и ответственностью, с другой — чиновники, обладающие профессиональными знаниями и опытом. Эти социальные и внутриведомственные барьеры преодолевались, замечает Р.Вортман, общим и для тех и для других постоянным нарушением законности.

Министерская реформа царствования Александра I, ориентированная на специализацию и централизацию аппарата государственного управления, способствовала восстановлению целостности правовой системы. Создание Министерства юстиции снизило влияние судебных чиновников на жизнь общества. Концентрация власти в центральных аппаратах министерств в эпоху Николая I привела к тому, что министр юстиции распространил свое влияние на провинциальные институты. В результате возникла группа бюрократов, подчинявшаяся (фактически) министру юстиции, а не органам местной исполнительной власти.

К середине столетия в недрах николаевской бюрократии появилась группа молодых чиновников, сочетавшая опыт работы в юридических учреждениях с высоким образовательным уровнем и достаточно высоким социальным происхождением. Большинство этих чиновников служили в Министерстве юстиции, многолетний руководитель которого граф В.Н.Панин полагал, что законность в России возможна лишь в результате коренного улучшения личного состава гражданской службы. Поэтому Панин уделял большое внимание подбору и расстановке кадров в своем министерстве. Он стремился на ответственные и ключевые посты назначать молодых и образованных чиновников, как правило, выпускников Училища правоведения.

Молодые бюрократы из Министерства юстиции представляли собой принципиально новый феномен в истории русской администрации. В основном они были выходцами из среднего и мелкого дворянства, т.е. из тех слоев правящего класса, которые традиционно делали карьеру на военной службе. От предшествующих поколений высших чиновников-юристов они отличались социальным происхождением, пониманием и отношением к службе, а также образованием. Таким образом, они не

принадлежали ни к аристократии, ни к клеркам из «третьего сословия». Им были одинаково чужды и аристократическое миропонимание, и идеология бюрократов-служак. В то же время новая гражданская роль в обществе отдаляла их от того военно-дворянского круга, из которого они вышли. В сущности со всеми традиционными институциональными, социальными и семейными традициями было покончено. Родилась вполне самостоятельная социальная группа со своим собственным этосом, основанным на глубоком, всестороннем и одновременно весьма специфическом для того времени образовании. Эти молодые чиновники впервые в истории России получили образование, в котором широкие гуманитарные познания сочетались с теоретико-правовой и практической юридической подготовкой.

Многие из этих новоиспеченных бюрократов понимали свое жизненное назначение как борьбу за установление в России законности, создание прогрессивной и эффективной судебной системы, а в целом — как закладывание фундамента правового государства. Они чувствовали себя гораздо более связанными нравственными узами законности и справедливости, чем обязанностями службы. В чиновничий мир выпускники Училища правоведения внесли дух дворянской чести и благородства, помноженный на профессиональное умение юриста-практика. «Слуги закона», — говорили они о себе. После нескольких лет службы в них укрепилось ощущение особенности и отличия от других отрядов бюрократии, они все более и более уверялись в том, что им предназначена миссия реформаторов русской правовой системы и суда. Все явственнее у бывших студентов-правоведов проступали черты моральной идентичности, характерные для любой профессиональной группы.

Наряду с Училищем правоведения важную роль в подготовке судебной реформы сыграли университеты, в особенности Московский. Юридический факультет Московского университета был к тому же центром русской правовой мысли. Здесь преподавали такие блестящие ученые, как П.Г.Редкин, К.Д.Кавелин, Н.И.Крылов и Т.Н.Грановский. Автор подчеркивает, что это было первое на юридическом факультете поколение дворян-профессоров, которые внесли в свои лекции дух благородства и широкую культуру, в том числе правовую. Причем их лекции были полезны студентам не только в плане общетеоретическом, они давали и практические юридические знания.

Высоко оценивает Р.Вортман и вклад профессуры юридического факультета Московского университета в развитие правовой науки. Так,

с оригинальной концепцией выступил П.Г.Редкин. Он утверждал, что Россия находится в третьей фазе своего исторического пути. Характерной чертой этой фазы является то, что движущей силой и материально-го, и духовно-интеллектуального развития нации становится правительство. Начало третьей фазы русской истории положил «Свод законов» М.М.Сперанского, ее главной задачей является насыщение государственного организма России правом и законностью, а также улучшение правительством действующих законов. В этой же фазе необходимо, считал Редкин, создать сословие юристов, которые одни в состоянии установить в России господство закона. Но здесь правительство должно решить еще одну сложную задачу: дать будущим реформаторам административной и правовой системы образование, отвечающее требованиям современной жизни и науки. В результате в России станет возможным господство высшего типа права — «права юристов». Господство «права юристов» есть свидетельство того, что позитивное право поднялось до уровня философии, стало частью общественного сознания и нашло свою реализацию в жизни. Именно с целью способствовать делу создания сословия юристов Редкин встает во главе первого русского специального журнала «Юридические записи» (1841). По его замыслу, журнал должен был стать центром, вокруг которого объединятся прогрессивные отечественные юристы.

Серьезный вклад в развитие русской правовой мысли внес профессор Казанского университета Д.И.Мейер. Сын придворного музыканта, он изучал право в Берлине под руководством Пухты, Хомейера и других сторонников исторической школы права. Мейер был одним из первых в России специалистов по гражданскому праву европейского уровня. Подобно Редкину, он ратовал за создание сословия юристов, которому отводил роль целителя и охранителя нации. В университете Мейер создал своеобразную «юридическую клинику», где обучал студентов применению теоретических положений в практической деятельности. Такой же практический характер носили труды этого ученого по гражданскому праву. Его лекции легли в основу первого русского учебника по гражданскому праву. Р.Вортман подчеркивает, что Мейер много сделал для того, чтобы привлечь выпускников университета в суды и Министерство юстиции. Сам он был живым примером дела служения правовой науке и законности.

Значительную роль в подготовке судебной реформы сыграл и Сергей Иванович Зарудный, чиновник Министерства юстиции.

С.И.Зарудный был также оригинальным правовым мыслителем. Самостоятельное изучение философии привело этого энергичного человека к выводу, что он должен посвятить свою жизнь борьбе за гуманизацию российского общества и государства, другими словами, борьбе за право и законность. Зарудный обладал недюжинным талантом юриста-практика, поэтому именно ему обычно поручалось техническое оформление всех проектов реформы суда. В министерстве же Зарудный организовал неофициальный семинар, на котором молодые чиновники могли пополнить свое образование как теоретико-правовыми, так и практическими, необходимыми для службы, познаниями. В целом Зарудный и его окружение много сделали для подготовки реформы 1864 г.

Ю.С.Пивоваров

Кайзер Ф.Б.

**РУССКАЯ СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.:
К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЮСТИЦИИ
ОТ ЕКАТЕРИНЫ II ДО 1917 г.**

Kaiser F.B.

**Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte
der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. —
Leiden: Brill, 1972. — XV, 552 S. — (Studien zur
Geschichte Osteuropas; 14). — Bibliogr.: S. 500—541.**

Реферируемая монография посвящена генезису судебной системы России петербургского периода ее истории. По словам автора, он хотел показать, каким образом сословная судебная система была преобразована в либеральную, и потому особое место в книге уделит борьбе группы русских чиновников за создание такой судебной системы, которая в условиях самодержавия могла бы отстаивать и проводить в жизнь либеральные принципы, а также способствовать превращению полицейского государства в правовое. Кроме того, в работе изучаются деятельность II Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, ответственного за совершенствование судебной системы, постановка юридического образования в России первой половины XIX в., правовые воззрения многих крупных русских государственных деятелей и чиновников, сыгравших ту или иную роль в подготовке судебной реформы. Кайзер также рассматривает реформу судебной системы в контексте процесса освобождения крестьян, экономического развития страны, революционного движения. Автор пытается ответить на вопрос о степени влияния западноевропейских судебных институтов на реформу 1864 г.

Целью всех проектов судебных реформ, разработанных в России в первой половине XIX в., было уничтожение старой системы и создание такой, которая обеспечивала бы правовую защиту и безопасность личности. Автор подчеркивает: чтобы уяснить смысл борьбы за новую судебную систему, необходимо точно представлять себе слабости старой, от которой страдали почти все слои русского народа. По его мнению, основным недостатком русской судебной системы было «смещение властей». Строгое и четкое разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную отсутствовало в России, оно не было выработано в ходе ее исторического развития. В результате суды попали в полную зависимость от администрации. «Смещению властей» способствовало и крепостное право, наложившее сильный отпечаток на всю русскую государственность и правовую культуру.

Первые робкие попытки отделить судебную власть от исполнительной были предприняты Петром I. Но и этому великому человеку не удалось сколь-либо значительно поколебать московские традиции «смещения властей». Пропагандистом принципа разделения властей выступила в своем знаменитом «Наказе...» от 8 апреля 1768 г. Екатерина II, ученица Монтескье. Но это, как и многое другое в деятельности императрицы, было чистой декларацией. В законодательстве периода ее царствования принцип разделения властей не нашел абсолютно никакого отражения. Напротив, именно реформы губернского (1775) и городского (1785) управления юридически окончательно оформили русскую судебную систему. В почти неизменном виде данная система просуществовала до 1864 г.¹.

В России исторически сложилось и господствовало убеждение, что судебная система должна быть подчинена органам государственного управления. Вмешательство того или иного административного лица в судопроизводство отнюдь не всегда было проявлением своеволия. Как правило, подобным вмешательством руководило мнение, что административное решение оперативнее и лучше судебного. Автор указывает: смещение исполнительной и судебной власти, в конечном счете, вело к расстройству российской юстиции. Суд в России был, в сущности, при-

¹ На мой взгляд, Кайзер здесь ошибается. Именно губернская реформа ввела в России — пусть и не последовательно, и не в его классической версии — принцип разделения властей. Была значительно усовершенствована и судебная система. Об этом свидетельствуют создание палат уголовного и гражданского суда, элементы выборности судей и т.д. — Прим. реф.

датком администрации; с полным правом министр внутренних дел С.С.Ланской утверждал: «Мы едем верхом на вашей юстиции» (с. 9). Судебное решение в принципе не было окончательным, оно могло быть изменено в Сенате, Государственном совете или самим императором.

Кайзер отмечает: следствием сословной организации суда была почти всеобщая правовая необразованность судей. Для того чтобы занять судебскую должность, совершенно не требовалось специальной юридической подготовки. Это «распространялось» и на судей, назначаемых самодержцем. Так же произвольно раздавались и сенаторские кресла. Поэтому неудивительно, что Сенат и суды были столь неэффективны. Известно, что Николай I сразу же после восшествия на престол публично (обращаясь к старшему брату, великому князю Константину Павловичу) выразил крайнее неудовольствие уровнем подготовки и понимания сенаторами смысла их деятельности. Гнев императора вызвало поведение группы сенаторов, направленных в Варшаву для допроса арестованных в Польше членов (или подозреваемых в причастности) декабристских обществ. Но даже такое, в сущности, несложное дело (декабристы вели себя далеко не лучшим образом, большей частью добровольно и откровенно признаваясь в своих замыслах) оказалось не под силу опытным русским государственным деятелям; их миссия с треском провалилась, сенаторы оскандалились в глазах русского общества. Это звучит почти анекдотически, добавляет автор, но многие сенаторы с трудом писали и читали. В 1841 г. в семи департаментах Сената насчитывалось лишь шесть человек с университетским образованием. В судах же большинство составляли полуграмотные и малограмотные.

Вследствие некомпетентности судей-дворян власть в судах оказывалась в руках судебных чиновников — канцеляристов и секретарей суда. Эти люди также не имели специального юридического образования (зачастую никакого), но зато прекрасно знали практику судопроизводства и законы империи. Эта категория русских чиновников прославилась взяточничеством, корыстолюбием, моральной нечистоплотностью, полнейшим презрением к праву и законности и т.п. Единственным оправданием этому многочисленному «сословию» может служить то, что за свою службу, кстати, отнимающую много сил и кропотливую, им выплачивалось мизерное жалованье. Разумеется, несоответствие фактически влиятельного положения и низкой платы за труд толкало судебных чиновников к мздоимству.

Но их власть основывалась не только на необразованности судей из дворян. Сама структура судопроизводства способствовала усилению роли судебных чиновников. Дело в том, что судья избирался на определенный срок. Традиционная же медлительность, неповоротливость русского суда, усугублявшиеся тем, что судебские чиновники специально затягивали решение дел с целью большей наживы, вели к тому, что разбирательство начинал один судья, а завершать дело должен был другой, нередко еще не успевший вникнуть в его суть. Поэтому институт выборных судей был судебским чиновникам на руку. Они оставались в суде постоянно, и именно в их руках сходились нити всего разбирательства.

Далее автор останавливается на специфике гражданского и уголовного процесса в России. Уголовное судопроизводство основывалось на принципах инквизиционного процесса, который был введен Петром I. Инквизиционный процесс, главные черты которого были заимствованы в историческом прошлом Западной Европы, стал органической частью полицейского государства, возведенного Петром Великим. Для этого процесса в России XVIII–XIX вв. характерно: тайное ведение дел (полное отсутствие гласности), выступление судьи в роли обвинителя, отсутствие института защитников, строго регламентированное поведение судьи, никаких гарантий прав личности. Гражданское судопроизводство тоже базировалось на принципах инквизиционного процесса. Наиболее характерной чертой гражданского процесса следует признать неоперативность, медленность разбирательства.

Ужасное состояние, в котором находилось правосудие в России, было причиной ожесточенных нападок на него «критических умов», а также возникновения множества проектов реформ. И если для большинства российского населения система правосудия представлялась злом, которое, однако, устранить нельзя, но к которому необходимо приспособиться, то духовно независимые люди, разумеется, стремились «найти выходы из лабиринта отечественного правосудия» (с. 90). Среди сторонников реформы правосудия были деятели различного социального происхождения и ставившие перед собой различные общественно-политические цели. При этом большинство проектов реформ было выдвинуто не учеными-юристами, а высшими государственными чиновниками.

По мнению автора, в предложениях декабристов по реформе системы правосудия сконцентрировалось все то лучшее и радикальное, что со времен Екатерины II было накоплено русской мыслью. После пора-

жения декабристов началась эпоха вынужденного молчания, которая продолжалась вплоть до воцарения Александра II. Лишь Николай Тургенев в эмиграции имел возможность публиковать свои проекты обновления правосудия. В эпоху правления Николая I явно проглядывало стремление верхов монополизировать право на критическую мысль, на разработку планов реформ. В результате создалось положение, исключавшее какую-либо возможность публичного выражения собственного мнения частным лицом.

Однако, отмечает автор, правительству не удалось избавиться от критики обществом господствующего порядка и системы правосудия. Большую роль в обличении темных сторон правосудия сыграла художественная литература. Весьма квалифицированную и острую критику судебных порядков можно найти в произведениях Капниста, Радищева, Крылова, Пушкина, Гоголя, Герцена, Некрасова, Сухова-Кобылина, Островского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского и др. Русские писатели стали публичными обвинителями царского правосудия, воспитателями правового сознания широких слоев общества. Они, по выражению автора, были ферментом, способствовавшим подготовке реформы 1864 г.

Кайзер подчеркивает: бесправное положение русского народа отразилось в большом количестве пословиц и поговорок, которые собрал и в 1862 г. опубликовал В.И. Даль. В них поражает скепсис, неверие народа в то, что можно улучшить деятельность судов, что правосудие должно вершиться справедливо; безнадежность, смирение, горький, иногда чуть смягченный юмор — вот те чувства, которые отразились в русских пословицах и поговорках, «посвященных» правосудию. Недовольство русского народа существующей системой правосудия было одной из важнейших причин многочисленных выступлений крестьян в эпоху Николая I. Эту причину, пожалуй, следует признать более важной, чем бедственное экономическое положение. Выступления крестьян были убедительным подтверждением необходимости преобразования системы правосудия. Они, безусловно, оказывали влияние на правящие сферы, в которых велась разработка проектов реформ.

В общем и целом русская правовая мысль первой половины XIX столетия пришла к необходимости осуществления следующих мер, направленных на коренную модернизацию системы правосудия: 1) разделение властей; 2) равенство всех перед законом; 3) независимость судей; для этого они должны быть обеспечены в материальном отношении; 4) выборность судей населени-

ем; 5) введение суда присяжных; 6) создание институтов мирового судьи и полицейского судьи; 7) организация торговых судов; 8) введение института судебного следователя; 9) особые суды для крестьян; 10) адвокатура; 11) прокуратура как учреждение, подчиняющееся исключительно органам правосудия; 12) так называемые палаты служебного взыскания; 13) нотариат; 14) особые судебные исполнительные органы; 15) сокращение числа судебных инстанций; 16) кассационные суды; 17) публичность процесса; 18) гласность процесса; 19) введение основополагающего принципа — «*nullum crimen sine lege*»; 20) введение основополагающего принципа — «*ne bis in idem*»; 21) введение основополагающего принципа — «с обвиняемым необходимо обращаться как с невиновным до тех пор, пока он не осужден»; 22) введение основополагающего принципа — «наказание может последовать лишь в результате судебного приговора»; 23) принцип обжалования; 24) улучшение «правил получения» признания; 25) окончательная отмена пыток; 26) решения суда должны приниматься единогласно или квалифицированным большинством; 27) отмена принципа «*reformatio in peius*»; 28) отмена состояния «нахождения под подозрением»; 29) улучшение условий содержания как во время судебного разбирательства, так и в период отбывания наказания; 30) отмена смертной казни и телесных наказаний; 31) введение состязательного порядка в частный процесс; 32) ускорение темпов судебного разбирательства; 33) сокращение сроков процесса; 34) снижение гербового сбора; 35) создание специальных судов по разводам; 36) равное положение официальных и частных лиц в гражданском процессе; 37) открытость и доступность для населения всех юридических постановлений; 38) улучшение юридического образования посредством создания новых и повышения эффективности деятельности имеющихся специальных правовых учебных заведений, все более тесная связь теоретической подготовки с практическими занятиями, а также обучение за границей; 39) арест и судебное преследование судебных чиновников за незаконные деяния против частных лиц; 40) отмена чрезвычайных (особых) судов.

Все эти предложения в той или иной форме и мере были учтены и реализованы при проведении реформы 1864 г., а также в ходе развития русской правовой системы во второй половине XIX в. В острых спорах и борьбе мнений относительно будущего русского права постепенно вырисовывались контуры пореформенной «юридической действительности» страны. В различных проектах реформ, пишет автор, обращает на себя внимание то, что в них рассматривается возможность использования

западноевропейской судебной системы (или ее отдельных элементов) и правовых учреждений в русских условиях, т.е. ставится вопрос о степени их применимости, об их адаптации.

Русская правовая мысль, по мнению Кайзера, не была самостоятельной, свои основные положения она заимствовала у западной юридической науки. Наибольшим влиянием в России пользовалось французское право, немногим уступало ему англо-американское. Значительно меньшее воздействие оказывало немецкое право. В монографии подчеркивается несовместимость русских социально-политических, государственных и других традиций и условий и западноевропейских правовых, в том числе судебных, институтов, что во многом явилось причиной абстрактного характера большинства проектов реформ в первой половине XIX в. Отчасти это объясняет тот факт, что ни один из проектов не был реализован. Однако основная причина заключается в боязни правящих кругов каких-либо серьезных изменений.

Кайзер отмечает: нельзя объяснять политику николаевского режима, отрицавшую необходимость глубоких изменений, одним лишь политическим консерватизмом самодержца и его приближенных. Напротив, во всех проектах реформы правосудия, вышедших из правительственных сфер, учитывались требования декабристов. В то же время, как это ни парадоксально, кардинальное преобразование правосудия квалифицировалось как посягательство на незыблемые законы. Таким образом, возникла ситуация, при которой высшие государственные чиновники составляли планы радикальнейших изменений системы правосудия, а вся практическая политика правительства была в сущности отказом от реформ.

В конечном счете, правящие круги пришли к выводу, что следует поднять профессиональный уровень чиновников сферы правосудия. Было признано: в их некомпетентности якобы и коренятся причины всех недостатков русского правосудия. Итак, не реформа системы, а повышение эффективности чиновничества — этот путь избрало правительство. Причем реализация правительственных планов шла по двум направлениям: во-первых, улучшили подготовку юристов; во-вторых, усилили постоянный контроль различных государственных органов за чиновниками правосудия. Но подобный курс, отмечает автор, мог быть эффективным в Министерстве юстиции и в прокуратуре, т.е. в тех органах, куда чиновники назначаются правительством. Что же касается сослов-

ных судов с избранными от сословий судьями, то здесь политика николаевской администрации оказывалась гораздо менее действенной.

Далее автор останавливается на вопросах юридического образования в России первой половины столетия. Он подчеркивает, что созданные в начале XIX в. университеты прежде всего предназначались для подготовки юношества к государственной и судебной службе. Но далеко не сразу в университетах были открыты юридические факультеты. Поначалу право изучалось вместе с богословием и философией на факультетах моральных и политических наук. При этом специальным юридическим предметам, необходимым для практической деятельности, отводилось незначительное время. В 1805 г. из существовавших правовых кафедр были сформированы юридические отделения. И лишь в 1835 г. в университетах Москвы, Петербурга, Харькова, Казани, а в 1842 г. и Киева появились юридические факультеты. Но даже закончившие эти факультеты люди обладали весьма ограниченными знаниями и малым практическим умением для службы в органах правосудия.

Вместе с тем, говорит автор, уже в первой половине XIX в. в России имелся ряд крупных ученых-правоведов. В конце XVIII — начале XIX в. в русской юридической мысли преобладала естественно-правовая школа. Затем, когда естественное право в России стало рассматриваться как революционное учение и его сторонники подверглись гонениям, на первое место вышли историко-правовые исследования. Велика была и доля работ, в которых предпринималась компиляция действующих законов. Подобные труды сыграли выдающуюся роль при подготовке М.М.Сперанским и его коллегами Свода законов Российской империи.

Но само издание Свода имело для дальнейшего развития русской правовой мысли и системы права в целом не только положительное значение. Оно во многом затормозило поступательное движение юридической мысли, которая оказалась обреченной на толкование тех или иных законов, той или иной части Свода. В особенности же издание Свода затруднило творчество тех теоретиков, которые пытались разработать принципиально новую систему, отличную от той, что была положена в основу Свода. Лишь немногим ученым удалось избежать его «догматизирующего» влияния. Здесь прежде всего следует отметить работы по уголовному праву Я.Баршева и Н.Стояновского, вышедшие в Петербурге соответственно в 1844 и 1852 гг.

Кайзер пишет: плохая постановка дела юридического образования в России вынуждала искать новые формы подготовки. Так, например, в

1788, 1806, 1807 и 1815 гг. в Московском университете проводились практические занятия для студентов, желавших после окончания учебы поступить на службу в административные и судебные органы. В 1820-х годах практические занятия для студентов-юристов в Московском университете вел Н.Н.Сандунов, а с 1849 г. — Д.И.Мейер. В 1827 г. М.М.Сперанскому и М.А.Балугьянскому удалось осуществить свою давнюю идею. Было решено ежегодно посылать в заграничные университеты наиболее талантливых молодых студентов (не только юристов) с тем, чтобы по возвращении они служили во II Отделении Собственной е.и.в. канцелярии. Это решение Николай I принял после того, как в докладе II Отделения Сперанский и Балугьянский убедительно показали бедственное положение органов управления и правосудия по причине отсутствия квалифицированных кадров. В докладе даже утверждалось, что никакой практической пользы русские высшие учебные заведения пока не приносят.

По плану Сперанского, который в основных чертах был реализован, в Московской и Петербургской духовных академиях отбирались одаренные студенты. Около года они проходили предварительную подготовку в Петербурге — изучали римское право и латинскую литературу. При этом они находились под постоянным контролем руководства II Отделения и знакомились с началами его деятельности. Затем после сдачи экзамена студенты направлялись в Берлинский университет. При посредничестве В. фон Гумбольдта и по соглашению с русским правительством ответственность за обучение прибывшей группы студентов была возложена на Ф.К. фон Савиньи. Экзамен, который выдающийся правовед устроил русским студентам, показал их недостаточную подготовленность, и поэтому перед лекциями самого Савиньи они некоторое время занимались под руководством профессора А.Ф.Рудорфа. После двухгодичного обучения в Берлинском университете русские посланцы провели следующие два года в других университетах Германии. В 1830-е годы подобным образом получили образование 12 человек. Они-то и стали первыми русскими юристами, достигшими европейского уровня образования, кругозора и культуры. Первыми из русских получили они по возвращении и степень магистров права и через некоторое время заняли кафедры различных университетов (разумеется, определенное время они служили во II Отделении). Именно эти 12 человек, а также выпускники созданного в 1828 г. при Дерптском университете специального Профессорского института для подготовки будущих профессоров, по мнению

автора, стоят у истоков русской профессиональной юридической науки. Стипендиаты II Отделения были учителями подавляющего большинства русских юристов эпохи реформ Александра II. Во многом им Россия обязана квалифицированным и эффективным осуществлением судебной реформы 1864 г.

Однако подготовка юристов в лучших западноевропейских университетах не стала постоянным фактором развития русского права и правовой мысли. В 1842 г. в последний раз Николай I разрешил группе студентов выехать для обучения в Германию. В этом же году подобные поездки были запрещены. Был взят курс на разрыв с европейским духовным и интеллектуальным миром. Николаевская администрация считала, что контакты с Западом лишь вредят России, вносят в умы и души подданных чуждое мировоззрение и ложные идеи. В частности, прервалась недавно установленная связь с европейской правовой наукой. Господствовавшая в Германии историческая правовая школа, под влиянием которой находились большинство русских юристов, получивших образование за границей, была подвергнута критике. Тем не менее, пишет автор, именно историческая правовая школа оказала наибольшее воздействие на студентов юридических факультетов русских университетов в 1840–1850-е годы. Но разрыв с Западом, безусловно, имел негативные последствия для русской правовой мысли, которая, еще не окрепнув и не возмужав, осталась как бы без опеки.

Кайзер отмечает: сразу же после опубликования Свода законов возникли трудности с его применением. Собрать законы воедино — это еще не означало провести реформу материального и процессуального права. Кодификация была упорядочением действующего права, но ее посредством отнюдь не были устранены противоречия, устаревшие установления и принципиальные ошибки, которые лишь законсервировались. Подтвердилась правильность позиции Сперанского, полагавшего Свод законов подготовительным мероприятием на пути создания специальных сборников законов, а также необходимым материалом для осуществления реформы в различных отраслях права. По сути дела точку зрения Сперанского разделял и Николай I. Но на практике возникла ситуация, когда дальнейшее движение вперед тормозилось вступившим в силу Сводом законов, ставшим основой для всех правовых отношений в русском обществе. Свод законов фактически превратился в универсального регулятора правовой жизни нации, т.е. замысел Сперанского сделать его исходным, базовым материалом для реформаторской деятельности II От-

деления не удался. Любое изменение, новая, нетрадиционная трактовка того или иного правового положения квалифицировались как опасное покушение на принципиальные устои Российской империи. Не оставалось ни одной отрасли права, которую можно было рассматривать как «*tabula rasa*», как сферу возможного введения более прогрессивных законов. Таким образом, создание и опубликование Свода законов явились апофеозом русских правовых традиций. В связи с этим неудивительно, что все работы по реформированию русского права представляли собой те или иные изменения в Своде законов.

Для развития судебной системы России пагубные последствия, говорит автор, имело восстание декабристов. Причем страх перед радикальной мыслью теоретиков декабризма был настолько силен, что наложил отпечаток не только на царствование Николая I, но, как ни странно, и на первые годы правления Александра II. Известно, что в проектах декабристов содержались требования реформы судебной системы по европейским образцам и введения правовых институтов, подобных западным. Поэтому все попытки II Отделения вестернизировать русский суд были обречены на провал.

Невысокую активность II Отделения в попытках преобразования судебной системы в 1830-е годы автор объясняет во многом причинами психологического порядка. После многолетней гигантской работы по составлению Свода законов было очень трудно тотчас же приступить к его решительному реформированию и даже отмене некоторых частей. Тем более, что возглавлявший в этот период II Отделение Сперанский основную задачу деятельности подчиненного ему учреждения видел в подготовке Свода законов, а не в составлении планов модернизации судебной системы. В результате до конца 1830-х годов II Отделение оставалось пассивным, а все проекты реформы в этот период разрабатывались в Министерстве юстиции.

Ситуация в корне изменилась после назначения 31 декабря 1839 г. на должность начальника II Отделения графа Дмитрия Николаевича Блудова (оставался им до 1862 г.). По мнению автора, влияние Д.Н.Блудова на деятельность II Отделения было определяющим. Именно он сыграл важнейшую роль в подготовке судебной реформы 1864 г. и всех проектов реформ 1840—1850-х годов, вышедших из II Отделения.

Д.Н.Блудов (род. в 1785 г.) был прекрасно подготовлен для подобного рода деятельности; выходец из аристократической семьи, получивший хорошее образование, долгие годы проведенный в качестве дипло-

мата в Западной Европе. Большое воздействие на формирование его личности оказал Н.М.Карамзин. Блудов считал себя его духовным наследником. Николай I поручил ему возглавлять расследование дела декабристов, с многими из которых последнего, кстати, связывали дружеские отношения. Но столь сложная и деликатная миссия сослужила в дальнейшем Блудову хорошую службу: он детально изучил теоретическую мысль и конкретные предложения декабристов, в том числе и в области правосудия. До своего назначения на пост начальника II Отделения Блудов возглавлял Главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий, был помощником министра народного просвещения, управляющим делами Министерства юстиции, министром юстиции, министром внутренних дел. Одновременно со своим назначением в декабре 1839 г. Блудов стал членом Государственного совета, в котором возглавлял департамент законов.

Кайзер подчеркивает: за долгие годы своей службы Блудов детально изучил состояние дел русского правосудия и всей системы в целом. По своим политическим убеждениям он являлся просвещенным консерватором. Противник Французской революции, как, впрочем, и всяких революций и насильственных действий, при этом был сторонником и последователем философии Просвещения. В мировоззрении Блудова были сильны аристократическо-дворянские элементы. Вместе с тем автор указывает, что мощное влияние на него оказал европейский либерализм. Таковым из-под пера Кайзера предстает перед нами Блудов — крупный чиновник и правовой мыслитель середины XIX в.

Прямо противоположную роль в истории русской судебной реформы сыграл граф Виктор Никитич Панин (род. в 1801 г.). В.Н.Панин был министром юстиции с 1839 по 1862 г. Он родился и вырос в семье известных государственных деятелей екатерининской и павловской эпох. Подобно Блудову, начинал свою служебную карьеру в Министерстве иностранных дел. Молодость в основном провел в Западной Европе в русских посольствах и миссиях. В 1831 г. Панин был назначен помощником статс-секретаря департамента законов Государственного совета и одновременно помощником министра юстиции. С этого момента и до конца жизни оказывал сильное воздействие на развитие русской правовой системы.

Кайзер характеризует Панина как прекрасно образованного человека, опытного и добросовестного чиновника. Он был бюрократом в полном смысле слова — консерватор, педант, формалист, сухой и замкнутый

человек. При этом Панин всеми силами стремился улучшить правосудие. Но — выступал против всех реформ. Его кредо как государственного деятеля сводилось к следующему: ничто существующее не должно быть подвергнуто кардинальному преобразованию, возможен лишь путь постепенного и неуклонного повышения эффективности чиновничества. Во взглядах и деятельности Панина полностью отразился дух николаевского царствования. Он как мог боролся против всех проектов II Отделения, против всех блудовских планов преобразований. В то же время много сделал для того, чтобы русский чиновник стал более квалифицированным, дисциплинированным, ответственным и т.д. Во вверенном ему министерстве на ключевые посты Панин назначал широко образованных и опытных юристов (в 50-е годы XIX в. это были обычно выпускники Училища правоведения).

Но предпринятые Паниным меры по совершенствованию русского чиновничества мало затрагивали органы правосудия. Они не распространялись на выборные сословные суды. В связи с этим он попытался поднять уровень правосудия посредством усиления контроля за деятельностью его органов. Николаевская система тотального контроля нашла в лице Панина великолепного организатора. Он сумел поставить суды под контроль органов Министерства юстиции, лично осуществлял наблюдение за судами Петербургской губернии. Его помощниками постоянно проводились ревизии в центральных губерниях; Сенат и наиболее важные суды были обязаны детально отчитываться о своей деятельности. Но в отношении Кайзера, в русской правовой литературе воззрения и труды Панина получили негативную оценку. Ему ставится в вину бюрократический подход к решению проблем правосудия, чрезмерное увлечение административными мерами. В результате его деятельности несколько улучшился контингент высших чиновников Министерства юстиции, органы же правосудия были поставлены еще в более худшие условия. Так, усиление контроля Министерства юстиции за судами привело к резкому увеличению количества различных служебных бумаг и корреспонденции и, как следствие, к увеличению сроков судебного разбирательства.

Борьба антагонистов, графов Д.Н.Блудова и В.Н.Панина, наложила особый отпечаток на историю подготовки судебной реформы в России. Во многом она свелась к борьбе II Отделения и Министерства юстиции. Причем, если при Николае I преобладающим влиянием пользовалось бюрократическо-охранительное направление Панина, то с во-

царением Александра II инициатива постепенно перешла в руки сторонников реформ.

Автор подчеркивает: в России первой половины XIX в. проекты реформы судебной системы разрабатывались тремя силами: 1) представителями общества, для которых либеральные принципы судебной системы были частью их конституционных планов; 2) чиновниками, для которых те же самые либеральные принципы (хотя зачастую не так явно выраженные) были инструментом для создания более эффективной системы власти, в том числе и судебной; 3) самодержцами, которые одни лишь могли принимать или не принимать эти принципы. В начальные годы правления Александра II ничего нового в расстановке сил не произошло. Вообще, согласно Кайзеру, среди исследователей господствует мнение, что роль Александра II в подготовке судебной реформы невелика; но, конечно же, он наложил на нее отпечаток своей личности.

Александр II получил весьма неплохую правовую подготовку. Его отец, сознавая недостатки собственного образования, постарался окружить наследника престола выдающимися преподавателями. Воспитателем Александра Николаевича стал В.А.Жуковский, от которого будущий император воспринял понимание роли монарха в обществе как гаранта свободы, справедливости и порядка. Причем все эти три понятия в трактовке Жуковского были тесно взаимосвязаны. С октября 1835 г. по апрель 1837 г. наследник прослушал курс лекций по различным отраслям права. Занятия по гражданскому праву вел барон В.Е.Врангель, остальные юридические дисциплины преподавал М.М.Сперанский. Последний оказал большое влияние на формирование правовых воззрений будущего царя. Автор считает, что общие морально-политические принципы, в духе которых Жуковский воспитывал наследника, в результате лекций Сперанского получили конкретное, материальное наполнение. Впервые от Сперанского наследник узнал об адвокатуре, суде присяжных, состязательном процессе и т.д., т.е. обо всем том, что являлось основой западноевропейского судопроизводства. Сперанский прививал своему ученику идею справедливого суда, уважающего и охраняющего права личности. Причем роль верховного суда и высшего защитника справедливости в обществе Сперанский отводил царю. Следует отметить, что моральные принципы Жуковского и правовая идеология Сперанского существенно отличались от воззрений Николая I.

По мнению автора, лекции Сперанского характеризовались высоким профессиональным уровнем. Большое внимание уделялось позитивистско-юридическому анализу Свода законов, а также философско-правовому рассмотрению природы закона. Кроме того, лекции Сперанского были посвящены конституциям различных государств, происхождению и развитию института самодержавия, функционированию механизма управления в России и т.д. Были прочитаны лекции и по уголовному праву, которые автор оценивает как блестящие.

Получив солидное для своего времени юридическое образование, Александр Николаевич к моменту восшествия на престол был также весьма опытным государственным деятелем. С 1839 г. участвовал в заседаниях Государственного совета, с 1840 г. — Совета министров. Наследник престола являлся членом Финансового комитета, Кавказского комитета, был председателем Секретного комитета по изучению крестьянского вопроса и т.д. Таким образом, ходом исторического развития и стечением обстоятельств личной жизни он был создан для проведения крупных преобразований русской государственной машины, в том числе органов правосудия. Но по своему характеру и духовной организации реформатором Александр II не был. В отличие от своего отца, не обладал активностью, целеустремленностью, твердостью и уверенностью в собственных силах. В то же время Александр II унаследовал безграничную веру в силу порядка и авторитета, а также в необходимость сохранения для России незыблемости самодержавия. И вот такой противоречивый человек был вынужден возглавить дело модернизации социально-политических устоев империи. Конечно, двойственность, неоднозначность личности императора серьезно повлияли на ход непосредственной подготовки судебной реформы. Но, в конечном счете, его позитивное отношение к науке, праву, законности и его — как это ни странно — пассивность, позволившая группе просвещенных бюрократов «пробить» свои прогрессивные идеи, способствовали тому, что, несмотря на все трудности и препятствия, реформой 1864 г. в России была создана переломная и эффективная судебная система.

Ю.С. Пивоваров

Фриерсон К.А.

**«Я ОБЯЗАН ВСЕГДА ОТВЕЧАТЬ ПЕРЕД ЗАКОНОМ...».
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ В РЕФОРМИРОВАННОМ
ВОЛОСТНОМ СУДЕ**

Frierson C.A.

**«I must always answer to the law...» Rules and responses in the
reformed volost' court // Slavonic a. East Europ. rev. — L.,
1997. — Vol. 75, N 2. — P. 308—334.**

Статья американского историка, профессора К.А.Фриерсон посвящена деятельности реформированных волостных судов европейской части России в последней трети XIX в. Работа написана на основе материалов «Этнографического бюро» В.Н.Тенишева, провинциальных газет, министерских архивов. Автор привлек также неопубликованные свидетельства современников описываемых событий и историко-правовые исследования русских ученых второй половины XIX — начала XX в.

Волостные суды были образованы в рамках реформы 1861 г. и представляли собой выборные судебные крестьянские органы, занимавшиеся разбором мелких гражданских и уголовных дел. В 1889 г. были изданы «Временные правила о волостном суде», которые «сделали этот суд первой судебной инстанцией более чем для 4/5 населения европейской России» (с.308). Как отмечает автор, волостной суд был для крестьян «школой юридического сознания», в которой они учились разбирать спорные вопросы и вести себя соответствующим образом (там же).

Автор отвергает распространенное в историографии мнение, согласно которому, в крестьянской среде вообще не существовало судебных инстанций. Она утверждает, что волостные суды не просто сущест-

вовали в 23 губерниях европейской части России, но и до 1889 г. осуществляли процедуры, сходные с пореформенными (с.310).

Издание в 1889 г. «Временных правил о волостном суде» проходило одновременно с проведением земской реформы Александра III. Эти меры были направлены, во-первых, на восстановление «дворянской опеки» на селе, во-вторых, на преодоление анархии в деревне. Согласно «Временным правилам...», сельская крестьянская администрация переходила в подчинение земским начальникам, которые назначались из потомственных дворян и полностью контролировали деревенскую жизнь. Поэтому судей назначал теперь земский начальник, который определял также даты и порядок проведения судебных заседаний, назначал судебных работников и принимал решения по вопросу о праве на апелляцию. Земская реформа и реформа волостных судов, как подчеркивает автор, были попыткой преодолеть «деревенский хаос путем возрождения дворянского присутствия и контроля над крестьянством» (с.313).

Реформированные волостные суды разрешали различного рода споры между лицами, подведомственными волостному суду, ценой до 300 рублей вместо 100 рублей по закону 1861 г. Они разбирали жалобы не только представителей крестьянского сословия. В волостной суд могли обратиться также мешане, ремесленники и купцы. Юрисдикция волостного суда распространялась на все споры и тяжбы, касающиеся недвижимого имущества, полученного крестьянами в собственность после отмены крепостного права, а также уголовные преступления, в частности, оскорбление агентов царской охранки, устроение скандалов, оскорбление соседей и родственников, покушение на убийство и т.д. (с.313-314). По новым правилам, кандидатов в судьи избирал волостной сход. Будущий судья должен был быть домовладельцем не моложе 35 лет. Кандидатами не могли стать лица, обвиненные в краже, подвергавшиеся аресту или другим серьезным наказаниям, владельцы питейных заведений, чиновники, занимавшие посты в других волостных или сельских учреждениях, неправославные верующие. По мнению автора, эти меры были направлены на «улучшение штатного состава судей» (с.314).

По новому законодательству, были также наложены ограничения на употребление алкоголя и применение физической силы в волостных судах. Существенным нововведением было определение заработной платы для судей. Председатель суда должен был получать за работу до 100 рублей в год, а другие судьи — до 60 рублей. Эта мера имела целью борьбу со взяточничеством. До этого труд судей не оплачивался, поэтому по-

следние рассматривали взятку в качестве «законного вознаграждения» (с.314).

Вместе с появлением «Временных правил о волостном суде» был разработан особый судейский церемониал. Так, например, во время вступления в должность судья волостного суда давал торжественную клятву земскому начальнику, обещая в точности «исполнять законы империи» и выполнять свои обязанности «по чистой совести» (с.314). Волостной судья обязывался «всегда отвечать перед законом и Богом в день Страшного Суда» (там же).

«Временные правила...» 1889 г. включали также детально разработанную инструкцию о порядке производства и решения дел. Волостной суд должен был собираться не менее 2 раз в месяц, «предпочтительно по воскресеньям после церковных служб» (с.315). Обращения в суд могли подаваться устно или письменно собственно суду, волостному старшине, который председательствовал в волостном суде, земскому участковому начальнику, а по уголовным преступлениям — полиции или сельским властям. На заседаниях суда должны были обязательно присутствовать по крайней мере трое судей, включая председателя. Судьи не могли разбирать дела, в которые были вовлечены они сами или их родственники. Суд имел право, в случае необходимости, вызывать свидетелей, которые должны были являться в суд лично, за исключением тех случаев, когда свидетели жили «за пределами волости или в 15 верстах от суда» (там же). В последнем случае свидетелей допрашивали местные власти, которые затем направляли соответствующие документы в волостной суд, где слушалось дело.

В то же время заседания суда часто не соответствовали официальным нормам. В доказательство этого утверждения автор приводит свидетельства современников, пишущих о том, что судебная процедура носила официальный характер только во время присутствия на заседаниях земского начальника. До его прихода «все присутствующие, от председателя до подсудимых, весело пили водку», и только после известия о прибытии земского начальника «бутылки прятались под столы и стулья и судебное заседание продолжалось» (с.319).

Крестьяне стремились использовать волостные суды для достижения собственных целей, но при этом не желали содействовать следствию, отказываясь выступать свидетелями в судах. Некоторые из них не хотели инкриминировать преступления своим соседям, считая это «обязанностью государства» (с.320). Были и такие крестьяне, которые избе-

гали любых контактов с судебными властями, ссылаясь на то, что они сами никогда не были в суде и не хотят участвовать в судебных заседаниях по делам других людей. Многие крестьяне боялись возмездия со стороны подсудимого или истца (с.321).

Некоторые люди не испытывали доверия к волостному суду и не обращались в него, будучи неуверенными в честных слушаниях. Автор описывает подобный случай, произошедший в 1897 г. в Вятской губернии. В одной деревне местный учитель был ограблен крестьянином, дядя которого служил волостным старшиной и контролировал решения суда. Поэтому потерпевший решил не обращаться в суд (с.323).

Как в дореформенном, так и в реформированном волостном суде имели место случаи завуалированного подкупа судей алкогольными напитками, продуктами питания и деньгами. Существовали даже сельские обычаи, связанные с угощением судей алкоголем. Так, например, в Калужской и Костромской губерниях стороны, участвовавшие в судебном процессе, по существовавшей в то время традиции, до или после заседаний суда поили волостных судей алкогольными напитками (с.323–324). Современник событий Я.Кузнецов слышал, как после окончания суда судьи подходили к победившей стороне и говорили: «Вы мне должны» (с.324). Автор отмечает, что в некоторых губерниях, например в Новгородской, деньги были наиболее предпочтительным видом подкупа и давались до начала слушаний (там же).

Сельские власти часто не выполняли предписаний судов. Это объяснялось прежде всего медлительностью волостных старшин, которые не спешили выносить судебные решения. Так, например, в волостном суде Юрьевского уезда Владимирской губернии в 1904 г. были найдены дела 1900 и 1901 гг., по которым еще не были приняты решения (с.326).

Несмотря на существование волостных судов, крестьяне часто вершили самосуд, который сводил, как указывает автор, на нет деятельность законной судебной власти. Формами самосуда были избиения, вбивание гвоздей в голову жертвы, сожжение виновного заживо и т.д. (с.327).

На рубеже XIX – XX вв. можно наблюдать уникальное явление: самосуд по-прежнему регулярно применялся в деревнях европейской части России, но при этом крестьяне все чаще обращались в волостные суды (с.331). Считается, что в это время крестьяне признали за волостным судом право разбирать дела о мелких денежных спорах, долгах го-

сударству, порче имущества, проблемах наследования и земельных вопросах (с.333).

Однако такие общинные обычаи, как самосуд по уголовным преступлениям, занимали важное место в жизни деревни последних лет существования Российской империи. Это свидетельствовало о том, что даже волостные суды не были «средством распространения разделяемых всеми этических норм» (с.334).

Подводя итоги, автор ставит вопрос о том, следует ли считать волостной суд собственно институтом крестьянской юстиции или учреждением имперской судебной системы. Особенности его деятельности и церемониал позволили К.А.Фриерсон сделать вывод о том, что волостной суд до конца 1890-х годов был «скорее институтом имперской судебной системы, чем органом крестьянской общины» (там же).

О.В.Бабенко